А. П. МЕЛЬНИКОВЪ.

КЛЕЙМО.

(SFREGIO).

Уголовный романъ-быль.

ЮРЬЕВЪ—TARTU.

А. П. МЕЛЬНИКОВЪ

КЛЕЙМО

УГОЛОВНЫЙ РОМАНЪ-БЫЛЬ

(SFREGIO)

1934
TARTU — ЮРЬЕВЪ

Изданіе автора.
M. Minis'e trükk, Narvas.

ОТЪ АВТОРА.

Преслѣдуя ту-же цѣль реальной уголовной правды, что и въ повѣсти «Убійство врача Горянскаго», авторъ строитъ свой разсказъ въ настоящемъ романѣ на фактахъ изъ дѣйствительной жизни, почерпнутыхъ или изъ уголовно-судебной хроники или изъ личныхъ встрѣчъ и наблюденій въ теченіи своей долголѣтней работы въ качествѣ уголовнаго судьи.

Какъ темой для повѣсти «Убійство врача Горянскаго» было взято петербургское дѣло Гилевича, въ свое время сильно нашумѣвшее, такъ канвой для настоящаго романа послужило убійство богача инженера Преслера во Фрейбургѣ. Авторъ лишь перенесъ мѣсто дѣствія изъ Германіи въ Россію, и замѣнилъ германскую бытовую обстановку бытомъ русской дореволюціонной жизни.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРЕСТУПЛЕНІЕ.

1.

Шелъ Сентябрь. Послѣ недѣли дождей третій день стояла погожая, солнечная погода. Лѣса были полны влаги, на лугахъ поблескивали лужицы воды, дороги успѣли подсохнуть. Кристально-чистый воздухъ, напоенный запахомъ свѣже-опавшаго листа, бодрилъ. Тянулись крѣпкія нити паутины. Въ лѣсахъ высыпалъ обильный, осенній слой боровиковъ и рыжиковъ. Почва была покрыта сплошнымъ, мягкимъ ковромъ листвы, переливавшей всѣми цвѣтами радуги и сверкавшей слезами росы.

Ярый грибникъ Иванъ Григорьевичъ Мурзаевъ, воспользовавшись рѣдко выпадавшимъ на его долю свободнымъ днемъ, пропадалъ въ лѣсу съ утра. Выбравшись изъ чащи сосноваго лѣса на полянку, онъ присѣлъ на пень, снялъ съ плеча тяжелую, большую, чуть не заплечную корзину, поставилъ ее около себя на землю, и съ удовольствіемъ закурилъ. Корзина была полна шляпками, аккуратно уложенныхъ, отборныхъ грибовъ.

— Экая благодать — изъ лѣса уходить не охота. Завораживаетъ тишина и покой. «Природа внемлетъ Богу», — молиться хочется. Впрочемъ у Лермонтова, кажется, не «природа», а «пустыня». . . . Пустыня-то не здѣсь, а тамъ въ городахъ съ ихъ шумихой. . . Пустыня для души, а здѣсь — храмъ Бога Живаго. . . ,»

« . . . . . со всѣхъ сторонъ
Дышала сладость бытія . . . .
И что-жъ? — едва взошла заря . . . . . »

. . . , — неслись отрывки мыслей въ головѣ Мурзаева. Взглянувъ на небо и на длинныя тѣни отъ деревьевъ, онъ оборвалъ на полусловѣ Лермонтовскій стихъ, очнувшись отъ думъ.

— Не пора ли вамъ до дому, господинъ сыскной поэтъ, — обратился онъ къ самому себѣ, — заря то не взошла, а скоро начнетъ гаснуть. Солнце на закатѣ. Ба, да уже шестой часъ. Дай Богъ засвѣтло выбраться изъ лѣса, а тамъ еще по дорогѣ до города верстъ семь шагать.

Перейдя спѣшнымъ шагомъ полянку, онъ вошелъ въ березнякъ. Здѣсь почва была значительно сырѣе. Мурзаевъ замѣтилъ, какъ что то бѣлое блеснуло на золотомъ фонѣ опавшей листвы.

— Да вѣдь это — груздь, — сказалъ онъ, нагибаясь и отгребая листву, подъ которой дѣйствительно оказалась большая семья груздей. Напавъ на богатый слой грибовъ, онъ не замѣчалъ, какъ въ лѣсу становилось темнѣе, и оторвался отъ увлекшаго его сбора только лишь изъ-за наступившей полной темноты. Обѣ полы его пальто были переполнены крѣпкими, склизкими, молодыми груздями, издававшими пріятный, своеобразный запахъ. Передъ нимъ стала трудная задача — какъ ихъ донести домой вмѣстѣ съ корзиной, оставленной на примѣтномъ мѣстѣ. Онъ быстро скинулъ пальто и бывшую подъ нимъ блузу, завязалъ ея воротъ и рукава узломъ и ссыпалъ въ нее грибы, не вошедшіе въ корзину. Выбираться изъ чащи лѣса въ темнотѣ было трудно, пока не удалось выбрести на лѣсную дорожку, поросшую густой травой. Въ прогалинѣ между деревьевъ были видны звѣзды. Опредѣливъ по нимъ направленіе, онъ скоро вышелъ изъ лѣса въ поля. Тутъ было свѣтлѣе отъ звѣздъ и отъ появившагося на горизонтѣ тонкаго серпа луны. По силуэтамъ уходящаго въ даль лѣса и двухъ близлежащихъ хуторовъ онъ понялъ, гдѣ находится.

— Ну и забрался же я въ этакую даль! Подъ луной виднѣется лѣсъ князей Костровыхъ. Дай Богъ, чтобы до города было только десять верстъ!

Вынувъ часы, онъ освѣтилъ ихъ карманнымъ фонарикомъ. Былъ девятый часъ.

— Съ такой ношей послѣ цѣлаго дня, проведеннаго на ногахъ, дома не бывать ранѣе одиннадцати, — подумалъ онъ и наддалъ шагу.

По мягкому грунту мало-проѣзжей дороги итти было легко. Съ правой стороны тянулись поля, съ лѣвой — луга, простиравшіеся до костровскаго лѣса. Черезъ версту лѣсъ слѣва подступалъ вплотную къ дорогѣ. Какъ только Мурзаевъ съ нимъ поровнялся, онъ внезапно услыхалъ за своей спиной, въ непосредственной близости, шумъ автомобиля, сейчасъ же его обогнавшаго на крайне быстромъ ходу.

— О двухъ головахъ онъ что ли? — подумалъ Мурзаевъ о шоферѣ. — Несется, какъ угорѣлый, по такой дорогѣ, да еще безъ огней. Откуда онъ ѣдетъ? Вѣдь дорога ведетъ только къ двумъ бѣднымъ хуторамъ, а потомъ теряется въ лѣсу, дѣлаясь плохо проѣзжей не только для автомобиля, но даже для крестьянской телѣги.

Профессіональный интересъ пробудился въ Мурзаевѣ настолько, что онъ остановился и, сѣвъ на камень, валявшійся на обочинѣ дороги, задумался, стараясь себѣ объяснить внезапное и необычное для этихъ мѣстъ появленіе автомобиля.

— Откуда онъ вывернулся и выросъ какъ изъ подъ земли сразу за моей спиной? Если бы онъ шелъ отъ лѣса или съ хуторовъ по дорогѣ, то я услыхалъ бы ранѣе звукъ постепенно приближающейся машины. Значитъ, онъ вывернулся слѣва — съ луговъ, отъ которыхъ меня отгораживалъ уголъ лѣса, почему я и могъ услыхать шумъ только послѣ того, какъ онъ выѣхалъ съ луговъ на дорогу. Но на лугахъ не только дорогъ, но нѣтъ даже тропъ, и въ этой сторонѣ нѣтъ никакого жилья. Есть дачный домикъ князя Кострова, какъ говорятъ, очень уютно обставленный, но совершенно не жилой, такъ какъ при немъ нѣтъ даже сторожа. По людской молвѣ тамъ бываетъ только самъ князь, когда захочетъ отдохнуть въ одиночествѣ среди природы. Однако проѣхалъ не онъ. Во-первыхъ, съ какой радости онъ поѣхалъ бы ночью безъ дороги, если съ другой стороны вблизи отъ домика по лѣсу проходитъ хорошая классная

дорога. Во-вторыхъ, прошедшiй автомобиль не принадлежитъ князю. Его многосильный, прекрасный Роль-Ройсъ извѣстенъ всему городу, а это, — на сколько можно было замѣтить въ темнотѣ по силуэту, — дешевый Фордъ, при томъ сильно поношенный, судя по дребезжанiю его кузова и пыхтѣнiю мотора. Очевидно простое такси, да еще скверное. Тутъ что то не ладное, — заключилъ Мурзаевъ свои размышленiя, — не обокрали ли дачный домикъ князя?

Мурзаевъ положилъ грибы подъ кустъ около дороги, провѣрилъ, есть ли съ нимъ запасная батарейка для фонаря, и засвѣтивъ его началъ осматривать дорогу. На мягкой дорогѣ отчетливо отпечатались узоры пневматическихъ шинъ. Узоры праваго и лѣваго колеса были не одинаковы. На слѣдѣ лѣваго колеса видны были перерывы узора, повторяющiеся чрезъ одинаковые промежутки, равные окружности колеса. Это указывало на то, что на шинѣ была заплата.

— Едва ли у князя не нашлось бы запасныхъ шинъ той же фирмы, и онъ сталъ бы ѣздить на разнокалиберныхъ и заплатанныхъ шинахъ, — подумалъ Мурзаевъ.

Идя въ сторону противоположную движенiю автомобиля, онъ замѣтилъ слѣдъ сильно врѣзавшихся въ землю колесъ, что могло произойти отъ того, что машину сразу затормозили. Вскорѣ слѣдъ крутымъ виражемъ сворачивалъ на луга, гдѣ земля была сильно утоптана скотомъ, а трава выщипана почти до корней. Здѣсь слѣдъ терялся. Въ поискахъ его Мурзаевъ дошелъ до кротоваго холмика, расплющеннаго колесомъ, оставившимъ на рыхлой землѣ тотъ же узоръ. Далѣе находилось мѣсто съ болѣе высокой травой. По ея примятости было легко прослѣдить путь машины.

— Что же это значитъ? — удивился Мурзаевъ, всматриваясь въ слѣдъ, — примятая трава наклонена въ противоположную сторону отъ дороги. Значитъ, въ этомъ мѣстѣ автомобиль не приближался къ ней, а удалялся.

Вскорѣ онъ нашелъ подтвержденiе этому предположенiю, дойдя до плѣшины, лишенной травы, гдѣ выступалъ на поверхность земли гравiй. Слѣдовъ узора тутъ

не было видно, но Мурзаевъ увидалъ сломанную сухую вѣтку. Уголъ излома былъ обращенъ въ противоположную отъ дороги сторону, что могло произойти только отъ колеса экипажа, удалявшагося отъ нея. Слѣдъ вновь потерялся. Разыскивая его, Мурзаевъ уклонился въ сторону и вышелъ на другую площадку безъ травы, покрытую пескомъ, на которомъ были примѣтны слабые слѣды отъ шинъ. Подъ лучомъ начинающаго тухнуть фонаря по серединѣ площадки блеснула лужица воды. Мурзаевъ, смѣнивъ батарейку, началъ осматривать ея берега. На берегу болѣе близкомъ къ дорогѣ выдѣлялись на пескѣ темноватыя пятна отъ брызгъ. Это указывало на то, что здѣсь автомобиль прошелъ въ сторону дороги, такъ какъ быстро двигающееся колесо, пересѣкая лужу, выбрасываетъ фонтанъ брызгъ въ сторону своего движенія.

— Ясно, что автомобиль совершилъ путь по лугу туда и обратно — соображалъ Мурзаевъ, — при чемъ, судя по свѣже примятой травѣ и по не успѣвшимъ еще просохнуть пятнамъ отъ брызгъ, онъ проѣхалъ къ лѣсу не задолго до обратнаго пути въ сторону дороги.

Выползшая изъ-за горизонта туча заволокла не успѣвшую высоко подняться луну. Въ наступившей полной темнотѣ Мурзаеву показалось, что онъ находится въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ опушки лѣса. Сдѣлавъ десятка два шаговъ, онъ натолкнулся на заборъ дачнаго домика, расположеннаго на окраинѣ лѣса. Ни одинъ листъ не шевелился. Въ природѣ былъ покой, какой бываетъ только осенью. Ни звука, ни шороха. Тишина лишь изрѣдко прерывалась хохотомъ филина, доносившимся изъ глубины лѣса. Въ душу вкрадывалась жуть. Мурзаевъ вздрогнулъ, услыхавъ гдѣ то вблизи вой собаки, по временамъ переходившій во взвизгиванье. Этотъ вой, въ которомъ слышались не то злоба, не то страданіе. дисонансомъ врѣзывался въ окружающее безмолвіе, и еще болѣе увеличивалъ ощущеніе жути.

Черезъ щель забора Мурзаеву показалось, что гдѣ то въ темнотѣ сада, окружающаго домъ, виднѣется на кустахъ отсвѣтъ, но онъ не былъ въ этомъ увѣренъ, такъ какъ кусты, разросшіеся около забора мѣшали хорошо

вглядѣться. Мурзаевъ почувствовалъ голодъ. Было около одиннадцати часовъ ночи, а съ закусками, взятыми съ собой на прогулку, онъ покончилъ еще въ четыре часа дня.

— Какого лѣшаго я тутъ болтаюсь зря, — обозлился онъ на самаго себя. — Мало мнѣ дѣла по службѣ, а я еще вздумалъ среди темной ночи заниматься слѣдопытствомъ. Какой то пьяный дуракъ шатался по лугамъ безъ пути безъ дороги, а трезвый болванъ надумалъ его слѣды обнюхивать, самъ чортъ не знаетъ ради чего!

Въ досадѣ, что попусту потерялъ столько времени, онъ быстро повернулъ назадъ, дошелъ до дороги, разыскалъ оставленные тамъ грибы и еще болѣе спѣшнымъ шагомъ чѣмъ ранѣе, направился въ городъ .

Былъ уже часъ ночи, когда онъ добрался до окраиныхъ улицъ пригородной слободы. Здѣсь уличнаго освѣщенія не было. По обѣимъ сторонамъ улицы тянулись заборы огородовъ. Опасаясь оступиться въ придорожную канаву, Мурзаевъ шелъ по серединѣ улицы. Привыкшими къ темнотѣ глазами онъ замѣтилъ, что въ концѣ улицы его путь перегораживаетъ что то громоздкое. Это оказался пустой автомобиль безъ сѣдоковъ и безъ шофера. Около руля Мурзаевъ ощутилъ едва уловимый пріятный запахъ какъ будто ему знакомый. Засвѣтивъ фонарикъ, онъ осмотрѣлъ брошенный автомобиль. Это былъ извощичій, сильно потрепанный такси за № В-143. Стрѣлка счетчика стояла на нолѣ. Узоръ шинъ былъ тотъ же, что и на слѣдахъ на лугу. На одномъ изъ заднихъ колесъ была заплата. Окружность колеса совпала съ окружностью колесъ, оставившихъ свой слѣдъ на дорогѣ. Было ясно, что этотъ самый автомобиль его обогналъ, а передъ этимъ проѣзжалъ по лугамъ до дачи Кострова.

Въ раздумьѣ о загадочной поѣздкѣ автомобиля Мурзаевъ пошелъ домой, но вспомнивъ, что въ городѣ не былъ съ утра, онъ зашелъ въ свое управленіе, чтобы спросить ночного дежурнаго чиновника — не случилось ли въ городѣ за день какого нибудь происшествія.

— На рѣдкость, господинъ начальникъ, было все благополучно, — отвѣтилъ дежурный, — не поступало

никакихъ заявленій, кромѣ развѣ одного не особенно важнаго.

— Какого?

— Шоферъ такси задержался лишнее время въ трактирѣ, а тѣмъ временемъ угнали его машину.

— Кто такой? Какой номеръ машины?

— Номеръ В-143, а шофера зовутъ Спиридонъ Колокольниковъ.

— Сейчасъ же послать за нимъ, чтобы немедленно явился. Я знаю, гдѣ его машина.

Когда чиновникъ, удивленный всевѣдѣніемъ своего начальника, ушелъ исполнять приказаніе, Мурзаевъ, позабывъ про свою грибную жатву, брошенную на полъ, досталъ изъ шкапа служебный мундиръ и, сѣвъ за столъ, углубился въ чтеніе краткаго протокола заявленія потерпѣвшаго шофера.

Доставленный на допросъ Колокольниковъ былъ пьянъ, такъ какъ сдѣлавъ заявленіе о своей пропажѣ, онъ вернулся запивать свое горе въ тотъ же трактиръ, около котораго была похищена его машина.

— Гдѣ оставилъ свой автомобиль? Куда тебя носило? Кого возилъ?—закидалъ его вопросами Мурзаевъ.

— Безъ почину былъ, ваше высокородіе, — началъ объяснять Колокольниковъ заплетающимся языкомъ,— вѣдь я ночной. Днемъ не позволяютъ мнѣ выѣзжать. Говорятъ, что машина моя дрянь. Одна несправедливость. Какая же дрянь, коли лучше моего автомобиля во всемъ городѣ не найти. Что шины латанныя, такъ это я на битую бутылку напоролся. Машина-то моя тутъ при чемъ? Ты прижимай дворниковъ за то, что улицу держатъ не въ порядкѣ, а не меня. Мое дѣло господъ возить, а ихъ — улицу мести. Теперича голову съ меня сняли жулье проклятое. Раззоръ, полный раззоръ. Съ голоду сдыхать придется, — обливаясь пьяными слезами, онъ началъ путано и крайне подробно разсказывать о томъ, какъ ему удалось купить подержанную машину, какіе у него счеты съ продавцемъ, которому долгъ пока уплаченъ только еще въ малой части.

—Брось ты это, — прервалъ его Мурзаевъ, — а скажи, зачѣмъ ты ѣздилъ за городъ въ костровскій лѣсъ?

— За городъ?! въ лѣсъ?! — недоумѣвалъ Колокольниковъ, — да на кой чортъ я туда поѣду, какихъ сѣдоковъ тамъ искать буду? Зайцевъ что ли возить?—такъ они скорѣе моего автомобиля добѣгутъ туда, куда имъ нужно. Развѣ это автомобиль? . . Его давно на сломъ пустить надо. Вѣдь это же не машина, а самоварь съ прогорѣвшей трубой. Пыхтитъ, трещитъ, а толку ни на грошъ, — началъ онъ ругать только что расхваленную машину, а еще болѣе ея продавца.

Только послѣ долгихъ усилій удалось узнать изъ несвязныхъ рѣчей Колокольникова, что онъ, выѣхавъ на работу около шести часовъ вечера, вздумалъ передъ началомъ пропустить шкаликъ въ трактирѣ «Дружокъ». Расчитывая пробыть въ трактирѣ не болѣе одной минуты, онъ оставилъ машину на холостомъ ходу на углу Полевой и Варваринской улицъ. На грѣхъ у трактирной стойки встрѣтилъ земляка, съ которымъ разговарился. Пробывъ въ трактирѣ минутъ десять, онъ побѣжалъ къ своей машинѣ, но тамъ, гдѣ ее оставилъ, онъ ее болѣе не нашелъ.

— Счастливъ твой богъ, — сказалъ Мурзаевъ, — нашелся твой автомобиль.

— Нашелся? Кто же его угналъ? Гдѣ онъ? — восклицалъ Колокольниковъ, начавшій отъ радости трезвѣть.

— Тамъ гдѣ насъ съ тобой нѣтъ. Стоитъ на выѣздѣ изъ города, поперекъ Овражной улицы.

— Экъ куда его унесло! Разрѣшите, ваше высокородіе, сбѣгать туда и согнать его домой.

— Нѣтъ, голубчикъ, не такъ скоро. Во-первыхъ его нужно осмотрѣть при дневномъ свѣтѣ, а во-вторыхъ ты въ такихъ градусахъ, что либо самъ въ канаву свалишься, либо какого нибудь встрѣчнаго раздавишь. Иди домой, проспись, а завтра послѣ осмотра получишь свою коптилку. До утра къ ней будетъ поставлена охрана.

2

Хотя лечь въ постель удалось Мурзаеву очень поздно, однако уже въ 8 часовъ утра онъ былъ на Овражной улицѣ, гдѣ около автомобиля его ожидали Колокольни-

ковъ и полицейскій. Наружный осмотръ машины не далъ ничего новаго, кромѣ развѣ того, что на шипахъ мѣстами наблюдался легкій, зеленоватый налетъ отъ травы, по которой проѣзжала машина. Внутри-же около руля на полу рядомъ съ ножной тормазной педалью валялся увядшій цвѣтокъ странной формы и окраски. На полированной поверхности поворотнаго круга руля замѣтны были три небольшія красныя пятна, похожія на кровяныя. Два изъ нихъ были размазаны, а третье было яснымъ отпечаткомъ пальца. Пріятный запахъ, за ночь разсѣявшійся, болѣе не ощущался.

— Все это очень странно, — разсуждалъ Мурзаевъ, — человѣкъ, употребляющій тонкіе духи, имѣющій при себѣ рѣдкіе цвѣты, гоняется на чужомъ автомобилѣ по лугамъ, безъ дорогъ, съ затушенными фонарями, и при томъ съ такой скоростью, что и на хорошей дорогѣ рискуетъ сломать себѣ шею. Во всякомъ случаѣ это былъ не Колокольниковъ. У него руки въ порядкѣ, а у человѣка, управлявшаго рулемъ, рука была хотя бы слегка поранена. Къ тому же онъ скорѣе продушилъ бы автомобиль виннымъ перегаромъ, а не нѣжнымъ ароматомъ.

Мурзаевъ бережно обернулъ цвѣтокъ въ шелковистую бумагу, бывшую въ его ручномъ чемоданчикѣ съ наборомъ всего нужнаго при осмотрахъ. Вынувъ оттуда же прозрачную пленку Рубнера, овлажнилъ губкой одну ея сторону, отчего она сдѣлалась липкой. Наложивъ на пятно, прикаталъ пленку гутаперчевымъ валикомъ. Когда пленка плотно прилипла къ поверхности рукоятки руля, онъ осторожно ее отлѣпилъ. Пятно оказалось перешедшимъ съ руля на пленку. Перегнувъ ее пополамъ, онъ сохранилъ пятно между двумя прозрачными слоями целулоида. Тоже было сдѣлано съ остальными двумя пятнами.

— Теперь забирай свою машину, — обратился Мурзаевъ къ Колокольникову. — Да держи ты ее аккуратнѣе. Смотри — вѣдь у тебя подъ ногами цѣлое болото, когда ты сидишь за рулемъ. Тутъ и мазь и бензинъ и грязь. Другой разъ машину, да еще на холостомъ ходу, не оставляй безъ призора. Туда ее могли бы загнать, что самъ чортъ не нашелъ бы. Либо найдешь одни обломки, если угонитъ такой же оголтѣлый въ родѣ вчерашняго.

— По гробъ жизни не забуду, что ваше высокородіе для меня сдѣлали, разыскавъ машину, — благодарилъ Колокольниковъ, — изъ петли меня вынули. Разрѣшите васъ подвезти, куда прикажете.

— Пожалуй. Поѣзжай въ цвѣтоводство Фомина.

У Фоминыхъ объяснили, что этотъ цвѣтокъ — орхидея. Ни у нихъ, ни въ другихъ цвѣтоводствахъ города такого вида не найдется. Такой же отвѣтъ Мурзаевъ получилъ въ двухъ другихъ цвѣточныхъ торговляхъ. Проходя мимо университетскаго ботаническаго сада, онъ увидалъ выходящаго изъ подъѣзда стараго сѣдого господина въ очкахъ, одѣтаго въ старомодную крылатку. Узнавъ въ немъ профессора ботаники съ громкимъ европейскимъ именемъ, Мурзаевъ спѣшно перешелъ улицу и подошелъ къ нему.

— Простите, господинъ профессоръ, разрѣшите отнять у васъ пару минутъ. Имѣю честь представиться — начальникъ сыскной полиціи Мурзаевъ.

— Я васъ знаю, — отвѣтилъ профессоръ, — и даже считаю себя обязаннымъ за услугу, мнѣ вами оказанную. Благодаря вамъ, я имѣю вазможность работать съ моимъ любимымъ и привычнымъ микроскопомъ. Вы такъ скоро обнаружили ночныхъ гостей, побывавшихъ въ моей лабораторіи, и разыскали все ими похищенное. Чѣмъ могу служить?

— Опредѣлить, что это за цвѣтокъ, — отвѣтилъ Мурзаевъ.

— Очень интересный экземпляръ, — сказалъ профессоръ, внимательно разсмотрѣвъ цвѣтокъ. — Это орхидея, но крайне рѣдко встрѣчающагося вида. Зайдемъ въ мою лабораторію, гдѣ я могу точно опредѣлить интересующее васъ растеніе.

Въ лабораторіи профессоръ перенесъ съ книжныхъ полокъ на столъ нѣсколько атласовъ и, порывшись въ нихъ, показалъ Мурзаеву рисунокъ цвѣтка совершенно схожаго съ найденнымъ въ автомобилѣ. Мурзаевъ записалъ очень трудное латинское названіе, боясь не удержать его въ памяти.

— Этого вида даже въ университетскихъ оранжереяхъ нѣтъ, — пояснилъ профессоръ.

— Не знаете ли, господинъ профессоръ, у кого въ городѣ имѣется такое растеніе?

— Не знаю. Развѣ только въ оранжереѣ князя Кострова, любителя рѣдкихъ цвѣтковыхъ растеній. Это что же? — въ связи съ какимъ нибудь преступленіемъ вамъ приходится внѣдряться въ мою специальность?

— Пока не знаю, но весьма возможно.

— Ну, дай вамъ Богъ удачи.

Разставшись съ профессоромъ, Мурзаевъ направился въ городской домъ князя Кострова.

— Князь не почиваетъ еще? — спросилъ онъ открывшаго дверь лакея.

— Ихъ сіятельства нѣтъ дома.

— Такъ рано?

— Ихъ сіятельство не изволили ночевать дома.

— Когда же онъ уѣхалъ?

— Вчера въ шесть часовъ вечера.

— Не знаете ли куда?

— Не можемъ знать, куда они изволили отбыть.

— Когда князь обѣщалъ вернуться?

— Обѣщали вернуться вчера же къ девяти часамъ вечера, но гдѣ то задержались. Уѣзжая, даже приказали камердинеру приготовить къ этому часу вечерній костюмъ.

— Куда онъ собирался ѣхать вечеромъ?

— По всей вѣроятности къ генеральшѣ Софьѣ Николаевнѣ Цѣлинской, такъ какъ вчера былъ день Ангела ея превосходительства и дочери ея Любови Сергѣевны. Простите, господинъ начальникъ, — не случилось ли чего нибудь, что вы такъ разспрашиваете?

— Пока ничего не знаю, но собрать нѣкоторыя свѣдѣнія необходимо. На чемъ уѣхалъ князь?

— На автомобилѣ.

— На своемъ или на наемномъ?

— Ихъ сіятельство на наемныхъ экипажахъ не ѣздятъ.

— Шоферъ съ машиной не возвращался?

— Шоферъ дома. Князь уѣхалъ безъ него, самъ управляя автомобилемъ.

— Одинъ?

— Совершенно одинъ, только со своей любимой собакой догомъ Рабо, котораго часто беретъ съ собой на прогулку.

— Взялъ онъ что нибудь съ собой?

— Ничего кромѣ небольшаго свертка, въ которомъ по его приказанію были завернуты двѣ три бутылки вина, конфеты, печенье и фрукты.

— А цвѣты съ нимъ были?

— Были. Передъ отъѣздомъ князь прошелъ въ оранжерею и самъ срѣзалъ букетъ цвѣтовъ.

— Не такихъ ли? — показалъ Мурзаевъ цвѣтокъ.

— Не могу знать. Провожая князя, я не обратилъ вниманія на цвѣты, а въ оранжерею я не вхожъ.

— Не отправился ли онъ на свою дачу въ лѣсу?

— Вполнѣ возможно.

— Нельзя ли послать туда, чтобы справиться не тамъ ли князь?

— Это невозможно. Ихъ сіятельство любятъ быть тамъ въ одиночествѣ, и бываетъ очень недоволенъ, если его тамъ тревожатъ.

— Могу я пройти въ оранжерею?

— Прошу за мной пожаловать, я провожу васъ къ садовнику.

Оранжерея была въ большомъ порядкѣ. Около каждаго растенія была табличка съ латинскимъ названіемъ. Среди орхидей было нѣсколько экземпляровъ съ названіемъ, сообщеннымъ профессоромъ. На нихъ были не распустившіеся бутоны, но Мурзаевъ замѣтилъ пять или шесть недавно срѣзанныхъ стеблей.

— Жаль, что вы вчера утромъ не зашли полюбоваться этими цвѣтами, — говорилъ садовникъ, предполагая въ Мурзаевѣ любителя цвѣтовъ, — ихъ князь вчера подъ вечеръ срѣзалъ. Послѣ завтра расцвѣтутъ новые бутоны.

Мурзаевъ покинулъ домъ князя съ нѣкоторой тревогой. Казалось страннымъ, что князь, собираясь возвратиться вечеромъ, чтобы ѣхать къ генеральшѣ Цѣлинской, не вернулся и пропалъ на всю ночь до поздняго утра. Цѣлинская занимала такое положеніе въ обществѣ, что даже вполнѣ независимому князю было бы неудобно

манкировать посѣщеніемъ ея званнаго вечера. Вчерашній ѣздокъ на автомобилѣ, очевидно, былъ гостемъ князя въ дачномъ домикѣ, разъ имѣлъ при себѣ цвѣты изъ княжеской оранжереи. Но очень странный гость, ѣздящій на чужой машинѣ и подъѣзжающій къ дому не по дорогѣ, а съ задней стороны.

Подъ вечеръ Мурзаевъ зашелъ вновь въ домъ князя — справиться не возвратился ли онъ домой.

— Еще не бывали, — сообщилъ ему тотъ же лакей. — Мы сами начинаемъ безпокоиться — не случилось ли чего нибудь съ княземъ. Ранѣе не бывало, чтобы князь, уѣзжая на ночь, не захватилъ съ собой туалетныхъ принадлежностей, пижамы и другихъ необходимыхъ вещей. Господинъ губернаторъ тоже уже дважды по телефону справлялся о его сіятельствѣ.

— Когда?

— Въ первый разъ вскорѣ послѣ вашего ухода господинъ губернаторъ позвонили къ князю и, узнавъ, что его дома нѣтъ, приказали напомнить князю, когда онъ вернется, о какомъ то важномъ дѣловомъ совѣщаніи, назначенномъ на два часа дня. Часа въ четыре господинъ губернаторъ вновь позвонили, освѣдомляясь о здоровьѣ князя и о причинѣ, почему его сіятельство не изволили пожаловать на засѣданіе.

— Кто нибудь былъ сегодня у князя?

— Никого кромѣ Аріадны Георгіевны Махарадзе, заѣзжавшей часъ тому назадъ. Она съ полчаса подождала князя въ кабинетѣ, и, не дождавшись, уѣхала, оставивъ визитную карточку съ нѣсколькими словами. Долженъ признаться въ своей винѣ — я прочелъ написанное, послѣ чего мы всѣ еще болѣе встревожились.

— Что же вы тамъ вычитали?

— Да вѣдь барышня Махарадзе — невѣста его сіятельства, и послѣ Покрова будетъ ихъ свадьба, а сегодня въ день Ангела барышни князь не изволилъ ее посѣтить.

— Ну, если вы согрѣшили по любопытству къ хозяйскимъ дѣламъ, то позвольте и мнѣ взглянуть на эту карточку по долгу службы и, можетъ быть, въ интересахъ самого князя.

Лакей взялъ съ круглаго блюда, бывшаго въ лапахъ огромнаго медвѣдя, когда-то убитаго княземъ, визитную карточку и подалъ ее Мурзаеву. На карточкѣ было написано мелкимъ женскимъ почеркомъ:

— «Что за причина, что вы, дорогой князь, второй день блистаете своимъ отсутствіемъ, забывъ даже день моихъ именинъ. Вчера у Софіи Николаевны я просидѣла, не танцуя, кадриль, обѣщанную вамъ, въ тщетномъ ожиданіи вашего появленія.»

— Положительно здѣсь что то не въ порядкѣ, — думалъ Мурзаевъ. — Пропустить посѣщеніе вечера у генеральши Цѣлинской, нарушить обѣщаніе, данное невѣстѣ, быть на этомъ вечерѣ, не поздравить ее со днемъ ангела, отсутствовать на важномъ засѣданіи у губернатора, — все это ужъ очень не похоже на князя. Будь, что будетъ. Пусть онъ гнѣвается на то, что его потревожили въ его лѣсной берлогѣ, а необходимо разузнать, что тамъ дѣлается. Пошлю туда своего помощника Рыбакова. Онъ лучше меня сумѣетъ все высмотрѣть, никого безъ надобности не тревожа.

3.

Въ то самое время, когда Мурзаевъ въ темнотѣ, среди ночной тишины разыскивалъ на лугахъ слѣды загадочнаго автомобиля, обширный особнякъ генерала Цѣлинскаго, на одной изъ главныхъ улицъ города, былъ полонъ свѣта, шума и оживленія. Тамъ собрался «весь свѣтъ» по случаю именинъ хозяйки дома и ея дочери. Въ числѣ гостей могъ бы быть и Мурзаевъ, такъ какъ по принадлежности къ мѣстному дворянству, хотя и мелкопомѣстному, по высшему образованію и по прежней службѣ въ судебномъ вѣдомствѣ двери этого дома были передъ нимъ открыты. Однако онъ избѣгалъ большихъ сборищъ у Цѣлинскихъ и ограничивался рѣдкими визитами, зная, что многіе изъ собиравшихся тамъ смотрятъ косовато и съ долей нѣкотораго пренебреженія на полицейскій мундиръ.

На хорахъ двухсвѣтнаго зала гремѣлъ оркестръ мѣстнаго полка. Уже прошли полонезъ и первая кадриль. Нѣкоторые изъ танцующихъ, кружась въ вальсѣ,

украдкой бросали взгляды на двери въ ожиданіи появленія князя Кострова. Сенсаціей дня была его помолвка съ дочерью акцизнаго чиновника Аріадной Георгіевной Махарадзе. Предполагалось, что сегодня женихъ и невѣста будутъ принимать первыя поздравленія. Многимъ было интересно взглянуть, какъ будетъ себя держать эта «акцизная дочка», превращающаяся вскорѣ въ княгиню и въ первую богачку по губерніи.

Въ одной изъ гостиныхъ, примыкающихъ къ залу, собрался кружокъ престарѣлыхъ дамъ, среди разговора наблюдавшихъ черезъ двери танцы. Разговоръ перешелъ на тему, интересующую общество. Маменьки заневѣстившихся дочерей старались не показать вида, что у нихъ на сердцѣ скребутъ кошки зависти. Одна лишь желчная баронесса Шлейферъ, мать большаго выводка созрѣвающихъ, созрѣвшихъ и перезрѣвшихъ дочерей, не находила въ себѣ силъ скрывать свое негодованіе.

— Князь дѣлаетъ mesalliance, — сказала одна изъ собесѣдницъ.

— Неучто среди нашего дворянства онъ не могъ найти болѣе подходящую для себя жену, — подхватила Шлейферъ, взглянувъ на одну изъ своихъ дочерей, пронесшуюся въ вальсѣ мимо дверей.

— Но говорятъ, что одна изъ линій рода Махарадзе носитъ княжескій титулъ.

— Ахъ, полноте, у нихъ на Кавказѣ двухъ барановъ купилъ, вотъ тебѣ и князь.

— Я, баронесса, не знаю, есть ли у отца Аріадны Георгіевны бараны и въ родствѣ ли онъ съ князьями Махарадзе, но слѣдуетъ признать что она очень мила, а о безспорной ея красотѣ говорить не приходится. Этимъ очень просто объясняется увлеченіе князя.

— Да, она не безъ красоты, ну а мила ли, не знаю. Иногда изъ подъ своихъ длинныхъ рѣсницъ такимъ взоромъ подаритъ, что невольно станетъ жутко. Въ ней очень много отъ Востока.

— На князя она такихъ взоровъ не бросаетъ, а даритъ его такими взглядами, что любой мущина отъ нихъ растаетъ, какъ ледъ подъ лучами вешняго солнца.

— И не молода, ей навѣрное подъ тридцать.

— Не такъ уже много, а если бы было и такъ, то какъ разъ князю подъ пару. Вѣдь онъ тоже не юноша.

— Но согласитесь — князь Костровъ и дочь акцизнаго. Что то не вяжущееся.

— Какъ скоро она его обворожила. Вѣдь всего какой нибудь годъ, какъ эта семейка появилась на нашемъ горизонтѣ.

— Опыть. Говорять, что тамъ, гдѣ они жили раньше, у нея былъ другой женихъ.

— Какой то учитель не то рисованія, не то чистописанія. Вообще что то очень мизерное.

— И болѣе для нея подходящее, — прошипѣла баронесса Шлейферъ.

— Эту измѣну ей можно простить. Выборъ не труденъ между раемъ съ милымъ въ шалашѣ съ одной стороны, и знатностью и богатствомъ съ другой стороны. Къ тому же князь красивъ. Хорошая пара.

— Вотъ и она. Поздновато. Но посмотрите на нашу молодежь, — закружились вокругъ нея, какъ пчелы около улья.

— Не только молодежь, а кое кто и изъ старичковъ.

— Любви всѣ возрасты покорны. Но почему она въ платьѣ, въ которомъ появлялась уже не одинъ разъ?

— Подождите. Будетъ княгиней, будетъ намъ показывать каждый разъ новую модель отъ Ворта изъ Парижа. А пока на какія средства? Вѣдь на жалованье, хотя бы и управляющаго акцизными сборами очень богатаго гардероба имѣть не будешь.

— На верховыхъ лошадей и на автомобили хватаетъ. Къ тому же я шьюсь у одной съ ней портнихи, и знаю, что она дѣлала новое платье.

— Приберегаетъ для болѣе торжественнаго случая.

— Какой же болѣе торжественный случай, какъ не появленіе въ обществѣ въ первый разъ въ качествѣ невѣсты князя Кострова, не говоря о томъ, что именины Софьи Николаевны — одинъ изъ лучшихъ вечеровъ въ году.

— Какое же платье?

Начался оживленный разговоръ мало понятный человѣку, не посвященному въ тайны дамскаго костюма.

Мелькали слова: «гипюръ», «корсажъ», «подборъ», «переливъ тоновъ», «складка Вато» и т. д.

— А она вѣдь хромоножка, — прервала разговоръ Шлейферъ, — посмотрите, какъ она прихрамываетъ, танцуя.

— Помилосердствуйте, баронесса, вы скоро увидите у милѣйшей Аріадны Георгіевны копыта на ея изящныхъ ножкахъ и хвостъ, волочащійся изъ подъ шлейфа, — разсмѣялся толстякъ добродушнаго вида, незамѣтно подошедшій къ группѣ собесѣдницъ и прислушавшійся къ ихъ разговору.

— Ахъ это вы, Филиппъ Аркадьевичъ, — расплылась въ пріятную улыбку баронесса Шлейферъ, погрозивъ толстяку вѣеромъ, — вы, кажется, тоже не ушли отъ чаръ кавказской чаровницы. Будьте осторожны — съ княземъ шутки плохи.

— Куда мнѣ на красавицъ заглядываться. Мнѣ въ пору съ внучатами няньчиться, да вотъ не судилъ Господь — на вѣкъ холостякомъ остался.

— Не напрашивайтесь на комплименты и не старьте себя. Васъ хоть сейчасъ подъ вѣнецъ, — разсыпалась баронесса въ любезностяхъ, думая, — староватъ то ты староватъ, но для одной изъ моихъ перезрѣлыхъ дочекъ пригодился бы, особенно принимая во вниманіе твою тысячу десятинъ, хотя и заложенныхъ.

Въ залѣ танцы шли своимъ чередомъ. Аріадна Георгіевна была центромъ наибольшаго оживленія. Ей не приходилось отдохнуть хоть на минуту, такъ какъ около нея все время толпились кавалеры, ожидающіе очереди пригласить ее на танецъ. Проиграли ретурнель къ третьей кадрили. Изъ столовой доносился иногда стукъ посуды, гдѣ штатъ прислуги заканчивалъ сервировку столовъ. Гости перешептывались по поводу отсутствія на вечерѣ князя.

— Сейчасъ появится, — посмѣиваясь, сказалъ молоденькій товарищъ прокурора Раковскій.

— Почему вы такъ думаете?

— Начинается третья кадриль, а съ кѣмъ же какъ не съ княземъ будетъ ее танцоватъ Аріадна Георгіевна. Знаете же — первую кадриль танцуютъ по дружбѣ, вторую то по необходимости, а третью по любви.

Однако началась уже первая фигура кадрили, а Аріадна Георгіевна, отказавшая всѣмъ пригласившимъ ее и оставшаяся безъ кавалера, присоединилась къ группѣ не танцующихъ дамъ. Къ ней подошелъ моложавый генералъ.

— Какъ?! Вы царица бала и не танцуете? Осчастливьте, позвольте мнѣ тряхнуть стариной и просить васъ быть моей дамой.

— Благодарю васъ, генералъ, но я очень устала и предпочла бы отдохнуть, пропустивъ одну кадриль. Лучше побесѣдуемъ, не танцуя. Скажите, что же ваша Флора не подвела васъ на московскихъ бѣгахъ? — спросила Аріадна Георгіевна, устало опираясь на руку генерала.

— Помилуйте — опять пришла первой. Это же не лошадь, а кладъ. Никогда ни одной проскачки. Пятилѣтка, а забрала рядъ лучшихъ призовъ въ обѣихъ столицахъ.

Въ оживленномъ разговорѣ о лошадяхъ и объ охотѣ время пролетѣло незамѣтно, пока среди грома оркестра не послышался зычный выкликъ дирижера: «remerciez vos dames“. Grand rond кончился и общество потянулось парами въ столовую.

— Разрѣшите мнѣ быть вашимъ кавалеромъ за ужиномъ, — обратился генералъ къ Аріаднѣ Георгіевнѣ.

— Непремѣнно, тѣмъ болѣе, что мнѣ интересно побесѣдовать съ вами, какъ съ лицомъ, близко стоящимъ къ авіаціи.

— Не хотите ли вы летать?

— Подумываю.

— Рисковано. Я васъ знаю за смѣлую и разностороннюю спортсменку, за великолѣпную наѣздницу, но аэропланъ — не лошадь и не автомобиль. Здѣсь требуется рядъ условій, касающихся здоровья, и особое свойство характера.

— Можетъ быть я удовлетворю всѣмъ этимъ условіямъ.

— Едва ли согласится на это вашъ будущій супругъ. Кстати, почему не видно князя? Не боленъ ли онъ, или въ отъѣздѣ?

— Сама недоумѣваю. Еще сегодня утромъ онъ обѣщалъ быть непремѣнно у Софьи Николаевны на вечерѣ, предупредивъ, что можетъ немного опоздать. Очевидно его задержали дѣловые разговоры съ пріѣхавшимъ сегодня управляющимъ его сѣверными имѣніями.

— Ужинъ накрытъ на маленькихъ столикахъ. Разрѣшите вамъ представить нашего самаго опытнаго летчика и пригласить его за нашъ столикъ.

— Прекрасно.

Послѣ ужина возобновились танцы, въ которыхъ Аріадна Георгіевна вновь приняла оживленнѣйшее участіе. Мазурка окончилась около четырехъ часовъ утра. При разъѣздѣ гости перекидывались словами о странномъ отсутствіи князя, при чемъ нѣкоторые находили, что онъ хорошо осадилъ эту «выскочку».

— Очевидно, пока ничего окончательнаго не рѣшено, и вся эта свадьба окажется блефомъ.

— Ну нѣтъ. Достаточно увидать князя единственный разъ въ присутствіи этой волшебницы, чтобы понять, что онъ безвозвратно и навсегда къ ней прикованъ.

— Она не унываетъ, весь вечеръ была такъ весела, и ничуть не тронута полученнымъ афронтомъ — отсутствіемъ жениха, когда все общество собиралось принести имъ поздравленія.

— Съ чего ей волноваться, — прошипѣла баронесса Шлейферъ, — рыбакъ волнуется, закидывая сѣть и когда ее тянетъ на берегъ, а когда рыбка попала въ садокъ, ему остается только веселиться и радоваться. Не уйдетъ золотая рыбка!

4.

На слѣдующій день болѣе тѣсный кругъ знакомыхъ собрался у Махарадзе. Именинница Аріадна Георгіевна была въ минорномъ настроеніи, хотя не выдавала своего безпокойства, что нельзя было сказать про ея отца и мать. Отецъ игралъ въ винтъ съ наиболѣе почетными гостями, но голова его была занята не картами, такъ какъ онъ уже успѣлъ сдѣлать въ ходахъ нѣсколько грубыхъ ошибокъ, совершенно недопустимыхъ для такого искуснаго винтера, какимъ онъ былъ. Мать же

при каждомъ движеніи въ передней проходила туда въ нетерпѣливомъ ожиданіи появленія кого то. Въ числѣ гостей былъ также Иванъ Григорьевичъ Мурзаевъ, знавшій, что общество, собиравшееся въ этомъ домѣ, не будетъ шокировано его полицейскимъ мундиромъ.

Карьера Мурзаева была далеко необычна для полицейскаго чиновника. Кончивъ курсъ университета, онъ началъ службу въ окружномъ судѣ и вскорѣ былъ назначенъ судебнымъ слѣдователемъ. Еще на университетской скамьѣ онъ заинтересовался проблемами борьбы съ преступностью, а въ частности научной техникой разслѣдованія преступленій. Его настольными книгами были съ одной стороны труды Цезаря Ламброзо и прочихъ ученыхъ уголовной антропологической школы, съ другой стороны труды Ганса Гроса и другихъ криминалистовъ. Онъ вскорѣ на дѣлѣ увидалъ, какъ далека была отъ научныхъ достиженій постановка уголовнаго сыска, какъ часто преступникъ оставался необнаруженнымъ, а цѣннѣйшій доказательный матеріалъ либо утрачивался, либо мало использовался изъ за малокультурности низшихъ агентовъ сыска, и изъ за недостаточной освѣдомленности руководителей сыска съ правильными его методами. Во краю угла всего сыскнаго дѣла были положены лишь пронырливость и нюхъ агента, часто не имѣющаго представленія о томъ, что по тому или другому вопросу возможна экспертиза и какой матеріалъ нуженъ для нея. Надумавъ отдать свои силы и познанія правильной постановкѣ уголовнаго сыскнаго дѣла, Мурзаевъ рѣшилъ перейти изъ судебнаго вѣдомства на службу по криминальной полиціи. Его отговаривали отъ этого шага, напоминая, что смѣнить зеленый бархатъ судейскаго воротника на оранжевый полицейскій кантъ легко, но обратная смѣна цвѣтовъ можетъ встрѣтить препятствія, если онъ разочаруется въ своей новой дѣятельности. Однако онъ остался при своемъ намѣреніи. Благодаря юридическому образованію и судебному, хотя кратковременному, стажу, ему было предложено мѣсто начальника сыскной полиціи въ одномъ изъ университетскихъ городовъ. Онъ съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе, такъ какъ это былъ городъ, гдѣ протекали его дѣтскіе и ученическіе годы.

Мурзаевъ былъ знакомъ съ семьей Махарадзе еще по тому городу, гдѣ былъ судебнымъ слѣдователемъ. Рида, какъ звали въ семьѣ Аріадну Георгіевну, тогда только что окончила гимназію. Одно время онъ ею сильно увлекся и надумалъ даже сдѣлать ей предложеніе, но отказался отъ своего намѣренія, увидавъ, что сердце молодой красавицы уже занято. Рида и учитель рисованія Рожновъ были влюблены другъ въ друга. Въ кругу знакомыхъ на нихъ смотрѣли, какъ на жениха и невѣсту. Вскорѣ Мурзаевъ уѣхалъ на мѣсто новой службы, но судьба его свела вновь съ семьей Махарадзе, такъ какъ отецъ Аріадны Георгіевны былъ переведенъ въ тотъ же городъ. На первыхъ порахъ возобновившагося знакомства при воспоминаніяхъ прошлаго съ устъ ея не сходило имя Рожнова. Когда въ домѣ Махарадзе появился князь Костровъ, воспоминанія о первой любви какъ будто стали меркнуть. Однако изъ ряда недомолвокъ Мурзаеву было видно, что Аріадна Георгіевна отказалась отъ перваго своего жениха только послѣ упорной борьбы съ родителями, примѣтившими влюбленные взоры князя, бросамые на ихъ дочь. Впослѣдствіи сама Аріадна Георгіевна увлеклась княземъ и серьезно его полюбила.

Въ началѣ вечера только что гости сѣли за чайный столъ, Мурзаеву доложили, что къ нему пришелъ человѣкъ по важному, срочному дѣлу.

— Такъ скоро? что тамъ обнаружили? — спросилъ Мурзаевъ ожидавшаго его въ передней Рыбакова, — только говорите тише.

— Князь убитъ, — шопотомъ сообщилъ Рыбаковъ.

— Что? Убитъ?! Какъ? Гдѣ? У себя въ дачномъ домѣ? — засыпалъ его Мурзаевъ вопросами, — какіе нибудь слѣды убійца оставилъ?

— Мало что знаю. Поспѣшилъ къ вамъ съ докладомъ, оставивъ тамъ агента, меня сопровождавшаго. Похоже на самоубійство. Въ рукѣ князя револьверъ, около лежитъ трупъ собаки. Одинъ безъ васъ и безъ судебныхъ властей ломать дверь не счелъ возможнымъ. Все это я высмотрѣлъ черезъ окно при тускломъ свѣтѣ начинающихся сумерекъ, такъ какъ двери дома заперты.

— Автомобиль князя тамъ?

— Стоитъ на дорогѣ около воротъ. Во дворъ не въѣзжалъ.

— Слѣдовъ отъ другой машины не усмотрѣли?

— Нѣтъ, хотя обслѣдовалъ почву около воротъ. Отъ калитки до кустовъ трава помята, какъ будто человѣкъ прошелъ въ сторону луговъ, находящихся за домомъ. Въ кустахъ слѣдъ терялся. Я обошелъ съ наружной стороны заборъ, окружающій садъ при домѣ. Въ лугахъ мнѣ подъ ногу попался твердый предметъ. Оказалась вотъ эта батарейка отъ электрическаго фонарика. Около самаго забора обнаружилъ мѣсто съ сильно помятой травой. Видимо тамъ стоялъ человѣкъ.

— Прекрасно, Петръ Петровичъ, только къ сожалѣнію вы выслѣдили не преступника, а меня, и мою батарейку нашли.

— Васъ? Когда же вы тамъ были?

— Вчера ночью, усмотрѣвъ въ тѣхъ мѣстахъ кое что подозрительное, изъ за чего поднялъ сегодня тревогу. Бѣгите на телефонъ, вызовите уѣзднаго врача, сообщите судебному слѣдователю, а сами, захвативъ агентовъ, отправляйтесь на мѣсто происшествія. Дай Богъ, чтобы тутъ было только самоубійство. Я пріѣду вслѣдъ за вами.

— Господину прокурору тоже сообщить?

— Пока не стоитъ. Здѣсь въ числѣ гостей участковый товарищъ прокурора. Я пріѣду вмѣстѣ съ нимъ.

Отпустивъ Рыбакова, Мурзаевъ прошелъ въ столовую.

— Ну и служба у васъ, Иванъ Григорьевичъ. Стаканъ чая выпить у друзей не даютъ, — обратилась къ нему Аріадна Георгіевна. — Я вамъ перемѣню стаканъ, а то вашъ остылъ. Что нибудь важное случилось?

— Пока ничего опредѣленнаго не извѣстно, но къ моему прискорбію я долженъ не только самъ раскланяться, но и похитить одного изъ вашихъ гостей. Анатолій Леонидовичъ, на пару словъ, — обратился онъ къ Раковскому.

Раковскій былъ совсѣмъ молодой человѣкъ, проскочившій по протекціи въ прокуратуру, не побывавъ въ

должности судебнаго слѣдователя. Онъ принадлежалъ къ типу тѣхъ людей, которые способны усматривать одну лишь анекдотическую сторону во всемъ, съ чѣмъ бы ни сталкивала ихъ жизнь. Это свойство создало ему славу «прекраснаго молодого человѣка» и «души общества», но дѣлало его малоцѣннымъ съ точки зрѣнія интересовъ дѣла, которое онъ выполнялъ лишь на столько, чтобы не повредить себѣ въ глазахъ начальства.

— Князь Костровъ?! Это забавно! Какъ же теперь? Наша милѣйшая хозяйка навсегда останется княгиней безъ пяти минутъ? — воскликнулъ онъ.

— Тише. Не нужно волновать общество, а особенно слѣдуетъ поберечь Аріадну Георгіевну, осторожно ее подготовивъ къ этому ужасному извѣстію.

— Да, дѣйствительно, — абшидъ. И титулъ и милліоны тю-тю.

— Намъ нужно сейчасъ же вмѣстѣ ѣхать туда, — сказалъ Мурзаевъ.

— Мнѣ то зачѣмъ? Если здѣсь самоубійство, никакого преступленія нѣтъ, то это полицейскій трупъ, съ которымъ вы прекрасно обойдетесь безъ моего просвѣщеннаго содѣйствія.

— Предположеніе о самоубійствѣ основано на бѣгломъ наблюденіи агента, да еще при сумеречномъ свѣтѣ, а есть кое что, говорящее за насильственную смерть отъ посторонней руки. Кромѣ того что бы тутъ ни было, но князь занималъ такое общественное положеніе, что изслѣдованіе причинъ его смерти выходитъ изъ рамокъ рядового полицейскаго дознанія.

— Пожалуй, вы правы, — придется ѣхать. А жаль. Я случайно узналъ, что за ужиномъ предполагается подать индѣйку съ каштанами. У нихъ это блюдо замѣчательно вкусно готовятъ. Кажется, по кавказски. Понимаете-ли — каштаны предварительно обжариваютъ. . .

— Пойдемъ проститься съ обществомъ, — прервалъ Мурзаевъ кулинарные вострогн Раковскаго, — и скорѣе поѣдемъ. Сохраните только пока въ тайнѣ истинную причину нашего спѣшнаго отъѣзда.

— Конечно, это же входитъ въ мои собственные интересы. Начнутся слезы, вопли, надгробныя рыданія, а я

и въ театрахъ то терпѣть не могу драмъ, а тѣмъ болѣе въ жизни.

Лишь только они двинулись въ сторону столовой, къ нимъ навстрѣчу выбѣжала взволнованная Аріадна Георгіевна.

— До моего слуха долетѣло имя князя. Что случилось? — остановила она ихъ.

— Пока ничего опредѣленнаго не извѣстно, — смущенно отвѣтилъ Мурзаевъ. — Не волнуйтесь, дорогая Аріадна Георгіевна. Даю слово, что какъ только слухи будутъ провѣрены, вы первая будете освѣдомлены мною обо всемъ. Возможно, что ничего нѣтъ, изъ за чего стоило бы тревожиться.

— Изъ-за рыночныхъ слуховъ не стали бы спѣшно вызывать начальника сыскной полиціи и прокурора. Умоляю васъ, Иванъ Григорьевичъ, во имя нашей старой дружбы, сказать мнѣ, что случилось съ княземъ? почему васъ вызываютъ? куда вы ѣдете?

Мурзаевъ мялся, бормоча успокоительныя слова. Тѣмъ временемъ гостиная наполнялась гостями.

— Я наконецъ требую на правахъ невѣсты князя, чтобы мнѣ была сказана правда, — крикнула Аріадна Георгіевна.

— Говорю же я вамъ, Аріадна Георгіевна, что у меня въ распоряженіи нѣтъ какихъ либо положительныхъ данныхъ. Я не имѣю права вносить смуту въ общество изъ за непровѣренныхъ слуховъ.

Аріадна Гергіевна рѣзко отвернулась, и обратилась къ Раковскому, который, отойдя въ сторону, съ улыбкой смѣшливаго любопытства наблюдалъ — въ какой «переплетъ» попалъ Мурзаевъ.

— Анатолій Леонидовичъ, если Иванъ Григорьевичъ такъ зачерствѣлъ на своей полицейской службѣ, то я васъ прошу сказать мнѣ, что произошло?

— Князь скончался, — брякнулъ Раковскій, съ интересомъ наблюдая эффектъ, произведенный этимъ сенсаціоннымъ извѣстіемъ на все общество, а особенно на Аріадну Георгіевну.

— Умеръ?! . . — раздался на весь домъ раздирающій крикъ Аріадны Георгіевны, и она со всего роста упа-

ла на полъ въ истерикѣ. Она могла бы разбить себѣ голову, если бы къ счастью не упала головой на шкуру бѣлаго медвѣдя.

Ее перенесли на диванъ, пытались отпаивать водой, что то давали нюхать, но потрясающая истерика не прекращалась. Всѣ растерялись, кто то дрожащими руками капалъ какія то капли, другіе выкрикивали совѣты ,пока наконецъ какой то молодой человѣкъ не догадался поѣхать за врачомъ. Въ углу гостиной забытая всѣми причитала мать Аріадны Георгіевны.

— Ѣдемъ, намъ здѣсь дѣлать нечего, тутъ нуженъ врачъ, а не прокуроръ съ полиціей, — рѣзко сказалъ Мурзаевъ Раковскому. — Надѣлали вы дѣловъ.

— Любопытно, очень любопытно, — говорилъ Раковскій въ передней, надѣвъ пальто, и закуривая папиросу. — Но какъ она красива съ расширенными отъ ужаса глазами. Положительно Элеонора Дузе, на премьеру которой меня однажды занесла какая то нелегкая.

Пока они ѣхали, Раковскій неумолочно болталъ, хотя не встрѣчалъ никакой поддержки разговора со стороны Мурзаева.

— Пусть Аріадна Георгіевна «сомлѣла», какъ выражаются наши пейзане, отъ любви, ну а мамаша то раскудахталась изъ за княжескихъ капиталовъ и латифундій. По усамъ текло, а въ ротъ не попало, — сказалъ Раковскій, когда они въѣзжали въ костровскій лѣсъ.

— Полно вамъ .Какъ вы можете находить поводъ къ шуткамъ и къ смѣху передъ лицомъ такой драмы.

— Помилуйте, я совершенно серьезно отношусь къ происшедшему. Мнѣ даже удалось наблюсти нѣчто изъ области подсознательнаго.

— Мели Емеля, твоя недѣля.

— Нѣтъ, дѣйствительно, — когда Аріадна Георгіевна, потерявъ сознаніе, упала, она всетаки, успѣла оправить задравшуюся юбку. А жаль — у нея очень красивыя ноги.

— Инстинктивно.

— Я и говорю подсознательно. Обратили вы вниманіе, какъ красиво обрисовался ея профиль съ черными волосами на фонѣ шкуры бѣлаго медвѣдя? Я вспомнилъ

прекрасную скульптуру въ одномъ изъ римскихъ музеевъ — голову спящей фуріи.

— Съ фуріей то что вы нашли у нея общаго?

— Я же не говорю про старуху съ сѣдыми, космaтыми волосами, съ лицомъ, изрытымъ морщинами, и съ волчьими зубами, а про голову античной красоты. Припомните, что фурій называли иначе Эриніями или Эвменидами, что значитъ «благосклонныя». Что же касается до Аріадны Георгіевны, то она очень милая барышня, но когда она окрысилась на васъ, то мнѣ пришла мысль, что я на мѣстѣ князя остерегся бы брать себѣ супругу изъ дѣвицъ съ «того погибельнаго Кавказа». Я и брякнулъ на прямикъ о смерти князя съ перепугу.

— Вовсе не съ перепугу, а изъ за неумѣстнаго благерства.

Когда около воротъ дачнаго домика они вылѣзали изъ экипажа, Мурзаевъ подумалъ:

— Напрасно я не увѣдомилъ самого прокурора. Этотъ салонный болтунъ будетъ только мѣшать дѣлу.

5.

Внутри ограды стоялъ небольшой домъ, окруженный садомъ. Въ окнахъ не было видно свѣта. Въ домѣ не слышно было никакого движенія. Обѣ двери, парадная и задняя, были заперты.

— Вскройте двери, — распорядился слѣдователь, выслушавъ докладъ Мурзаева.

— Вотъ будетъ веселенькое tableau, если князь почиваетъ сномъ праведника и при томъ въ чьихъ нибудь объятіяхъ, — захохоталъ Раковскій. — Я пойду сзади всѣхъ, въ случаѣ чего убѣгу, будто меня тутъ и не было.

— Тогда онъ не бросилъ бы на цѣлые сутки посреди дороги свой автомобиль, а ввелъ бы его во дворъ, — отвѣтилъ слѣдователь. — А то, какъ и гдѣ почиваетъ князь, видѣлъ господинъ Рыбаковъ еще при дневномъ свѣтѣ. Что же двери?

— Придется ломать, — отвѣтилъ одинъ изъ агентовъ.

— Попытаемъ счастья у задней двери. Если нужно будетъ ломать, то не такъ жалко портить.

Задняя дверь оказалась запертой изнутри, при чемъ ключъ не былъ вынутъ изъ замка.

— Есть у васъ уистити?

— Никакъ нѣтъ. Прикажете взломать?

— Ломайте.

— Что это за инструментъ съ такимъ страннымъ названіемъ? — спросилъ Раковскій.

— Уистити-то? Одно изъ талантливыхъ изобрѣтеній воровскаго искусства. Нѣчто въ родѣ щипцовъ для завивки волосъ. Только у тѣхъ одинъ конецъ — стерженъ, а другой полый, а у уистити оба конца полые, почему при сжиманіи они складываются въ трубку. Дѣлается этотъ инструментъ изъ очень тонкой, но крѣпко закаленной стали. Представьте себѣ, что вы изнутри заперли дверной замокъ и изъ предосторожности оставили ключъ въ замкѣ. Воръ снаружи вводитъ въ замочную скважину уистити, а потомъ сжавъ, какъ ножницами головку ключа, его поворачиваетъ. Если замокъ слабый, то воръ вашимъ же ключомъ отопретъ дверь. Если не удастся, то онъ поставитъ ключъ въ такое положеніе, что возможно будетъ его вытолкнуть, послѣ чего работаетъ обыкновенными своими отмычками.

Раковскій, слушая слѣдователя, слѣдилъ за работой агента. Тотъ пытался около замка запустить короткій ломъ-фомку между дверью и косякомъ, но это ему не удавалось.

— Ээ, милый мой, плохой воръ изъ васъ вышелъ бы — не умѣете взломовъ дѣлать, — улыбаясь, сказалъ Мурзаевъ. — Опытный воръ никогда не будетъ возиться около замка, а начнетъ работу либо съ самаго низа, либа съ верха двери. Понятно почему. Чѣмъ дальше отъ замка, тѣмъ дверь больше пружинитъ, почему легче образовать щель. Около же замка вы встрѣтились съ наибольшимъ сопротивленіемъ. Дайте фомку мнѣ и сдѣлайте нѣсколько клиньевъ вонъ хоть изъ того кола, что подпираетъ кустъ сирени.

Просунувъ остріе лома между косякомъ и дверью на самомъ верху ея, онъ сильно надавилъ на свободный

конецъ лома. Засунувъ въ образовавшуся щель клинъ, онъ передвинулъ ломъ ниже. Новымъ нажимомъ щель была расширена. Вставленный въ нее второй клинъ позволилъ передвинуть ломъ еще ниже. Такъ постепенно онъ подвелъ ломъ къ самому замку, гдѣ всунулъ его возможно глубже. Навалившись грудью на ломъ, онъ нажалъ на него рѣзкимъ движенiемъ насколько хватило силы. Замокъ щелкнулъ, язычекъ его выскочилъ изъ гнѣзда въ косякѣ и дверь открылась.

— Прiемчикъ не дуренъ, доброму вору въ пору, — засмѣялся Раковскiй.

— Не зная воровскихъ прiемовъ, много кражъ не раскроешь, — отвѣтилъ Мурзаевъ, отирая потъ со лба.

При свѣтѣ ацетиленовыхъ фонарей вошли внутрь дома. Въ кухнѣ, въ столовой и въ спальнѣ все было въ порядкѣ. Въ передней выходная дверь была заперта, ключа въ ней не было. Посреди кабинета на полу лежалъ князь Костровъ лицомъ кверху. Потускнѣвшiе глаза были полуоткрыты. Голова склонена на лѣво, на правомъ вискѣ чернѣла небольшая круглая ранка. Лѣвая рука лежала на труди противъ сердца, правая была откинута въ сторону. На ея раскрытой ладони лежалъ шестизарядный револьверъ. Около трупа на полу валялись осколки разбитаго стакана съ гоголь-моголемъ, издававшимъ сильный запахъ рома. У ногъ князя лежалъ мертвый тигровый догъ, положившiй морду на вытянутую ногу князя. Пасть собаки была въ крови. Отъ двери въ переднюю до собаки на полу виднѣлись помазки крови. Видимо, собака была ранена около двери, но доползла до хозяина, гдѣ и окалѣла. На овальномъ столѣ около отоманки стояли три бутылки, нѣсколько рюмокъ, ваза съ фруктами и раскрытая коробка конфетъ. Около ножки канделябра лежала скорлупа отъ двухъ яицъ. Всѣ пять свѣчей въ канделябрѣ сгорѣли до конца.

Въ лучѣ свѣта отъ одного изъ фонарей что то блеснуло на полу около книжнаго шкапа.

— Теперь все ясно, какъ шеколадъ, — воскликнулъ Раковскiй, поднимая ключъ отъ замка парадной двери. — Обѣ двери заперты изнутри, въ рукѣ покойнаго револьверъ, рана въ правомъ вискѣ. Несомнѣнное самоубiйство.

— Какъ будто такъ, но я въ этомъ вполнѣ не убѣжденъ, — возразилъ Мурзаевъ. — Револьверъ не зажатъ въ рукѣ, а если такъ, то казалось бы, что при паденіи тѣла онъ долженъ бы былъ отлетѣть въ сторону, хотя бы на нѣсколько вершковъ. На раскрытую же ладонь онъ могъ быть положенъ другимъ человѣкомъ.

— А нахожденіе ключей отъ обѣихъ дверей внутри запертаго дома? — возразилъ Раковскій.

— Это обстоятельство пока для меня не ясно, но нахожденіе ключа на полу меня нѣсколько смущаетъ. Что долженъ бы былъ сдѣлать князь, заперевъ дверь? Или оставить ключъ въ замкѣ, или сунуть его въ карманъ или положить его куда нибудь, но только не бросать его на полъ.

— Совершенно вѣрно, еслибы князь былъ въ уравновѣшенномъ состояніи духа, но самоубійца за нѣсколько минутъ до смерти едва ли способенъ на планомѣрныя дѣйствія, — настаивалъ Раковскій, думая, что, составивъ сейчасъ протоколъ, онъ успѣлъ бы вернуться къ Махарадзе съ новостями. У него въ головѣ уже складывался эффектный разсказъ о поѣздкѣ въ таинственный лѣсной домъ князя Кострова. Мелькнула мысль и объ индѣйкѣ.

— Психологія у самоубійцъ бываетъ разная, ихъ подъ одинъ шаблонъ не подведешь, — вступилъ въ споръ слѣдователь. — Вѣдь сумѣлъ же князь себѣ сбить гоголь-моголь, а это тоже требуетъ продолжительныхъ и, какъ вы выражаетесь, планомѣрныхъ дѣйствій, — улыбнувшись добавилъ онъ.

— Но не ушелъ же убійца сквозь стѣны, разъ двери заперты изнутри, — кипятился Раковскій.

— А черезъ окно?

— Окна всѣ закрыты.

— Но заперты ли? Въ свое время это провѣримъ.

— Я согласенъ съ господиномъ прокуроромъ, что многое говоритъ за самоубійство, но не считаю возможнымъ успокоиться на этомъ выводѣ, — сказалъ врачъ, поднимаясь съ пола, гдѣ онъ осматривалъ трупъ. — Два обстоятельство возбуждаютъ у меня сомнѣніе.

— Какія же?

— Во-первыхъ при чемъ тутъ убитая собака?

— Это проще простого, — прервалъ его Раковскій. — Этотъ догъ былъ любимой собакой князя. Онъ не хотѣлъ, чтобы она попала въ чужія руки. Быть можетъ примѣшалась доля атавистической фантазіи. При похоронахъ древнѣйшихъ предковъ князя убивали ихъ коня, ихъ собаку, а иногда и дрожайшую супругу. Проще же всего то, что онъ не хотѣлъ, чтобы запертая собака мучилась отъ голода, пока не обнаружатъ его тѣло.

— Тогда онъ выпустилъ бы ее за дверь.

— Время самоубійцѣ думать объ этомъ и ходить отворять двери собакѣ.

— Но вѣдь стрѣлялъ то онъ въ нее, подумавши, да и о гоголь-моголѣ подумалъ, и рому не позабылъ въ него влить. Опять же съ этимъ гоголь-моголемъ выходитъ что то странное. Понятно, у всякаго свои вкусы, но взрослые люди обыкновенно кушаютъ гоголь-моголь отъ кашля. Не удивляетъ ли васъ, что князь, рѣшивъ умереть, заботится о томъ, чтобы послѣднія минуты жизни не кашлять, ради чего продолжительное время вертитъ ложечкой въ стаканѣ. Относительно же собаки меня смущаетъ не то, почему она убита, а то, какъ она убита.

— Очень просто — застрѣлена изъ того же револьвера.

— Для меня не такъ просто, — возразилъ врачъ. — Хозяинъ собаки, къ которому она подойдетъ довѣрчиво, застрѣлилъ бы ее въ ухо, а отнюдь не въ пасть, какъ убитъ этотъ песъ. Такъ стрѣлять будетъ только обороняющійся отъ нападающей собаки. Изъ за чего любимая собака вздумала бы нападать на князя?

— Ну, знаете, докторъ, въ своихъ хитросплетеніяхъ вы добрались до собачьей психологіи, — недовольно закончилъ споръ Раковскій, прохаживаясь по комнатѣ въ то время, какъ всѣ прочіе среди разговора осматривали комнату шагъ за шагомъ.

— Прошу, господа, вниманія, — обратился ко всѣмъ Мурзаевъ, стоявшій около стола. — Тутъ тоже нѣчто интересное. На столѣ три бутылки: одна нераскупоренная съ шампанскимъ и двѣ початыя — съ ромомъ и съ шато-д'икемомъ. Двухфунтовая коробка конфетъ наполовину

съѣдена. На столъ же она была положена не початой, о чемъ говорятъ магазинная обертка и ленточка, лежащія на диванѣ. Фунтъ конфетъ для одного человѣка какъ будто многовато. Но это не важно, — допустимъ, что князь одинъ могъ такъ полакомиться. Важнѣе шелуха отъ винограда. Она лежитъ въ двухъ кучкахъ, на двухъ тарелочкахъ. Точно также рюмокъ съ остатками шато-д'икема на стѣнкахъ стекла не одна, а двѣ.

— Да, это даетъ предположеніе, что у князя былъ гость, — замѣтилъ слѣдователь. — Вспомнивъ же положеніе револьвера на раскрытой ладони, способъ умерщвленія собаки и таинственный автомобиль, невольно приходитъ на мысль, не умеръ ли князь отъ посторонней руки.

— Всѣ ваши рюмки, шелуха, собаки оказываются ничего не стоющей шелухой, — послышался торжествующій голосъ Раковскаго изъ угла комнаты, гдѣ стоялъ письменный столъ. — Полюбуйтесь. Вотъ разгадка всего происшедшаго, подтверждающая правильность мо его мнѣнія о самоубійствѣ. Собственноручная предсмертная записка князя.

Всѣ бросились къ столу, гдѣ лежалъ листъ почтовой бумаги, очевидно вырванный изъ блокнота, лежавшаго тутъ же рядомъ съ открытой чернильницей. На записку была брошена вставка съ перомъ, оставившимъ на бумагѣ нѣсколько чернильныхъ кляксъ.

— Не прикасайтесь къ ней руками, — остановилъ слѣдователь Раковскаго, — возьмемъ ее пинцетомъ. Да, это почеркъ князя и его подпись. Недавно я его допрашивалъ въ качествѣ свидѣтеля по одному дѣлу. Онъ свое показаніе записывалъ собственноручно, почему его почеркъ у меня на памяти.

Записка была лишь въ нѣсколко словъ: «въ смерти моей никого не винить».

— Я же вамъ говорилъ, я же отстаивалъ правильный взглядъ на здѣсь происшедшее, — тараторилъ Раковскій, — я какъ только вошелъ въ комнату, сразу интуитивно постигъ разыгравшуюся въ ней драму. Вы же залѣзли въ мелочи и запутались въ деталяхъ, почему вамъ сталъ мерещиться несуществующій убійца.

Надѣюсь, что теперь, когда причина смерти князя установлена, наша ночная partie de plaisir скоро придетъ къ концу.

— Вы оказались правы, — сухо отвѣтилъ слѣдователь, — но мы уѣдемъ отсюда не такъ скоро. Смерть князя надѣлаетъ шумъ не только здѣсь, но по всей Россіи, почему намъ нужно выяснить мотивы, побудившіе князя наложить на себя руки. Дальнѣйшій осмотръ можетъ намъ дать нужный матеріалъ. А во-вторыхъ въ вопросѣ, было ли здѣсь самоубійство, послѣднее слово скажетъ судебно-медицинское вскрытіе труповъ.

— Какихъ труповъ?

— Одинъ трупъ князя, другой его собаки.

— Часъ отъ часу не легче. Первый разъ въ жизни слышу о судебно-медицинскомъ вскрытіи пса.

— Ваше время не ушло услыхать много новаго, о чемъ раньше не знали, — отрѣзалъ слѣдователь, начинавшій раздражаться, такъ какъ Раковскій мѣшалъ ему сосредоточить вниманіе на осмотрѣ. — Вѣкъ живи, вѣкъ учись. . . а дуракомъ помрешь, — пробормоталъ онъ себѣ подъ носъ.

— То есть какъ прикажете понимать ваши послѣднія слова, — взбѣленился Раковскій.

— Такъ какъ сказано, — отвернулся отъ него слѣдователь и обратился къ врачу, — вы что то еще хотѣли сказать?

— Кромѣ трупа собаки у меня возникаетъ сомнѣніе по поводу другого обстоятельства, которое впрочемъ выяснитъ вскрытіе.

— При несомнѣнномъ самоубійствѣ и учитывая общественное положеніе князя, этотъ обрядъ возможно было бы избѣжать, — вмѣшался Раковскій.

— Это далеко не только обрядъ,—возразилъ врачъ, — къ тому же полной несомнѣнности для меня нѣтъ даже при наличіи предсмертной записки. Рана находится слишкомъ близко къ уху, въ сторонѣ отъ центра виска. Такъ самоубійцы не стрѣляютъ.

— Дрогнула рука.

— Возможно. Но кромѣ того при самоуійствахъ дуло оружія находится такъ близко къ тѣду, что оставля-

етъ на немъ татуировку отъ порохового сгара. Ничего подобнаго на головѣ убитаго не наблюдается. Можно думать, что дуло оружія въ моментъ выстрѣла находилось отъ виска на разстояніи не меньше аршина, почему допустимо, что выстрѣлъ былъ произведенъ со стороны.

— Свойство пороха, — быстро нашелся Раковскій.

— Совершенно согласенъ, что порохъ въ неиспользованныхъ патронахъ, и сгаръ въ стволѣ и пуля, которой убитъ князь, подлежатъ изслѣдованію. Но безъ вскрытія пули не добудешь.

— Хоть бы подъѣхалъ прокуроръ и унялъ бы этого протестующаго болтуна, — подумалъ Мурзаевъ, — если бы не было такъ глупо, то можно подумать, что онъ заинтересованъ въ прекращеніи слѣдствія.

— Иванъ Григорьевичъ, посмотрите, что застряло въ зубахъ собаки, — сказалъ Рыбаковъ, сидя на корточкахъ около трупа собаки.

— Очень интересно, это что то въ родѣ бисера,—отозвался слѣдователь, вынувъ изъ пасти дога маленькій кусочекъ цвѣтного стекла. — Это нужно сохранить. Вы, кажется, имѣете опять возраженія? — обратился онъ къ Раковскому, пренебрежительно пожимавшему плечами.

— Мало-ли куда свой носъ суетъ собака, по какимъ помойкамъ она роется. Мы наберемъ всякой дребедени столько, что на возу не увеземъ.

— Это уже моя забота, что пріобщать къ дѣлу, и какъ все пріобщенное доставить въ мою камеру. Тутъ ваше дѣло маленькое, — осадилъ слѣдователь Раковскаго.

— Господинъ слѣдователь совершенно правъ — при первичномъ изслѣдованіи никакая мелочь не должна быть обойдена вниманіемъ, особенно, если она необычна, — послышался властный голосъ у дверей. — А согласитесь, Анатолій Леонидовичъ, что не такъ часто можно видѣть у собаки зубы, украшенные бисеромъ.

Всѣ обернулись къ дверямъ, Раковскій расплылся въ почтительную улыбку.

— Я уже собирался уходить изъ клуба, когда туда дошелъ слухъ о смерти князя, — сказалъ вновь прибывшій прокуроръ. — Какъ вижу, слухъ оказался печальной дѣйствительностью. Что обнаружено?

Слѣдователь, Мурзаевъ и докторъ сообщили о ходѣ осмотра и его результатахъ.

— По всей вѣроятности князь самъ покончилъ съ собой, но это не такъ просто, какъ вамъ, Анатолій Леонидовичъ, кажется. А потому будемъ продолжать начатое вами, господа, дѣло.

Приступили къ осмотру письменнаго стола, гдѣ за чернильницей нашли смятое въ комокъ письмо. Почеркъ женскій, тонъ грубо-вульгарный. Письмо заканчивалось словами: «прикованная къ тебѣ, какъ ядро къ ногѣ каторжника, твоя Тата», ниже была приписка: «хочешь или не хочешь, а отвязаться тебѣ отъ меня будетъ не такъ то легко».

Изъ содержанія довольно длиннаго письма открывалась тайна князя, о которой никто не зналъ, да едва-ли кто могъ и предполагать. Выяснялось, что въ молодые годы князь вступилъ въ бракъ съ авторомъ письма. Изъ фразы: «былъ ли ты пьянъ или нѣтъ, а со мной три раза вокругъ аналоя прогулялся» можно было предполагать, что князя окрутили въ пьяномъ видѣ. Супруги сейчасъ же разъѣхались, но князь всю жизнь выплачивалъ своей женѣ ежегодно солидную сумму за молчаніе. Это письмо было отвѣтомъ на просьбу князя согласиться на разводъ. Авторша письма категорически въ этомъ отказывала, разрѣшая однако князю вступить въ новый бракъ съ обѣщаніемъ по прежнему хранить молчаніе. Но это молчаніе оцѣнивалось въ такую сумму, что даже громадное богатство князя съ трудомъ могло бы выдержать ея уплату. Письмо заканчивалось угрозой возбудить дѣло о двоеженствѣ, если князь вздумаетъ жениться на своей «черномазой любовницѣ», не уплативъ требуемаго.

— Кажется теперь ясна вся цѣпь событій, — вновь осмѣлѣвъ, заявилъ Раковскій, — прошу слѣдить за ходомъ моей мысли: рана въ правомъ вискѣ, револьверъ въ правой рукѣ, запертыя изнутри двери, собственноручная записка князя, и наконецъ это письмо, выясняющее мотивъ самоубійства. Думаю, всѣмъ извѣстно, сколь сильно князь любилъ свою невѣсту Аріадну Георгіевну Махарадзе. Исполнить требованіе первой жены значило-бы

превратиться изъ богача, какихъ мало, въ человѣка лишь съ порядочнымъ состяніемъ. Въ виду же отказа этой Таты на разводъ онъ, даже уплативъ требуемое, всю жизнь былъ бы подъ страхомъ шантажа, если бы женился на Аріаднѣ Георгіевнѣ.

Всѣ чуть не хоромъ съ нимъ согласились, кромѣ Мурзаева, тщательно въ это время разсматривавшаго бюваръ съ пропускной бумагой и предсмертную записку князя, освѣщая ее подъ разными углами свѣта.

— Разсмотрите эту записку при косомъ освѣщеніи, — обратился онъ къ присутствующимъ. — Штрихи буквъ текста не даютъ никакого отблеска, тогда какъ пятна чернилъ отъ прокатившагося по запискѣ пера блестятъ. Причиной этого могло быть одно изъ двухъ: или текстъ былъ присушенъ пропускной бумагой сейчасъ послѣ написанія, ранѣе чѣмъ брошено было на записку перо, или же чернила текста и кляксъ отъ пера не одинаковы по сорту. Записка здѣсь не была присушена, такъ какъ ни на одномъ листѣ пропускной бумаги бювара нѣтъ ни одного чернильнаго пятна. Другой чернильницы съ чернилами другого сорта здѣсь тоже нѣтъ. Отсюда выводъ — записка написана не здѣсь, а въ такомъ случаѣ при чемъ тутъ брошенное на нее перо, полное чернилъ?

— Очевидно, князь, рѣшивъ лишить себя жизни, заранѣе заготовилъ эту записку у себя въ городскомъ домѣ, а здѣсь хотѣлъ что то приписать, но раздумалъ, — объяснилъ Раковскій, безповоротно утвердившійся на версіи самоубійства.

— Что то не похоже на это, — замѣтилъ прокуроръ, — не далѣе какъ часовъ въ пять дня вчера, т. е. за какой нибудь часъ до отъѣзда князя сюда, я имѣлъ съ нимъ встрѣчу. Онъ былъ, какъ обычно, веселъ и жизнерадостенъ, много говорилъ о сегодняшемъ совѣщаніи у губернатора, и даже просилъ меня поддержать его предложеніе, которое онъ намѣревался внести на обсужденіе въ этомъ совѣщаніи.

— На полу около задней ножки стола что-то лежитъ, — сказалъ Рыбаковъ, поднимая дамскую перчатку.

— Сувениръ о былой полупьяной любви къ этой прекрасной незнакомкѣ съ языкомъ ломового извощика, къ этой таинственной Татѣ, — немедленно пояснилъ Раковскій, крѣпко оберегая свою роль разъяснителя всѣхъ сомнѣній.

— Едва ли такъ, — не согласился Мурзаевъ, — такихъ перчатокъ тогда не носили, а къ тому же . . . , — онъ вдругъ оборвался на полусловѣ, прильнувъ носомъ къ перчаткѣ. Лобъ у него наморщился, глаза омрачились отъ мелькнувшей у него на мгновеніе мысли. За сутки онъ въ третій разъ ощущалъ запахъ этихъ духовъ. Мелькнувшая мысль была столь чудовищна и нелѣпа, что онъ ее тотчасъ же отогналъ.

— . . . а къ тому же за столько лѣтъ не могъ сохраниться ароматъ духовъ, — закончилъ онъ прерванную фразу.

— Согласенъ съ вами и отказываюсь отъ первоначальнаго своего объясненія, — уступилъ на этотъ разъ Раковскій, — но объяснить нахожденіе здѣсь перчатки можно иначе, что кстати разсѣетъ сомнѣніе, вызванное шелухой винограда, двумя рюмками съ остатками вина, и отчасти нахожденіемъ ключа отъ парадной двери на полу. Да, здѣсь была женщина. Какая? Да все таже таинственная Тата. Зачѣмъ? Князь здѣсь подальше отъ любопытныхъ глазъ назначилъ ей свиданіе для рѣшительныхъ переговоровъ. Вотъ почему съѣдено много конфетъ, почему остались слѣды отъ того, что кушали фрукты и пили вино двое, а не одинъ. Надѣясь на успѣшный исходъ переговоровъ, князь могъ заботиться и о своемъ кашлѣ, сбивая гоголь-моголь. Однако несговорчивая гостя остается при своемъ требованіи, князь ее провожаетъ, запираетъ за ней дверь, вынимаетъ ключъ изъ замка и роняетъ его изъ рукъ на полъ, ходя въ волненіи по комнатѣ.

— А онъ не глупъ, — подумалъ прокуроръ, — надо имъ заняться. Немного горячъ, но это съ годами пройдетъ.

— Уменъ мальчикъ, да не очень, — въ свою очередь подумалъ Мурзаевъ. — Какова она ни на есть, эта Тата, а всетаки дама. Неучто же князь ее пустилъ бы

пехомъ десять верстъ до города киселя хлебать. Со стороны луговъ ей подъѣзжать не нужно было. Это важно было бы для человѣка инсценирующаго картину самоубійства, а въ ея разсчеты это входить не могло.

— Однако свѣтаетъ, — сказалъ слѣдователь. — Кабинетъ мы досконально изучили. Осмотримъ еще разъ другія комнаты, а потомъ при дневномъ свѣтѣ обойдемъ домъ съ наружной стороны, и будемъ кончать. Дѣла еще много съ упаковкой вещественныхъ доказательствъ, съ протоколомъ и съ отправкой мертваго тѣла.

Не обнаруживъ ничего новаго въ прочихъ комнатахъ, всѣ вышли черезъ кухонную дверь, и пошли вокругъ дома.

— Кровь! — раздался крикъ Рыбакова, значительно опередившаго прочихъ.

— Гдѣ? гдѣ кровь? — послышались тревожные вопросы.

— На ручкѣ парадной двери съ наружной стороны, — указалъ Рыбаковъ на небольшое пятно засохшей крови, виднѣвшееся на блестящей поверхности полированной мѣди. Для всѣхъ было ясно, что ни собака, ни князь съ прострѣленной головой, запертые внутри дома, не могли занести сюда кровь. Это могъ сдѣлать только человѣкъ, закрывшій за собой дверь, уходя изъ дома уже послѣ того, какъ хозяинъ и его собака были убиты. Раковскій, блестящіе доводы котораго были разрушены этимъ пятномъ, стоялъ, какъ опущенный въ воду.

— Мы забыли провѣрить окна, всѣ ли они заперты, — вспомнилъ слѣдователь. Вернулись обратно въ домъ. Всѣ окна оказались запертыми кромѣ одного въ кабинетѣ, легко раскрывшагося подъ давленіемъ руки слѣдователя. Какъ разъ противъ этого окна стоялъ тотъ шкапъ, около котораго на полу найденъ былъ ключъ.

— Кто то съ запачканными кровью руками вышелъ изъ дома черезъ парадную дверь, заперъ ее, а ключъ бросилъ въ кабинетъ черезъ окно, которое потомъ прикрылъ, — сдѣлалъ выводъ слѣдователь. — Пойдемъ, осмотримъ стѣну подъ этимъ окномъ съ наружной стороны.

Подъ окномъ вились стебли наструрціи. Лишь мѣстами на нихъ сохранились поблекшіе листья и засохшіе семенные огурчики. Были-ли помяты стебли, трудно было сказать. Лишь острый глазъ Рыбакова замѣтилъ, что подъ окномъ была потревожена паутина. Подъ лучами восходящаго солнца въ ней блестѣли двѣ бисеринки, подобныя найденной въ зубахъ собаки. Окна были расположены на столько высоко, что дотянуться до нихъ съ земли было нельзя, но это сдѣлать было легко, если встать на выступъ фундамента. Подъ серединой окна виденъ былъ слѣдъ стертой пыли, густо покрывавшей этотъ выступъ на всемъ его протяженіи вокругъ дома. Слѣдовъ на землѣ около дома найдено не было, да едва ли они могли бы отпечататься на плотно утрамбованныхъ щебнемъ дорожкахъ.

Когда тѣло князя и трупъ собаки были подняты съ пола, и Мурзаевъ началъ подбирать осколки стакана, онъ воскликнулъ:

— Здѣсь есть еще одно мертвое существо.

— Какое?

— Воробей.

— Откуда онъ взялся, его ранѣе не было?

— Очевидно, онъ влетѣлъ въ открытое окно, когда мы вышли для осмотра стѣны.

— Но почему онъ околѣлъ?

— Господа, причиной смерти князя было не только огнестрѣльное раненіе, но и отравленіе какимъ то быстро дѣйствующимъ ядомъ, — убѣжденно сказалъ прокуроръ, разсматривая мертваго воробья, — клювъ птицы запачканъ гоголь-моголемъ. . . .

6.

На улицахъ уже была дѣловая суета, когда участники осмотра дачнаго домика вернулись въ городъ. Осеннее, но яркое солнце пригрѣвало. Послѣ безсонной ночи клонило ко сну. Но слѣдователю и Мурзаеву было не до сна. Переговорили съ профессоромъ судебной медицины, пожелавшимъ лично произвести вскрытіе мертваго тѣла въ два часа дня. Нужно было срочно оповѣстить рядъ лицъ, присутствіе которыхъ было необходимо

при вскрытіи. Долго разыскивали по всему городу лучшаго ветеринара Янова, которому предстояло изслѣдовать трупъ собаки. Онъ оказался въ плѣну у выжившей изъ ума старухи Чернодворской, не выпускавшей его отъ себя, пока не минуетъ «кризисъ» у ея любимой болонки Жужу. Пришлось вести переговоры съ военнымъ начальствомъ о приглашеніи эксперта по огнестрѣльному оружію — артиллерійскаго полковника Лѣтнякова. За нимъ посланъ былъ нарочный на полигонъ, куда Лѣтняковъ выѣхалъ на боевую стрѣльбу. Рядъ такихъ случайныхъ затрудненій отнималъ время, а хотѣлось сегодня же привести въ порядокъ вещественныя доказательства, взятыя съ мѣста преступленія, и о нѣкоторыхъ изъ нихъ возможно скорѣе переговорить съ экспертами.

— Я просилъ бы довѣрить мнѣ предсмертную записку князя, чтобы сейчасъ же передать ее эксперту Громову, — обратился Мурзаевъ съ просьбой къ слѣдователю.

— Къ чему такая спѣшка? Онъ все равно безъ дополнительнаго матеріала ничего не скажетъ.

— Нѣкоторые вопросы не потребуютъ дополнительнаго матеріала, напримѣръ — тождество чернилъ въ штрихахъ и въ кляксахъ на запискѣ, или тождество бумаги записки и блокнота, найденнаго на письменномъ столѣ. Но меня интересуетъ другой вопросъ.

— Спасибо, что напомнили о чернилахъ. Заверните, пожалуйста, въ городской домъ князя и отберите пробы всѣхъ чернилъ, какія бы тамъ ни оказались, а также захватите образцы почтовой бумаги, если такая вамъ попадетъ на глаза. Но вѣдь эта экспертиза тоже потребуетъ времени. Безразлично будетъ ли она сдѣлана днемъ ранѣе или днемъ позднѣе, а сегодня у насъ съ вами и безъ того хлопотъ полонъ ротъ.

— Я хочу попросить Громова объ изслѣдованіи, которое онъ можетъ произвести сейчасъ же и даже въ моемъ присутствіи.

— О какомъ же?

— Не оставилъ ли на запискѣ слѣдовъ своихъ пальцевъ тотъ, кто держалъ ее въ рукахъ.

— Съ чьими же пальцевыми отпечатками вы намѣрены теперь сличить эти слѣды?

— Пока лишь съ отпечатками, снятыми мною съ руля автомобиля. Если мы имѣемъ дѣло съ убійствомъ, то тождество слѣдовъ сузитъ кругъ лицъ, среди которыхъ нужно искать убійцу. Это — человѣкъ знакомый съ управленіемъ машиной.

Въ городскомъ домѣ князя Кострова Мурзаевъ не нашелъ почтовой бумаги, подходящей по формату къ листу предсмертной записки. Пробы чернилъ изъ всѣхъ чернильницъ, бывшихъ въ домѣ, онъ слилъ въ отдѣльные флаконы. Въ зданіи Судебной Палаты, въ первой комнатѣ кабинета судебной экспертизы онъ никого не нашелъ, и постучалъ въ дверь съ аншлагомъ: «входъ строго воспрещается».

— Кто тамъ? — послышался досадливый голосъ.

— Мурзаевъ.

— А, Иванъ Григорьевичъ, входи, входи, давно тебя не видалъ. Ты то не помѣшаешь, — обрадовался Громовъ, близкій пріятель Мурзаева еще со студенческихъ временъ.

Перешагнувъ порогъ, Мурзаевъ очутился въ полной темнотѣ. Только въ одномъ углу онъ могъ различить пятно фіолетоваго свѣта. Слышно было гудѣніе. Ощущался запахъ озона. Боясь въ темнотѣ на что нибудь натолкнуться, онъ остановился около двери.

— Протяни правую руку — тамъ выключатель, и дай свѣтъ, — сказалъ Громовъ.

При свѣтѣ Мурзаевъ увидалъ Громова, сидящимъ за столомъ передъ аппаратомъ въ родѣ небольшаго шкапика, рядомъ съ которымъ стоялъ цилиндръ, издававшій гудѣніе.

— Здравствуй, — привѣтствовалъ Мурзаева Громовъ, — не хочешь ли посмотрѣть какую услугу при изслѣдованіи оказываютъ ультро-фіолетовые лучи?

— Интересно. Надъ чѣмъ ты трудишься?

— Вашему брату помогаю. Въ нѣсколько минутъ раскрылъ то, надъ чѣмъ твои сыщики не одну недѣлю провозились бы.

— Что это такое?

— Прочти это письмо.

— Ну, прочелъ. Письмо невиннаго содержанія, обычно переполненное поклонами отъ тетушекъ, дядюшекъ и всѣхъ прочихъ родственниковъ, — сказалъ Мурзаевъ, возвращая письмо.

— Садись на мое мѣсто. Письмо кладу подъ лучи, свѣтъ въ комнатѣ потушу самъ.

Между строкъ письма, освѣщеннаго фіолетовыми лучами, Мурзаевъ увидалъ штрихи другого текста, которые, флоуресцируя, свѣтились.

— Да вѣдь здѣсь инструкція о томъ, что и какъ показывать на судѣ, — воскликнулъ Мурзаевъ, не безъ труда разбираясь въ написанномъ тайными чернилами.

— То то вотъ и есть. Понятно, этотъ тайный текстъ возможно проявить химическимъ путемъ, но пришлось бы долго возиться и въ концѣ концовъ испортить документъ.

— Это по какому дѣлу?

— Изъ сосѣдняго суда прислали. Какая то крупная кража.

— Знаю — очистили складъ купца Тараканова и ночного сторожа искалѣчили. А я къ тебѣ съ просьбой и при томъ со спѣшной.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ Громовъ, прекращая дѣйствіе аппарата и отдергивая тяжелый занавѣсъ на окнѣ.

Мурзаевъ объяснилъ, что хотѣлось бы ему узнать.

— У тебя найдется время? — спросилъ Громовъ.

— Часа полтора въ моемъ распоряженіи, — отвѣтилъ Мурзаевъ, посмотрѣвъ на часы, показывавшіе половину перваго.

— За глаза хватитъ, — сказалъ Громовъ, беря фотографическую ванночку. На ея дно онъ разсыпалъ ровнымъ слоемъ кристалы іода, надъ которыми помѣстилъ записку, покрывъ ее сверху стекломъ.

— Есть! — указалъ онъ на проявившіеся рыжеватые отпечатки папилярныхъ линій отъ трехъ пальцевъ. Онъ быстро покрылъ записку съ обѣихъ сторонъ двумя стеклами.

— Такъ то подъ защитой стекла онѣ не такъ скоро пропадутъ, и я успѣю ихъ сфотографировать. Давай за одно пленки со слѣдами на автомобильномъ рулѣ.

Фотографированіе слѣдовъ на запискѣ и на пленкѣ взяло не много времени. Пока промывались негативы, оба пріятеля, закуривъ, разговорились.

— Невѣста-то, чай, убивается? — спросилъ Громовъ.

— Понятно, не веселится. Вчера, когда этотъ шутъ Раковскій ляпнулъ о смерти князя, она какъ подкошенная свалилась на полъ.

— Кажется, очень красива? Мнѣ то не довелось познакомиться, только издали видѣлъ.

— Надо бы лучше, да некуда. Я самъ когда-то влюбленъ былъ по уши.

— Характеромъ то какъ она?

— Ангелъ. Иной разъ взглянетъ на тебя такъ, ровно въ пуховое одѣяло обернетъ своей лаской. Сумѣлъ покойный князь жену выбрать.

— Да ты, кажется, и теперь еще немного — того. Будто маленькая заноза въ сердцѣ еще осталась?

— Я то? Нѣтъ. Остылъ.

— Ангелъ-то ангелъ. Только и ангелы съ ноготками бываютъ.

— Да ужъ разсердится, такъ не подвертывайся. Испепелитъ своими прекрасными очами. Вчера такъ на меня воззрилась, что мурашки по тѣлу пошли. Даромъ, что старые пріятели.

— Ты вѣдь съ ними въ одномъ городѣ жилъ. Правда, что у нея тамъ былъ другой женихъ?

— Женихъ не женихъ, объявлены не были, а романъ большой былъ.

— Что же она ему измѣнила, али на титулъ и на капиталы польстилась?

— Нѣтъ, она не изъ такихъ. Про стариковъ ея не скажу, тѣ то очень льстились имѣть дочку княгиню, а она сама первое время про князя и слушать не хотѣла. Старикамъ-то Богъ проститъ. Папаша хоть и принадлежитъ теперь въ качествѣ управляющаго акцизными сборами къ губернскому Олимпу, а изъ мелкоты выслужился. Вѣдь это только теперь въ акцизъ универстанты

пошли, а въ былое время кто туда шелъ. Такъ писарьки съ атестатомъ городского училища, да гимназисты, не дотянувшіе до экзамена зрѣлости.

— Сама то она съ образованіемъ?

— О да, гимназію съ медалью кончила. Очень начитанная. Не дурная піанистка, въ живописи разбирается. Языками владѣетъ. Однимъ словомъ — княгиня хоть куда.

— Что же предметъ ея первой любви уменъ былъ или красивъ?

— Не дуракъ, хотя звѣздъ съ неба не хваталъ. Ну, а что касается до внѣшности, ничего не могу сказать. При правильности чертъ лица, было въ немъ что-то мефистофельское. Однако, на мой взглядъ, онъ больше походилъ на русскаго чорта, нежели на демона или мефистофеля.

— «Узнаю коней ретивыхъ я по выжженныхъ таврамъ, а любовниковъ счастливыхъ узнаю по ихъ глазамъ» . . . . ну а несчастныхъ по ихъ рѣчамъ о болѣе удачливомъ соперникѣ. Не такъ ли? а то чѣмъ бы онъ могъ завоевать ея сердце?

— Чѣмъ? Въ душу человѣческую, особенно въ женскую, не влѣзешь. Любовь зла, полюбишь и козла. Про меня же ты плохо думаешь. Вотъ вѣдь князь Костровъ и меня и Рожнова оставилъ за флагомъ, а я не буду отрицать, что покойный и красивъ и человѣкъ прекрасный.

— Такъ можетъ быть тотъ первый по душѣ больно хорошъ былъ? Тоже ангелъ только не въ юбкѣ, а въ штанахъ?

— И за душу хвалить погодить. Онъ очень пріятенъ въ обращеніи, но до поры до времени, пока ты его чѣмъ нибудь не задѣнешь, хотя бы случайно. А погладишь его противъ шерстки, такъ остерегайся его злобы и мстительности.

— А коли онъ мстительный, такъ не его ли рукъ дѣло?

— Нѣтъ, вѣдь живетъ онъ за тридевять земель. А впрочемъ ты мнѣ подалъ мысль. Хоть и маловѣроятно, а въ этомъ направленіи тоже надо понюхать.

— Вотъ разговаривай съ вашимъ братомъ, съ полицейскими ищейками. Не думаешь, не гадаешь, а на человѣка сыщиковъ натравишь. Впрочемъ мое дѣло сторона — нюхай, коли охота. А ее я всетаки не понимаю. То въ какого-то чортушку влюблена, да такъ, что чуть не до аналоя, то другому ужъ поетъ: «ему я отдана, и буду вѣкъ ему вѣрна».

— То было первое юношеское увлеченіе безъ знанія свѣта и людей. Къ тому же выборъ то былъ нетруденъ между Рожновымъ и княземъ, который, кажется, самого чорта обворожитъ и умомъ и внѣшностью и душевностью. Ужъ очень «двѣ большія разницы». Орелъ и ворона. Понять же Аріадну Георгіевну вообще трудно — очень замкнутая натура. Богъ знаетъ, что у нея на душѣ творится. Никому не повѣдаетъ — горда. А горе у нея большое, такъ какъ не знаю, какъ она любила Рожнова, а любовь ея къ князю была глубока.

— Жаль ее, — сказалъ Громовъ, вынимая негативы изъ воды и просматривая ихъ на просвѣтъ. — Ну, батенька мой, не нужно быть дактилоскопистомъ, чтобы сразу увидать, что одинъ изъ отпечатковъ на запискѣ и отпечатокъ на рулѣ отъ одного и того же пальца. Сегодня къ вечеру изготовлю позитивы, пришли кого нибудь за ними. Ты сейчасъ куда?

— Въ анатомическій театръ на вскрытіе. Самъ профессоръ Колосовскій будетъ вскрывать.

— Что же? по твоему князь убитъ, а не самъ покончилъ съ собой?

— Я увѣренъ, что убитъ, а такъ ли это — покажетъ вскрытіе.

— Кто же могъ его прикончить?

— Пока нѣтъ на это никакихъ указаній, кромѣ развѣ одного страннаго обстоятельства.

— Какого?

— Въ день смерти князя пріѣзжалъ къ нему управляющій его сѣверными имѣніями Берлогинъ, имѣлъ съ княземъ пятиминутный разговоръ, и въ тотъ же день вечеромъ спѣшно уѣхалъ домой. Изъ за пяти минутъ за сотни верстъ не ѣздятъ. Кромѣ того онъ долженъ былъ быть у себя дома еще вчера утромъ, а его тамъ

нѣтъ еще и сегодня, что узналъ я, снесшись по телеграфу.

— Это не онъ.

— Почему ты такъ думаешь?

— По твоимъ словамъ. Стали бы двое мущинъ съ шато д'икемомъ путаться, они сразу начали бы либо съ шампанскаго, либо съ рома.

— Положимъ шато д'икемомъ они могли закладку сдѣлать, а здѣсь другое обстоятельство — найдена перчатка, да еще надушенная.

— Что же, что надушенная?

— А то что она надушена тѣми самыми духами, запахъ которыхъ ощущался въ брошенномъ автомобилѣ.

— Можетъ быть она принадлежитъ Берлогину, если онъ франтъ?

— Нѣтъ. Во-первыхъ отъ Берлогина больше пахнетъ смазными сапогами, нежели тонкими духами, а во-вторыхъ перчатка дамская.

— По моему эта перчатка ничего не говоритъ. Мало ли какой дамской дребедени холостой человѣкъ можетъ натащить въ свой интимный уголокъ.

— Однако я съ тобой заболтался, а до тебя имѣю другое дѣло, — вспомнилъ Мурзаевъ и попросилъ произвести изслѣдованіе чернилъ на запискѣ, и сличить бумагу записки и блокнота, взятого изъ дачнаго домика.

— Съ чернилами придется повозиться, — отвѣтилъ Громовъ, задергивая занавѣсъ на окнѣ, — а насчетъ бумаги сдѣлаемъ опытъ съ аппаратомъ, за которымъ ты меня засталъ.

Онъ пустилъ токъ въ аппаратъ. Когда послышалось гудѣніе, онъ нѣсколько разъ повернулъ рычагъ, послѣ чего въ аппаратѣ появился фіолетовый свѣтъ.

— Придется подождать минутъ восемь. Скажи, у князя враговъ не было?

— Какіе тутъ враги. Рѣдко можно найти человѣка, который пользовался бы такой всеобщей симпатіей. Злобствовалъ на него одинъ Ярыгинъ.

— Это — Вадимъ что-ли?

— Нѣтъ. Вадимъ человѣка изъ пушки убилъ, а то его старшій братъ Игорь, застрѣлившій человѣка изъ револьвера.

— Какъ такъ человѣка изъ пушки убилъ?

— Ихъ братьевъ такъ и различаютъ. Одного пушкаремъ зовутъ, а другого стрѣльцомъ. Оба непутевые — проживаютъ отцовское достояніе. Живутъ въ имѣніи, заложенномъ и перезаложенномъ. Хозяйствомъ не занимаются, все время въ кутежахъ проводятъ. Впрочемъ Игорь — стрѣлецъ то — любитъ и по фельдфебельски въ одиночку пить. Отрылъ Вадимъ гдѣ то на чердакѣ мѣдную пушечку, изъ которой въ старое время при празднествахъ палили. Устроилъ примѣрный бой въ полѣ, не сообразивъ, что тамъ дорога проходитъ. Зажгли фитиль, сами въ сторону отбѣжали, боясь какъ бы пушку не разорвало. Вдругъ видятъ, что по дорогѣ какой то старикъ идетъ. Они ему кричатъ, чтобы остановился, а онъ претъ себѣ дальше. Потомъ оказалось, что глухой былъ. Только поровнялся онъ съ пушкой, фитиль догорѣлъ, пушка ахнула, а ядро какъ разъ въ половину корпуса старика угодило. Пустяками Вадимъ отдѣлался за неосторожное причиненіе смерти.

— Вотъ смотри, — прервалъ Громовъ, нажавъ кнопку въ трансформаторѣ, — бумага записки имѣетъ красноватый тонъ, а бумага блокнота зеленоватый. Это происходитъ отъ различія веществъ, входящихъ въ составъ бумажной массы. Значитъ листъ записки вырванъ не изъ этого блокнота. А какъ же дѣло было съ револьверной стрѣльбой? — спросилъ онъ, давая свѣтъ въ комнату.

— Эта исторія еще нелѣпѣе. Кутилъ какъ то Игорь въ компаніи. Сталъ хвастаться мѣткостью своей стрѣльбы. Помянули про Вильгельма Теля. Игорь Ярыгинъ оретъ, что Тель передъ нимъ щенокъ въ дѣлѣ стрѣльбы. Всѣ пьяны, а больше всѣхъ постоянный прихлебатель Ярыгина — Огурцовъ. «Врешь», — говоритъ онъ, — «не сшибешь яблока, промахнешься», — «нѣтъ сшибу»- «нѣтъ не сшибешь». Пошелъ споръ чуть не до драки. Огурцову пришла блажная фантазія. «Ладно, говоритъ, будь ты Телемъ, а я твоимъ малолѣтнимъ, возлюбленнымъ сыномъ, а этотъ апельсинъ пусть будетъ яблокомъ». Положилъ апельсинъ себѣ на голову и кричитъ: «стрѣляй». Ярыгинъ выхватилъ изъ кармана браунингъ — всегда при себѣ таскаетъ, — бацъ и сшибъ

апельсинъ пулей. Огурцовъ въ отвѣтъ: «случайность». — «Какъ случайность?!» — взъерепенился Ярыгинъ, — «предлагаю пари, что подъ рядъ десятокъ апельсинъ прострѣлю на твоей дурацкой башкѣ, ставлю въ закладъ 300 рублей». — «Вали!», — кричитъ Огурцовъ. Другіе чѣмъ-бы остепенить, съ пьяныхъ глазъ подзадариваютъ. На четвертомъ апельсинѣ Огурцовъ возьми да икни, пуля то ему въ лобъ. Спасибо, что лобъ то оказался мѣдный, пуля подъ кожей прошла.

— Тоже судили?

— Какъ же. Петербургскій адвокатъ пріѣзжалъ, свелъ на причиненіе легкой раны. Дѣло миромъ кончили.

— За что же Ярыгинъ на князя злобился?

— Вздумалъ онъ ради поправленія матеріальныхъ средствъ выставить свою кандидатуру на послѣднихъ земскихъ выборахъ. И голоса подобралъ — частью изъ собутыльниковъ, частью изъ числа лицъ, страдающихъ неумѣстнымъ прекраснодушіемъ, обѣщавшихъ положить на право въ память его отца. Отецъ то Ярыгиныхъ былъ уважаемый человѣкъ — не одно трехлѣтіе предводителемъ дворянства пробылъ. Покойный князь Костровъ возсталъ. Началъ убѣждать, что подобныхъ Ярыгину лицъ не выбирать нужно, а обсудить согласно ли ихъ поведеніе съ достоинствомъ дворянина и не мараетъ ли онъ честное имя своего отца. Подъ вліяніемъ князя на выборахъ Ярыгина прокатили на вороныхъ. Обозлился онъ на князя, какъ бѣсъ. Неоднократно грозился, что раздѣлается съ нимъ по своему, и что на этотъ разъ у него рука не дрогнетъ, какъ было въ исторіи съ Огурцовымъ.

— Похоже, что и его рукъ дѣло. Не самъ, такъ подослалъ какую нибудь дѣвицу изъ «такихъ». Князь по своему холостому положенію тоже, чать, не монахомъ жилъ.

— Всяко можетъ быть. Какъ разъ вчера къ вечеру выудили изъ рѣки одно изъ этихъ милыхъ, но падшихъ созданій. Ярыгинъ недавно съ ней возжался. По всей вѣроятности сама нырнула, а Богъ вѣсть, можетъ быть устранена, какъ неудобная соучастница. Взялъ его подъ

наблюденіе опытнаго агента. Все это, понятно, между нами. Говорю тебѣ потому, что умѣешь языкъ за зубами держать. Ой, матушки, скоро два. Прощай, спасибо за услугу.

Настоятельной надобности быть при началѣ вскрытія у Мурзаева не было, почему по дорогѣ въ анатомическій театръ онъ на минуту завернулъ къ Махарадзе справиться о здоровьѣ Аріадны Георгіевны. Приняла его ея мать.

— Ума не приложу, Иванъ Григорьевичъ, что дѣлать съ Ридой, — начала она плакаться. — Со вчерашняго дня пластомъ лежитъ съ открытыми глазами, какъ въ столбнякѣ. Не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ. Живая покойница. Молчитъ, а если что скажетъ, то какъ ножомъ отрѣжетъ. «Поплачь, говорю, Рида, — полегче будетъ» — «Мои слезы не живая вода, — отвѣчаетъ, — князя не воскресятъ», и опять молчокъ. Боюсь, какъ бы умомъ не повредилась.

— Послали бы за врачомъ.

— Какое тутъ. Предложила было, такъ она такъ закричала, такъ засверкала глазами, что меня страхъ взялъ. «Не смѣть звать, — кричитъ, — никакихъ докторовъ. Помру такъ къ князю пойду, мое мѣсто тамъ». Я было зачѣмъ-то къ ея шкапу сунулась, а она какъ вскочитъ, ключъ изъ моихъ рукъ вырвала, шкапъ заперла и кричитъ: «никакихъ другихъ платьевъ во всю свою жизнь носить не буду, кромѣ самаго глубокаго траура. Пошлите за моей портнихой». Я ей говорю — «удобно ли очень то трауръ подчеркивать. Невѣста то ты невѣста, да не объявленная. Какъ бы людямъ не дать лишній поводъ подсмѣиваться». «Пусть, — отвѣчаетъ,— люди зубоскалятъ; мнѣ до нихъ никогда дѣла не было, а теперь тѣмъ паче». Правду сказать, Иванъ Григорьевичъ, и люди то хороши.

— А что?

— Вчера вечеромъ наши гости ахаютъ да охаютъ около Ридочки, когда она въ истерикѣ лежала, а у большинства въ глазахъ не сочувствіе, а любопытство, а можетъ быть и удовольствіе, что у «акцизной невѣсты» богатство мимо носа прошло. Знаемъ, что за глаза ее

такъ величаютъ. Поперекъ горла имъ стало, что мой Георгій Назарьевичъ изъ малыхъ чиновъ вышелъ и до управляющаго дослужился, и чуть было съ князьями Костровыми не породнился. А что же что изъ мелкихъ чиновъ? То ему честь и слава. Съ бабушками, да съ тетеньками всякій въ гору вылѣзетъ, а ты попробуй свою долю своимъ горбомъ заработать. Соболѣзнуютъ гости то, а по голосу слышно, что лгутъ. А кое-кто перешептывается, да пересмѣивается. Какъ открыла глаза Рида, да увидала этихъ пересмѣшниковъ, вскочила съ дивана, засверкала глазами, вытянула руку да какъ крикнетъ: «вонъ!». Они и поползли задомъ къ дверямъ, какъ раки. Да и было чего испугаться, коли взглянуть на нее. Что говорить про нихъ, коли вонъ и Пашка горничная съ утра фордыбачитъ. Недавно она у насъ. Отъ вице-губернатора къ намъ перебѣжала въ разсчетѣ въ княгинины камеристки попасть. Раньше мелкимъ бѣсомъ разсыпалась, а теперь какъ волкъ въ лѣсъ глядитъ.

— Ну этотъ то товаръ найдется, пусть уходитъ — не жалко.

— Такъ то такъ, а только обидно, когда видишь, что вся то тебѣ цѣна была въ томъ, что отъ князева золота на тебя отблескъ упалъ.

— Не всѣ же такъ.

— Всѣ не всѣ, а кромѣ васъ много ли найдется, кто бы къ намъ душевно отнесся. Два три человѣка, да и обчелся.

— Какъ супругъ вашъ?

— На службу ушелъ. Онъ у меня служака. Дочь на столѣ лежать будетъ, а онъ въ свое управленіе побѣжитъ. Хвалится, что за всю жизнь одинъ только разъ на службу опоздалъ, когда въ Казани такихъ сугробовъ намело, что по улицамъ три дня ни прохода, ни проѣзда не было. Оттого и Рида такой одиночкой выросла. Не прочтешь, что у нея на сердцѣ дѣлается, какія мысли въ головѣ бродятъ. Отецъ весь въ дѣлахъ, а я въ хозяйствѣ. Вѣдь мы только недавно полегче вздохнули, а всю то жизнь ой-ой какую лямку тянули.

— Аріадну Георгіевну нельзя повидать? Мы съ ней старые пріятели, — можетъ быть, мнѣ удалось бы ее разговорить.

— Не велѣла никого принимать. Васъ то приметъ, поминала даже про васъ. Только попозже, а сейчасъ забылась — заснула.

— Сейчасъ мнѣ самому некогда, а вечеромъ съ вашего разрѣшенія опять къ вамъ заверну.

— Заходите, заходите. Вѣдь вы у насъ здѣсь одинъ старый знакомый. Другихъ то всѣхъ безъ году недѣлю знаемъ. Давно ли мы въ городѣ.

7.

Вскрытіе близилось къ концу, когда Мурзаевъ вошелъ въ круглый съ верхнимъ свѣтомъ залъ анатомическаго театра. Полости грудная и брюшная уже были вскрыты. Одѣтый въ бѣлый халатъ профессоръ Колосовскій круговымъ движеніемъ руки взрѣзалъ кожу черепа. Ассистенты обнажили черепныя кости отъ кожи. Послышался визгъ пилы, перепиливающей кость. Профессоръ краткими фразами, иногда однимъ словомъ отдавалъ четкія приказанія ассистентамъ и объяснялъ обнаруженное присутствующимъ, которые группой стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ резекціоннаго стола. На особомъ столѣ находились банки съ желудкомъ и прочими внутренностями покойника. Трупный запахъ не былъ силенъ, къ нему примѣшивался какой то посторонній пріятный запахъ. Мурзаевъ тихими шагами подошелъ къ слѣдователю и шопотомъ спросилъ:

— Что обнаружено?

— Отравленіе ціанистымъ каліемъ, по всей вѣроятности.

— Приведите трупъ въ порядокъ, сосуды съ внутренними органами тотчасъ же перенесите въ лабораторію, — отдалъ профессоръ приказаніе, окончивъ изслѣдованіе мозга и черепныхъ костей, а затѣмъ обратился къ присутствующимъ:

— Болѣе подробное, мотивированное заключеніе сообщу впослѣдствіи, теперь могу сказать слѣдующее: Огнестрѣльное раненіе, хотя и тяжкое, но не смертельное, такъ какъ мозгъ и черепныя кости невредимы, а пуля, частично разрушивъ челюстныя кости, прошла въ шею, гдѣ и задержалась, не затронувъ существен-

ныхъ органовъ и кровеносныхъ путей, поврежденіе которыхъ могло бы повлечь за собой смерть. Господинъ полковникъ, извлеченную пулю передаю въ ваше распоряженіе. Пулевой ходъ имѣлъ направленіе сзади на передъ и сверху внизъ. Это одно уже говоритъ, что выстрѣлъ произведенъ не самимъ покойнымъ, а постороннимъ лицомъ. Кромѣ того, еслибы выстрѣлъ былъ произведенъ самимъ княземъ, то при такомъ направленіи полета снаряда дуло оружія въ моментъ выстрѣла должно бы было находиться въ непосредственной близости, если не въ соприкосновеніи съ кожнымъ покровомъ лица. При этомъ неминуемо должно бы было получиться опаленіе волосъ и татуировка кожи пороховымъ нагаромъ, чего вовсе не наблюдается. Постороннее лицо могло легко причинить такое раненіе человѣку, находящемуся въ лежачемъ положеніи съ головой, отклоненной на лѣво, т.е . въ томъ положеніи, въ которомъ найденъ былъ князь. Слизистая оболочка желудка розово-краснаго цвѣта, пропитана кровью и сильно набухла. Такое же набуханіе отчасти наблюдается въ пищеводѣ. Венозная кровь схожа съ артеріальной. Эти признаки въ связи съ характернымъ запахомъ служатъ указаніемъ на то, что смерть послѣдовала отъ введенія въ желудочно-кишечный трактъ ціанистаго кали. Смерть послѣдовала немедленно. Состояніе пищевыхъ массъ, находящихся въ желудкѣ, указываетъ на то, что покойный умеръ сейчасъ же, послѣ того какъ скушалъ виноградъ, конфеты и незначительное количество яичнаго желтка. Окончательное заключеніе дамъ впослѣдствіи послѣ совѣщанія съ господиномъ экспертомъ по огнестрѣльному оружію и послѣ лабораторныхъ изслѣдованій, пока же картина происшедшаго мнѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ: покойный князь кушаетъ виноградъ ,конфеты и вино, затѣмъ проглатываетъ ложку или двѣ гоголь-моголя съ примѣсью ціанистаго кали, встаетъ, тотчасъ же замертво падаетъ и черезъ нѣсколько минутъ умираетъ. Тогда стороннее лицо стрѣляетъ въ високъ князя, лежащаго на полу, уже въ мертваго. Евлампій Петровичъ, уступаю вамъ поле дѣйствій, — закончилъ профессоръ, обращаясь къ ветеринарному врачу.

После уноса тѣла князя на омытый столъ былъ положенъ трупъ собаки. Очень скоро было установлено, что она убита двумя выстрѣлами, призведенными въ ея пасть. Одно раненіе было сквозное, другая пуля была извлечена изъ трупа.

— Прошу вниманія, — сказалъ полковникъ Лѣтняковъ, — хотя на револьверѣ выгравированы инициалы князя, хотя калибръ пуль, извлеченныхъ при вскрытіяхъ, подходитъ къ калибру револьвера, но не онъ былъ орудіемъ преступленія. Выстрѣловъ было произведено три: однимъ убитъ князь и двумя его собака. Въ револьверѣ же израсходовано лишь два патрона, въ остальныхъ же пули на лицо. Осѣвшій на стѣнкахъ ствола нагаръ подлежитъ изслѣдованію, но уже теперь можно видѣть, что оба выстрѣла изъ этого револьвера были произведены не день не два тому назадъ, а гораздо ранѣе.

— Очевидно, преступникъ стрѣлялъ въ князя изъ своего оружія, которое унесъ съ собой, вложивъ въ руку мертваго револьверъ, найденный имъ на мѣстѣ убійства. У дверей на него бросилась собака. Защищаясь, убійца выпустилъ въ нее двѣ пули, упустивъ въ волненіи изъ вида несоотвѣтствіе числа выстрѣловъ съ количествомъ использованныхъ патроновъ въ револьверѣ князя, — резюмировалъ слѣдователь.

На улицахъ уже горѣли фонари, когда прокуроръ, слѣдователь и Мурзаевъ вышли изъ анатомическаго театра.

— Господа, не пообѣдать ли намъ въ Европейской, — предложилъ прокуроръ — за ѣдой потолковали бы о дѣлѣ и намѣтили бы дальнѣйшій планъ дѣйствій.

За однимъ изъ столовъ рестораннаго зала, куда они вошли, сидѣла небольшая, но очень шумная компанія. Хотя вечеръ былъ въ самомъ началѣ, всѣ они уже были въ сильно повышенномъ настроеніи. Тонъ задавали братья Ярыгины. За сосѣднимъ съ ними столикомъ сидѣлъ передъ стаканомъ чая господинъ, читавшій газету. Мурзаевъ, показывая глазами на него, шепнулъ прокурору:

— Мой человѣкъ, способный агентъ по кличкѣ «Баринъ».

Увидавъ прокурора съ его спутниками, Игорь Ярыгинъ началъ что то говорить своимъ компаньонамъ, послѣ чего вся компанія съ шумомъ поднялась и вышла изъ зала. «Баринъ» выскользнулъ въ коридоръ вслѣдъ за ними, но вскорѣ вернулся, занявъ свое прежнее мѣсто. Мурзаевъ, переглянувшись съ нимъ, вышелъ въ коридоръ. Встрѣтившись въ уборной, они стали другъ къ другу спинами, какъ будто не имѣя ничего общаго между собой.

— Гдѣ они? — полушопотомъ спросилъ Мурзаевъ.

— Потребовали отдѣльный кабинетъ. Оттуда на улицу не выйдутъ, не проходя черезъ залъ, — доложилъ агентъ.

— О чемъ говорили?

— О разномъ, но разговоръ нѣсколько разъ сбивался на смерть князя. Господинъ Ярыгинъ старшій сказалъ: «пса жалко, а что до князя, то собакѣ собачья смерть». Когда пожаловали вы съ господиномъ прокуроромъ, тотъ же Ярыгинъ предложилъ уйти изъ зала и прибавилъ: «вонъ наши Лекоки пришли. Не донюхаетесь, миленькіе, чисто сдѣлано».

— Знаете Кэтъ, которую вчера изъ рѣки вытащили?

— Какъ не знать. По первому разряду дама ходила. Для богатыхъ.

— Ее поминали?

— Поминали. Кто то предложилъ къ ней ѣхать, а Ярыгинъ отсовѣтовалъ, сказавъ: «не стоитъ, пріѣлась, что нибудь новенькое разыщемъ, посвѣжѣе».

— Еще интереснаго ничего не было?

— Ничего, развѣ только, что Ярыгинъ своей стрѣльбой хвасталъ, такъ это у него любимый разговоръ, когда выпьетъ.

— Что же теперь будете дѣлать? Вѣдь они въ отдѣльномъ кабинетѣ всю ночь могутъ прокантовать.

— Сосѣдній съ ними кабинетъ свободенъ, прикажите подъ меня отпустить. Черезъ дверь многое будетъ слышно.

— Ладно, скажу. Не выпускайте Ярыгина изъ виду.

Переговоривъ съ управляющимъ рестораномъ, Мурзаевъ присоединился къ своей компаніи.

— Что же, господа, дѣлать будемъ? — сказалъ прокуроръ, заказавъ обѣдъ. — Версія самоубійства отпала, надо искать убійцу.

— Жизнь князя здѣсь у всѣхъ какъ на ладони, — отвѣтилъ слѣдователь, — Надо обслѣдовать его знакомства и связи въ прошломъ, которыя могли бы создать ему враговъ.

— Въ этомъ поможетъ намъ его братъ, пріѣздъ котораго можно ожидать завтра, — замѣтилъ прокуроръ.

— Отъ него же ожидаю разъясненія о бракѣ князя, съ какой то Татой, его шантажировавшей, — отвѣтилъ слѣдователь. — Въ настоящій же моментъ мы имѣемъ два объекта наблюденія и обслѣдованія: Берлогина и Ярыгина.

— Особенно подозрителенъ послѣдній, — замѣтилъ прокуроръ.

— Для Ярыгина пока хватитъ приставленнаго къ нему моего агента, — заявилъ Мурзаевъ. — Этотъ агентъ умѣетъ держать себя въ хорошемъ обществѣ, а при случаѣ даже вотрется въ ихъ компанію. Берлогина я беру на себя. Я уже разослалъ телеграммы въ нѣсколько городовъ, — не тамъ ли онъ. Онъ отыщется, такъ какъ въ Москвѣ и по Поволжью онъ знаемый человѣкъ въ промышленныхъ и торговыхъ кругахъ.

— Другихъ линій изслѣдованія, кажется, пока не предвидится? — спросилъ прокуроръ.

— Есть, — возразилъ Мурзаевъ. — Нужно порыться въ томъ городѣ, гдѣ ранѣе жили Махарадзе. Мотивомъ преступленія можетъ быть ревность, а тамъ живетъ человѣкъ, влюбленный въ Аріадну Георгіевну, какъ мартовскій котъ, и при томъ пользовавшійся взаимной симпатіей до появленія на сцену покойнаго князя. Я этого человѣка хорошо знаю. По своему характеру онъ могъ посягнуть на такое дѣло.

— Съ бумажной перепиской въ такомъ вопросѣ мало толку выйдетъ, — сказалъ слѣдователь. — Вотъ вамъ самому бы и поѣхать туда, благо что вы городъ знаете.

— Поэтому то мнѣ туда ѣхать неудобно, — не согласился Мурзаевъ, — привлеку на себя вниманіе, и всѣмъ

будетъ ясно, почему я пріѣхалъ. Вѣдь о смерти князя сегодня или завтра изъ газетъ будетъ знать вся Россія. Думаю туда направить своего помощника Рыбакова. Онъ прекрасный сыщикъ съ актерскимъ дарованіемъ. Въ Петербургѣ рядъ сенсаціонныхъ преступленій открылъ.

— Госпожа Махарадзе такой исключительной красоты, что можетъ быть еще кто нибудь былъ въ нее влюбленъ, — замѣтилъ прокуроръ.

— Былъ и еще такой, — подтвердилъ Мурзаевъ, — да къ тому же противъ него имѣются вѣскія улики.

— Кто же онъ? — въ одинъ голосъ спросили оба собесѣдника.

— Я самъ, — отвѣтилъ Мурзаевъ, наблюдая съ улыбкой удивленныя лица обоихъ. — Какъ гимназистъ былъ влюбленъ. Ея карточки къ образамъ ставилъ. Иниціалы ея повсюду писалъ. Было это, когда я свѣжеиспеченнымъ слѣдователемъ былъ, а она гимназію кончала. Не повезло мнѣ — дорогу мнѣ перешли. Только не князь, а тотъ самый Отело, котораго я теперь въ подозрѣніи держу.

— Улики то какія противъ васъ имѣются?

— Улики такія, что не отшибешь. Развѣ не улика, что человѣкъ среди ночи, чуть не въ самый часъ убійства безъ видимыхъ разумныхъ причинъ толчется около забора дачнаго домика, да еще и вещественное доказательство противъ себя на мѣстѣ оставляетъ.

— Что же за вещественныя доказательства?

— Спросите Рыбакова. Онъ тамъ на лугу, примыкающемъ къ забору, нашелъ запасную батарейку отъ моего карманнаго фонаря.

— Этого подозрѣваемаго мы отдаемъ подъ ваше наблюденіе, — засмѣялся прокуроръ, — вамъ легче всего вызнать не только всѣ его дѣйствія, но даже помыслы вплоть до самыхъ сокровенныхъ.

Пообѣдавъ они разстались. Мурзаевъ направился къ Махарадзе. Разсчитывавя застать Аріадну Георгіевну совершенно разбитой тревогами пережитаго дня, онъ былъ обрадованъ, увидавъ ее сравнительно бодрой. Дѣйствительно лицо ея окаменѣло, глаза горѣли темнымъ

свѣтомъ, голосъ былъ рѣзокъ, своимъ взоромъ она пронизывала собесѣдника. Только не совсѣмъ ровная походка выдавала ея слабость.

— Надѣюсь, Иванъ Григорьевичъ, что вы, учитывая условія момента, простите мнѣ рѣзкость, проявленную мною вчера въ отношеніи къ вамъ, — были первыя ея слова, обращенныя къ Мурзаеву.

— Что вы? что вы? Аріадна Георгіевна, стоитъ ли это вспоминать.

— Сегодня подъ видомъ visites de condoleance заѣзжалъ къ намъ рядъ лицъ, любопытствующихъ взглянуть на «княгиню безъ пяти минутъ», — сказала Аріадна Георгіевна. — Это крылатое слово Раковскаго уже успѣли намъ донести. Принимала ихъ моя мать, я не вышла. Одни сообщали, что князь покончилъ самоубійствомъ, и что здѣсь замѣшана какая то женщина, другіе завѣряли, что онъ убитъ. Думаю, что сегодня вы можете мнѣ сообщить истинную причину смерти князя?

— Князь убитъ.

— Такъ ли? не ошиблись ли вы? Кому могла помѣшать жизнь князя? Онъ былъ окруженъ общей любовью. Положительно, вы впали въ ошибку. Я склонна къ убѣжденію, что здѣсь имѣло мѣсто самоубійство. Князь, казавшійся на людяхъ такимъ жизнерадостнымъ, часто впадалъ въ мрачное настроеніе. Стараясь его не показать, онъ удалялся на время этихъ припадковъ ипохондріи въ свой дачный домъ. Въ интимныхъ бесѣдахъ со мной онъ упоминалъ о предчувствіи своей скорой смерти. Къ тому же съ нимъ былъ его догъ Рабо. Это чудовище способно перегрызть горло всякому, кто попытался бы напасть на князя.

— Собака тоже убита двумя выстрѣлами въ пасть.

— Двумя? какъ это странно, — съ удивленіемъ спросила Аріадна Георгіевна.

— Что же тутъ страннаго? Очевидно первымъ выстрѣломъ догъ былъ только подраненъ, пришлось покончить его вторымъ. Такимъ образомъ потребовалось три пули, а въ найденномъ револьверѣ использованныхъ патроновъ оказалось два.

— Я всетаки не понимаю, какъ это могло произойти, для меня не ясна картина, — продолжала недоумѣвать Аріадна Георгіевна. — Входныя двери были отперты, когда вы туда пришли?

— Нѣтъ заперты, и ключи отъ нихъ оказались внутри дома.

— Я же говорю, что было самоубійство, — настаивала она.

— Убійца забросилъ ключъ черезъ окно въ комнату.

— Вы и это сумѣли высмотрѣть, удивительная зоркость.

— По всякому дѣлу намъ приходится выяснять путь преступника на мѣсто преступленія и обратно.

— Какія же еще данныя, говорящія за убійство?

Мурзаевъ сообщилъ результаты вскрытія и заключеніе профессора Колосовскаго. Послѣ долгаго размышленія Аріадна Георгіевна сказала:

— Да, несчастный князь убитъ. Есть на кого нибудь подозрѣніе?

— Пока ни на кого. Есть предположенія относительно двухъ лицъ, но пока безъ какихъ либо реальныхъ данныхъ.

— Кто такіе?

— Объ этомъ было бы рано говорить.

— Мнѣ то? Вѣдь ближе меня у покойнаго не было человѣка. Я, быть можетъ, могла бы сообщить свѣдѣнія изъ жизни князя, зная ее съ его собственныхъ словъ.

— Да, пожалуй, вы правы, — подумавъ сказалъ Мурзаевъ. — Это — Берлогинъ и Ярыгинъ.

Долгое время Аріадна Георвіевна молчала.

— Это — Берлогинъ, — сказала она тономъ полнаго убѣжденія.

— Почему вы столь категорически это утверждаете?

— По очень вѣскимъ причинамъ.

— Ради Бога, скажите, что вы знаете?

— Утромъ въ день смерти князя я къ нему заѣзжала. Подойдя къ дверямъ кабинета, я услыхала голоса, почему не желая мѣшать, прошла въ библіотеку, что рядомъ съ кабинетомъ. До меня ясно долетали голоса раз-

говаривающихъ. Это были голоса князя и Берлогина. Разговоръ шелъ о разбивкѣ на участки лѣса, окружающаго дачный домикъ, кажется, ради правильнаго лѣсного хозяйства. Князь сказалъ: «планы имѣнія и лѣса въ дачномъ домѣ. Заѣзжайте туда часамъ къ семи, не позднѣе, такъ какъ вечеромъ я долженъ быть у Цѣлинскихъ. Кстати заготовьте расписку въ полученіи денегъ». — Сумму я не разслышала — либо семьдесятъ, либо восемьдесятъ тысячъ. При князѣ найдена расписка или крупная сумма денегъ?

— Расписки не найдено, а денегъ при немъ оказалось не болѣе 500 рублей. Денежный шкапъ и другія запертыя помѣщенія мы будемъ осматривать въ присутствіи брата покойнаго, котораго ждемъ завтра. Что же дальше?

— Я услыхала звукъ двигающихся стульевъ. Берлогинъ прощался. Послѣднія слова князя были: «о лѣсныхъ сплавахъ и о прочихъ дѣлахъ подробнѣе поговоримъ завтра. Сегодня вечеромъ я назначу часъ».

— Вы Берлогина раньше знали, что могли узнать его голосъ?

— Я съ нимъ встрѣчалась еще тогда, когда не имѣла никакого представленія о существованіи князей Костровыхъ. Тутъ тоже есть нѣчто не безъинтересное для васъ. Послѣ ухода Берлогина мы съ княземъ побесѣдовали съ полчаса. Онъ мнѣ предложилъ подвезти меня на своей машинѣ до магазина Бурмистрова, гдѣ мнѣ нужно было кое что прикупить ради вечера у Цѣлинскихъ. Какъ знаете Бурмистровъ напротивъ банка. Тамъ мы простились, причемъ я ему обѣщала третью кадриль. Я прошла въ магазинъ, а онъ въ банкъ. Это было въ послѣдній разъ, что я видѣла князя живымъ, — закончила Аріадна Георгіевна, утирая слезы.

— Что же было интереснаго въ вашихъ встрѣчахъ съ Берлогинымъ, и когда онѣ были? — спросилъ Мурзаевъ.

— Собственно говоря, было только двѣ встрѣчи, но обѣ знаменательныя. Первая была случайная въ то время, когда я увлекалась Рожновымъ. Вскорѣ послѣ окончанія гимназіи я вздумала проѣхаться по Волгѣ

отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани и обратно. Внизъ ѣхала на самолетскомъ пароходѣ «Пушкинъ». Въ салонѣ перваго класса разговорилась съ пассажиромъ, обратившимъ на себя мое вниманіе своимъ видомъ русскаго былиннаго богатыря. Это былъ Берлогинъ. Онъ оказался интереснымъ собесѣдникомъ. Онъ вѣдь образованъ, только въ своихъ лѣсахъ и на Уралѣ мохомъ обросъ. За четверо сутокъ пути до Астрахани мы съ нимъ близко познакомились. Пароходъ приходитъ въ Астрахань около 10 часовъ утра. Осмотрѣвъ городъ, я въ тотъ же день поплыла обратно на пароходѣ «Гоголь». Смотрю и Берлогинъ тутъ. Такимъ образомъ еще шесть сутокъ совмѣстнаго путешествія. Въ концѣ пути, только что пароходъ отвалилъ отъ Работокъ — послѣдняя пристань передъ Нижнимъ-Новгородомъ — слышу стукъ въ дверь моей каюты, гдѣ я приводила въ порядокъ свой багажъ. Входитъ Берлогинъ и говоритъ: «зашелъ проститься, и просьбу до васъ имѣю». — «Какую?» — спрашиваю. — «Быть моей женой». Такъ и отрѣзалъ, а самъ голову покорно повѣсилъ точно ягненокъ подъ ножомъ. Я опѣшила, раскрыла на него глаза, и сразу ничего не нашлась отвѣтить. Придя въ себя, я, понятно, ему отказала и дала понять, что мѣсто въ моемъ сердцѣ уже занято. Онъ еще ниже голову опустилъ. «Ну что же, говоритъ, не моя доля. Не судилъ Господь. Не судьба. Прощенья просимъ за безпокойство». Потомъ встряхнулъ волосами, выпрямился, превратившись вновь изъ покорной овечки въ лѣсного медвѣдя, и, не то шутя не то серьезно, добавилъ: — «счастливъ Богъ этого вашего молодца, что мы съ нимъ на разныхъ концахъ матушки Россіи живемъ, едвали когда встрѣтимся. Меня не даромъ Берлогинымъ кличутъ. Медвѣдь претъ по лѣсу черезъ чащу на прямикъ, такъ и я устраняю все, что мнѣ поперекъ дороги ляжетъ». Поцѣловалъ у меня руку и вышелъ, а у самаго по щекамъ слезы катятся. Когда я сходила съ парохода, вижу, сидитъ на палубѣ и стаканъ за стаканомъ залпомъ шампанское глотаетъ. Увидя меня, всталъ, снялъ шляпу и поясной поклонъ отвѣсилъ, прикоснувшись рукой до земли.

— А вторая встрѣча гдѣ была? — спросилъ Мурзаевъ.

— Уже здѣсь, мѣсяца полтора тому назадъ, когда онъ къ князю по дѣламъ пріѣзжалъ. Я только тогда узнала, что онъ состоитъ управляющимъ у князя. Послѣ волжской встрѣчи нѣсколько писемъ получила, полныхъ мольбы. Потомъ замолкъ. Я уже почти забыла всю эту исторію, какъ вдругъ онъ заявляется къ намъ. Только что мы остались съ нимъ вдвоемъ, какъ онъ опять за старое. А я къ этому времени уже невѣстой князя была, хотя объ этомъ кромѣ насъ двоихъ никто еще не зналъ. Берлогинv первому я это открыла, чтобы сразу пресѣчь его домогательства. Выслушавъ меня, онъ какъ то сразу осунулся, сумрачнымъ сталъ, и опять, не то шутя не то всерьезъ, съ красивой усмѣшкой говоритъ: «вотъ какъ, мѣтите княгиней стать, моей хозяйкой? Что же, пусть будетъ, что будетъ. Наше дѣло тутъ маленькое, намъ съ князьями не тягаться. Одно скажу, что когда медвѣдь по лѣсу идетъ, то не только кусты да подлѣсокъ ломаетъ, а иной разъ и большое дерево со своего пути свернетъ, да такъ, что щепы полетятъ. А вамъ, барышня, мой сказъ будетъ—не по себѣ дерево клоните, глядючи на князя». Говорить то сталъ какъ то вовсе по мужицки. Я разсердилась и ему въ отвѣтъ: «а я вамъ пришлась-ли бы по плечамъ, хотя у васъ въ нихъ и косая сажень». А онъ мнѣ: «обо мнѣ больше разговора нѣтъ. Больше я ни князю, ни вамъ не слуга. Вамъ же, князева невѣстушка, какъ бы раньше свадьбы горя не черпнуть, да слезами не изойти». Повернулся и, не простившись, ушелъ. Больше я его не видала.

— Цѣнный матеріалъ вы мнѣ дали,—сказалъ Мурзаевъ.

— Я къ вамъ съ просьбой, Иванъ Григорьевичъ, — обратилась къ нему Аріадна Георгіевна.

— Весь въ вашемъ распоряженіи.

— Возьмите меня въ сотрудницы по этому дѣлу.

— Что вы? что вы? оставьте эту мысль. Сыскное дѣло требуетъ большого опыта и не безопасно.

— Послѣ смерти князя мнѣ опасаться нечего. Большей потери для меня не можетъ быть. Онъ мнѣ былъ дороже жизни. Опыта у меня, понятно, нѣтъ, но за то я обладаю такими средствами, какихъ ни у кого другого нѣтъ.

— Какими?

— Моя внѣшность и неостывшая ко мнѣ любовь Берлогина. Разыгравъ трагикомедію, смогу многое отъ него вышытать.

— Гдѣ же вы съ нимъ встрѣтитесь и подъ какимъ предлогомъ отсюда уѣдете?

— Предлогъ готовъ. Скажу, что на богомолье въ монастырь уѣзжаю за упокой души жениха молиться. Гдѣ съ нимъ встрѣчусь, это вы мнѣ скажете, когда его разыщите.

— Нужно подумать, — въ нерѣшительности отвѣтилъ Мурзаевъ, — въ берлогу къ медвѣдю лѣзть намѣреваетесь, какъ бы чего нибудь не случилось. Какъ ваша матушка поживаетъ?

— Лежитъ съ компрессами на головѣ. Мигрень. Разстроилась изъ за пустяковъ.

— Изъ за чего же?

— Горничная себя странно повела. Рѣзко отвѣчаетъ, дверями хлопаетъ.

— Утромъ ваша матушка на это жаловалась. Да прогоните вы ее.

— Я такъ и сдѣлала. Она мнѣ что то грубо отвѣтила, а я ей сразу: «чтобъ черезъ полчаса васъ въ нашемъ домѣ не было. Получайте паспортъ и разсчетъ и вонъ». Теперь мама сокрушается, какъ мы съ одной прислугой останемся, да какъ будемъ визитеровъ принимать. Я ей говорю, что мы этимъ посѣтителямъ лишнее удовольствіе доставимъ, когда они увидятъ, какъ мы вмѣсто княжескихъ хоромъ на одну прислугу съѣхали. Удивительно, какъ старые люди иногда способны настоящее горе осложнять тревогами изъ-за мелкихъ домашнихъ дрязгъ.

Мурзаевъ, идя отъ Махарадзе домой, чуть не засыпалъ на ходу и клевалъ носомъ. Вдругъ онъ очнулся, вспомнивъ почему-то запахъ духовъ въ автомобилѣ, брошенномъ на улицѣ.

— Я, кажется, начинаю съ ума сходить,—подумалъ онъ. — Привязался ко мнѣ этотъ запахъ, будто я его сейчасъ слышу. Нелѣпыя мысли въ голову лѣзутъ. Вотъ что значитъ за всю ночь ни на одну минуту глазъ не сомкнуть.

Онъ круто повернулъ назадъ, вспомнивъ, что надо переговорить со своимъ помощникомъ Рыбаковымъ.

— Придется вамъ, Петръ Петровичъ, съѣздить Рожнова обслѣдовать, — сказалъ онъ Рыбакову, объяснивъ, какую роль и почему Рожновъ можетъ играть въ этомъ дѣлѣ, — Берлогина я на себя взялъ, къ Ярыгину приставилъ агента «Барина».

— Съѣздимъ, — согласился Рыбаковъ, — къ вашему Рожнову подходы найдемъ. Вотъ отъ оффиціальныхъ лицъ встрѣчу ли надлежащее содѣйствіе. Дѣло тонкое, Надо знать съ кѣмъ, какъ и о чемъ говорить а съ кѣмъ и языкъ прикусить. Болтуны то въ родѣ нашего Раковскаго вездѣ найдутся. А я тамъ человѣкъ чужой, какъ въ лѣсу буду.

— Пожалуй, что и такъ, — сказалъ Мурзаевъ. — Вотъ что. Поѣдемъ вмѣстѣ, только понятно въ разныхъ вагонахъ. Я тамъ многія связи сохранилъ. Съ оффиціальными лицами въ одинъ день переговорю, васъ рекомендую и въ тотъ же день назадъ, оставивъ тамъ васъ одного.

— А съ Берлогинымъ какъ будетъ?

— Къ нему я на первыхъ порахъ агента подошлю.

— Кого?

— Ну, батенька мой, агентъ совершенно особенный, при томъ такой секретный, что даже вамъ его назвать не могу.

— Когда же ѣдемъ?

— Сейчасъ же послѣ похоронъ князя, переговоривъ съ его братомъ.

Въ передней Мурзаевъ, прощаясь сказалъ:

— Бѣгу спать, а то такъ голова болитъ, что несуразныя мысли приходятъ. Одинъ и тотъ же запахъ повсюду слышу. И только потому, что подобные духи употребляетъ одинъ знакомый человѣкъ, вдругъ его имя въ голову вскочило.

— Всякое можетъ быть, — отвѣтилъ Рыбаковъ, услыхавъ имя, его самого до крайности удивившее. — По дѣлу объ убійствѣ доктора Горянскаго еще большая нелѣпость правдой оказалась.*).

*) „Убійство врача Горянскаго" повѣсть того же автора.

— Вѣрно, что всякое бываетъ, — согласился Мурзаевъ, — но того, что у меня въ головѣ мелькнуло, никоимъ образомъ случиться не могло. Я скорѣе повѣрю, что я самъ князя прикончилъ, чѣмъ этотъ человѣкъ

8

Братья Костровы были погодки, почему съ ранняго дѣтства ихъ связывала тѣснѣйшая дружба. Этому не мѣшало то, что они были люди совершенно разныхъ типовъ и различныхъ интересовъ. Убитый Всеволодъ былъ человѣкъ практическаго дѣла, что его выдвинуло, особенно при его богатствѣ, въ ряды видныхъ общественныхъ дѣятелей. Иные интересы влекли къ себѣ его младшаго брата Олега. Его сферой было искусство, и онъ самъ былъ не безъизвѣстный художникъ портретистъ. Если старшій, отнюдь не будучи скупъ, зналъ цѣну денегъ, то младшій былъ въ полной мѣрѣ безсеребренникъ. Общественное положеніе заставляло Всеволода вести широкій образъ жизни, тогда какъ Олегъ при его средствахъ былъ крайне скроменъ въ своихъ потребностяхъ. Только лишь нѣкоторая доля меценатства и частыя поѣздки въ Италію помогали ему проживать половину того, что онъ получалъ. Между братьями былъ подѣленъ только капиталъ, обширныя же земельныя недвижимости въ трехъ губерніяхъ оставались недѣленными въ общей собственности. Ими управлялъ единолично и безконтрольно старшій, внося въ банки на имя брата причитающуюся на его долю часть доходовъ. Олегъ разъ на всегда просилъ Всеволода не надоѣдать ему со скучными отчетами по управленію имѣніями.

Войдя въ кабинетъ, князь Олегъ Кириловичъ прежде всего открылъ ящикъ письменнаго стола, надѣясь тамъ найти хоть что нибудь, что могло бы раскрыть тайну смерти брата. Въ одномъ изъ ящиковъ онъ нашелъ связку ключей, въ числѣ которыхъ былъ ключъ отъ денежнаго шкапа. Въ шкапу оказалось: около 5000 рублей наличными, немного процентныхъ бумагъ, папки съ документами и хозяйственныя книги. На верхней полкѣ лежалъ футляръ съ жемчужнымъ ожерельемъ.

— Это, навѣрное, свадебный подарокъ невѣстѣ, — подумалъ Олегъ Кириловичъ, — хорошо что я самъ

при выборѣ своего подарка остановился на серьгахъ, а то она оказалась бы при двухъ колье. Несчастная дѣвушка. Какой ударъ потерять любимаго человѣка за нѣсколько недѣль до свадьбы. Нужно объ ней подумать и обезпечить ее. Невѣста князя Кострова должна прожить свою жизнь по княжески. Какъ бы деликатнѣе предложить ей эту помощь. Меня она не знаетъ, а будучи грузинкой, навѣрное, какъ всѣ горцы горда. Но что я буду дѣлать со свалившимся на меня новымъ богатствомъ? Какъ буду управлять имѣніями особенно сѣверными, если для меня всегда были китайской грамотой всякіе сплавы лѣса, выплавка чугуна, выварка соли, съ чѣмъ покойный братъ пытался когда то мнѣ надоѣдать. Нужно все это поручить всецѣло Берлогину, о которомъ Всеволодъ всегда такъ хорошо отзывался. Мнѣ самому онъ очень понравился, когда я его видѣлъ нѣсколько разъ. Хотѣлъ было съ него писать богатыря Добрыню Никитовича, да у него всегда не было времени мнѣ позировать. При его фигурѣ и при его открытомъ лицѣ онъ былъ бы великолѣпенъ въ боевомъ одѣяніи рядомъ съ конемъ — по былинѣ:

Походитъ Добрыня на конюшіи дворъ,
Имаетъ Добрыня добра коня,
Уздаетъ въ уздечку тесмянную,
Сѣдлаетъ въ сѣделышко черкасское,
Въ тороки вяжетъ палицу боевую —
Она вѣсомъ та палица въ девяносто пудъ —
На бедра беретъ саблю острую,
Въ руки беретъ плетъ шелковую, —

задумался Олегъ Кириловичъ надъ давно задуманной картиной, стоя передъ открытымъ денежнымъ шкапомъ.

— Меня бы самого этой плетью, — очнулся онъ, — убитый братъ на столѣ лежитъ, невѣста его горемъ исходитъ, а я картины компоную.

Захлопнувъ дверцу шкапа, онъ вновь сѣлъ за письменный столъ и началъ пересматривать содержимое средняго ящика. Одно письмо за подписью Игоря Ярыгина, безъ числа, его заинтересовало. Ярыгинъ каялся передъ покойнымъ княземъ въ образѣ своей жизни, увѣрялъ, что рѣшилъ остепениться, отдавъ свои силы всецѣло на

пользу общества. Онъ просилъ князя назначить время и мѣсто для личнаго разговора, выражая желаніе, чтобы это свиданіе до поры до времени осталось тайной для постороннихъ. Поэтому онъ предпочелъ бы, встрѣтиться съ княземъ не въ городскомъ его домѣ. Кончалось письмо жалобами на интриги партій въ средѣ земства.

Въ правомъ переднемъ углу ящика подъ другими бумагами нашелся запечатанный конвертъ. Это было письмо Всеволода Кириловича къ брату. Въ немъ покойный въ предчувствіи своей близкой смерти словами горячей любви прощался съ братомъ. Во второй половинѣ письма, на случай, если его предчувствіе сбудется, онъ заклиналъ брата во имя ихъ дружбы и памятью ихъ родителей исполнить его послѣднюю волю относительно его невѣсты Аріадны Георгіевны Махарадзе. Онъ просилъ весь наличный капиталъ, хранящійся на его имя въ банкахъ въ наличныхъ деньгахъ и въ процентныхъ бумагахъ передать ей въ собственность. Онъ объяснялъ, что не составляетъ завѣщаніе, чтобы не давать лишній поводъ къ пересудамъ, если фактъ составленія завѣщанія сдѣлался бы извѣстнымъ при его жизни. Прочитавъ письмо, Олегъ Кириловичъ подумалъ, что никогда ранѣе онъ не предполагалъ у своего дѣлового брата способности къ такому лирическому стилю, какимъ было написано письмо.

— Это письмо уменьшаетъ трудность вопроса, — сказалъ онъ себѣ, — если она не захочетъ принять что либо отъ меня, какъ отъ чужого ей человѣка, то не можетъ не исполнить горячее предсмертное желаніе своего жениха.

Откинувшись на спинку кресла, онъ ушелъ въ воспоминанія дѣтства. Передъ его умственнымъ взоромъ, привыкшимъ творить реальные образы, стоялъ какъ живой, братъ Всеволодъ.

— Ваше сіятельство, господа съѣзжаются на панихиду и духовенство прибыло,, — доложилъ вошедшій старикъ камердинеръ, — его превосходительство господинъ губернаторъ только что изволили пожаловать.

— Ахъ, это ты, Осипъ, — оторвался отъ своихъ думъ князь Олегъ, — тамъ все готово? Спасибо, старина. Вотъ до чего мы дожили.

— Не думано, не гадано, ваше сіятельство. Какъ хоронили вашего батюшку князя Кирила Романовича, думалъ я, что за мной чередь предстать передъ Господомъ, а вонъ зажился до какого горя, что пришлось князиньку Всеволода Кириловича въ послѣдній путь обряжать, — шамкалъ, плача, старикъ.

— Что это съ братомъ сдѣлалось? Не замѣчалъ ли ты въ немъ тоски или печали?

— Какая печаль-тоска? Радостный былъ. Свадьбу играть собирался, только объ этомъ забота была. Вотъ и дожили мы, что вмѣсто вѣнчальнаго за поминальный столъ приходится садиться. Лихіе люди его извели. Такъ и господинъ профессоръ сказалъ, когда вчерась князя рѣзали.

— Кто же противъ брата могъ имѣть такую злобу?

— На всѣхъ не потрафишь. У всякаго вороги найдутся. Грѣшатъ люди на одного барина.

— На кого?

— На господина Ярыгина. Сильно серчалъ онъ на покойнаго князя послѣ выборовъ.

Олегъ Кириловичъ, не входя въ залъ, остановился въ дверяхъ, лишь откинувъ немного портьеру. Залъ былъ полонъ народа. По серединѣ его на высокомъ катафалкѣ лежалъ его братъ. Духовенство было уже въ облаченіи. Дьяконъ раздувалъ кадило. Регентъ перешептывался съ пѣвчими, давая имъ послѣднія указанія. Видимо ожидали только выхода Олега Кириловича, чтобы начинать панихиду. Онъ обвелъ глазами всѣхъ присутствующихъ. Его глазъ художника выдѣлилъ изъ толпы лицо, остановившее его вниманіе своей исключительной красотой.

— Осипъ, — спросилъ онъ старика, стоявшаго сзади него, — кто та дама въ траурѣ, что стоитъ за колоннами справа?

— Барышня Аріадна Георгіевна Махарадзе, невѣста покойнаго барина.

— Ярыгинъ здѣсь?

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, не видать. А вчера вечеромъ еще былъ въ городѣ. Въ Европейской сильно ночью нашумѣли.

— Пора начинать, — сказалъ князь, откидывая портьеру.

Войдя въ залъ, онъ поздоровался со всѣми общимъ поклономъ. Дьяконъ откашлялся и поднялъ было руку съ ораремъ, но пріостановился, видя, что князь идетъ мимо катафалка въ дальній конецъ зала.

— Ваше мѣсто не здѣсь, а впереди всѣхъ, рядомъ со мной, — сказалъ князь, подойдя къ Аріаднѣ Георгіевнѣ и цѣлуя ея руку.

— Прошу, батюшка начинать, — обратился онъ къ священнику, становясь рядомъ съ Аріадной Георгіевной около катафалка.

Въ теченіи всей панихиды онъ слышалъ рыданья своей сосѣдки. Когда запѣли «со святыми упокой», она, ставъ на колѣни, склонила голову до земли и застыла въ такомъ положеніи. Только по движенію плечъ видно было, что она беззвучно, не переставая, рыдаетъ. Лишь при помощи князя она могла подняться съ колѣнь. При звукахъ вѣчной памяти съ ней началась истерика, которую ей удалось сдержать только большимъ усиліемъ воли. Большинство присутствующихъ было тронуто при видѣ такого горя. Даже Раковскій, потерявъ свою обычную смѣшливость, шепнулъ сосѣдкѣ:

— Какъ она его любила! О деньгахъ такъ не плачутъ,

— Ничего — утѣшится. Второй братъ въ запасѣ, — прошипѣла ему въ отвѣтъ баронесса Шлейферъ.

Послѣ окончанія панихиды князь, подавая руку Аріаднѣ Георгіевнѣ, сказалъ:

— Очень прошу васъ удѣлить мнѣ полчаса времени. Я васъ провожу въ кабинетъ и тотчасъ же вернусь туда, какъ только окончится скучный обрядъ выраженія мнѣ соболѣзнованій.

Возвратившись въ кабинетъ, онъ засталъ ее, застывшей въ неподвижной позѣ съ опущенной головой и съ глазами, устремленными въ одну точку.

— Простите меня, дорогая Аріадна Георгіевна, что я не имѣлъ возможности заѣхать къ вамъ до панихиды. Сегодня же я буду счастливъ быть у вашихъ родителей А сейчасъ мнѣ хотѣлось бы поближе познакомиться съ вами и просить васъ исполнить мою просьбу .

— Благодарю васъ князь, за доброту, оказанную мнѣ. Только въ ней я нашла силы пережить эту первую панихиду, — отвѣтила Аріадна Георгіевна, взглянувъ на князя взоромъ благодарной ласки, сквозь которую сквозило глубокое страданіе.

— Горе у насъ съ вами общее. Если не черезъ женитьбу брата, то черезъ это горе мы съ вами породнились. У покойнаго ближе насъ съ вами не было во всемъ мірѣ человѣка. Позвольте мнѣ считать себя вашимъ другомъ и быть для васъ тѣмъ, чему помѣшала эта смерть, т. е. вашимъ братомъ.

— Благодарю. Мнѣ такъ нуженъ человѣкъ способный понять всю глубину моего несчастія, а такимъ человѣкомъ можете быть только вы, — отвѣтила Аріадна Георгіевна, протягивая руку. — Благодарю, мой родной, мой дорогой братъ и другъ. Знакомиться мнѣ съ вами не надо. Я васъ прекрасно знаю со словъ дорогого Всеволода. Онъ такъ много и такъ тепло говорилъ о васъ.

— Какъ и о васъ мнѣ въ своихъ письмахъ, — отвѣтилъ Олегъ Кириловичъ, цѣлуя ея руку. — Итакъ братскій союзъ заключенъ. Теперь могу смѣлѣе приступить къ своей просьбѣ.

— Я готова исполнить все, чтобы вы ни пожелали.

— Простите за маленькую прелюдію. По волѣ рока передъ закономъ и въ глазахъ людей вы не сдѣлались членомъ нашей семьи, но для меня вы — княгиня Кострова, вдова моего брата, моя сестра. Этому новому вашему имени должна соотвѣтствовать обстановка всей вашей жизни. Вы не должны никогда ни въ чемъ нуждаться. Я счелъ бы это за поношеніе всѣмъ моимъ предкамъ, всему роду князей Костровыхъ, послѣдышемъ котораго являюсь я. Прошу васъ принять въ свою собственность капиталы, принадлежащіе брату, находящіеся въ различныхъ банкахъ.

— Этого никогда не будетъ, — тономъ, не допускающимъ возраженій, отвѣтила Аріадна Георгіевна.

— Но почему же?

— Потому что я дорожу вашей дружбой, я не хочу начинать ее съ вашей жертвы, я не хочу, чтобы въ наши отношенія были вмѣшаны какія либо денежные счеты. Мнѣ нужна только ваша дружба, только ваша братская

любовь. Я окончательно упаду духомъ безъ вашего ласкового слова, а звонъ золота его заглушитъ.

— Какія жертвы? какіе счеты?—воскликнулъ князь, — повѣрьте мнѣ, что я рѣшительно ничѣмъ не жертвую. Принявъ эти суммы, вы мнѣ сдѣлаете услугу, а не я вамъ. У меня денегъ всегда было больше чѣмъ у брата, такъ какъ я никогда не умѣлъ прожить все, что получалъ. Мой личный капиталъ наростаетъ съ года на годъ. Я не знаю что дѣлать съ деньгами, особенно теперь, когда я неожиданно становлюсь вдвое богаче. Деньги меня начинаютъ давить. Снимите съ меня хоть часть этой обузы.

— Этого никогда не будетъ, — повторила Аріадна Георгіевна. — Пусть между нами будетъ полная общность душъ, но никакой общности кошелька. Я, какъ обѣщала, буду по сердцу близкимъ вашимъ другомъ, вашей сестрой, но въ вопросѣ матеріальныхъ средствъ вы для меня чужой человѣкъ.

— Тогда я вамъ скажу, что эти деньги не мои, а ваши, — перебилъ ее Олегъ Кириловичъ. — Если онѣ останутся у меня, вы заставите меня считать себя воромъ, обокравшимъ и васъ и брата. Прочтите это письмо, — передалъ онъ предсмертное письмо брата Всеволода, и пройдя къ денежному шкапу, началъ въ немъ рыться.

— Что же теперь вы мнѣ скажете? — спросилъ онъ, когда она окончила чтеніе. — Исполните ли вы послѣднюю волю своего жениха?

— Этого никогда не будетъ, — съ той же настойчивостью въ третій разъ сказала Аріадна Георгіевна.

— Да почему же? Боже мой, почему же? — хватаясь за голову, въ волненіи воскликнулъ Олегъ Кириловичъ. — Къ тому же это вѣдь только малая доля того богатства, обладателемъ котораго я теперь оказываюсь. Я наскоро подсчиталъ по книгамъ. Это составитъ . . . .

— Мнѣ это не интересно знать, — прервала его Аріадна Георгіевна, — такъ какъ этими деньгами я никогда владѣть не буду.

— Нѣтъ, вы будете ихъ собственницей, а потому дослушайте меня. Это составитъ что то около восьмисотъ тысячъ, можетъ быть не много болѣе, во всякомъ случаѣ меньше милліона. Вы обязаны ихъ принять, вы не пос-

мѣете не исполнить первую въ жизни просьбу вашего друга, т. е. мою, и послѣднее желаніе любившаго васъ человѣка — моего брата.

— Мое рѣшеніе, Олегъ Кириловичъ, неизмѣнно. Я любила вашего брата, а не его титулъ, а тѣмъ болѣе не его деньги ,которыя до нѣкоторой степени даже отравляли, затуманивали полноту моего счастья. Я не хочу, чтобы кто либо, хотя самый послѣдній изъ послѣднихъ человѣкъ, посмѣлъ бы заподозрить корыстный мотивъ въ любви моей къ вашему брату и въ дружбѣ къ вамъ. Оставимъ этотъ разговоръ, я устала . . . .

— Хорошо, пока оставимъ, но я надѣюсь въ будущемъ васъ переубѣдить.

— Напрасная надежда.

Когда она уходила, Олегъ Кириловичъ ей сказалъ:

— Если въ первой просьбѣ я потерпѣлъ фіаско, то не откажите мнѣ въ исполненіи второй.

— Я теперь даже боюсь давать обѣщаніе, не узнавъ ранѣе, въ чемъ заключается просьба.

— На этотъ разъ въ моемъ лицѣ проситъ художникъ. Я буду принужденъ задержаться здѣсь на долгое время, пока не разберусь въ дѣлахъ брата, тѣмъ болѣе что я въ нихъ совершенно неграмотный человѣкъ. Пока я буду здѣсь жить, мнѣ хотѣлось бы написать вашъ портретъ. Разговоры въ теченіи сеансовъ помогутъ намъ ближе узнать другъ друга, и тѣмъ закрѣпятъ нашу дружбу.

— На это я согласна. Не потому что моя внѣшность будетъ увѣковѣчена вашимъ талантомъ, а потому, что часы вашей работы надъ моимъ портретомъ дѣйствительно насъ сблизятъ. Но только не сейчасъ, а немного спустя, такъ какъ вечеромъ въ день похоронъ я уѣду на нѣсколько дней.

— Куда?

— Я дала обѣтъ проѣхать въ дальній монастырь помолиться за моего жениха, надѣясь вмѣстѣ съ тѣмъ въ молитвахъ найти успокоеніе моихъ страданій.

Проходя черезъ гостинную, они увидали сидящаго тамъ человѣка, ожидавшаго окончаніе ихъ разговора.

— Иванъ Григорьевичъ, здравствуйте, дорогой, — привѣтливо поздоровалась съ Мурзаевымъ Аріадна Георгіевна. — Вы, князь, не знакомы? Это старинный другъ нашей семьи еще со временъ моихъ ученическихъ лѣтъ. Единственный во всемъ городѣ намъ близкій человѣкъ.

— Весьма радъ съ вами познакомиться, — сказалъ князь, пожимая руку Мурзаева, — а если вы старый пріятель Аріадны Георгіевны, то надѣюсь васъ завербовать въ союзники для преодолѣнія ея упорства въ вопросѣ, который она разрѣшаетъ въ отношеніи себя неблагоразумно, а въ отношеніи меня жестоко. Я сейчасъ къ вашимъ услугамъ, только провожу Аріадну Георгіевну.

— Я восхищенъ, я преклоняюсь ницъ передъ величіемъ этой женщины, — говорилъ Олегъ Кириловичъ, возвратившись къ Мурзаеву. — Такимъ людямъ надо ставить алтари. Братъ сумѣлъ выбрать себѣ жену. Внѣшность — античной статуи и душа античной римлянки. Попробуйте въ нашъ вѣкъ во всемъ мірѣ найти другого человѣка, который бы отбросилъ въ сторону милліонъ, какъ ненужную ветошь.

— Какой милліонъ?

— Это какъ разъ то, по поводу чего я нуждаюсь въ вашемъ союзничествѣ. Помогите мнѣ убѣдить ее быть благоразумной. Прочтите это послѣднее письмо брата ко мнѣ, найденное здѣсь въ столѣ.

— И что же? — спросилъ Мурзаевъ, прочитавъ.

— Категорически отказывается.

— Дѣйствительно она человѣкъ не отъ міра сего. Какой то ангелъ во плоти, — согласился Мурзаевъ. — Едва ли мое слово будетъ сильнѣе вашего, а особенно словъ вашего брата, но попытаемся сдѣлать возможное. Кстати, не передадите ли вы мнѣ на нѣсколько дней это письмо, а также возможно большее количество рукописей съ несомнѣннымъ почеркомъ вашего брата.

— Это зачѣмъ же?

— Предсмертная краткая записка покойнаго князя внушаетъ сомнѣнія въ своей подлинности. Для экспертизы нужны образцы почерка вашего брата. Чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Это же письмо въ качествѣ образца осо-

бенно важно. Настроеніе человѣка во время писанія вліяетъ на его почеркъ. Если предсмертная записка писана вашимъ братомъ, то онъ ее писалъ въ томъ же настроеніи, что и это письмо.

— Что могло вызвать сомнѣніе относительно записки?

— При химической экспертизѣ штрихи текста подъ вліяніемъ хлористаго цинка исчезали, а чернила кляксъ отъ брошеннаго на записку пера краснѣли. Наоборотъ, при воздѣйствіи сѣрно-кислаго натрія первые дѣлались темнокрасными, а вторыя пріобрѣтали темносиній цвѣтъ. Это доказываетъ, что текстъ писанъ чернилами, въ составъ которыхъ входило желѣзо, а кляксы отъ чернилъ съ сѣрно-кислой мѣдью. Во всѣхъ чернильницахъ какъ въ дачномъ домикѣ, такъ и въ этомъ домѣ, гдѣ мы сейчасъ съ вами сидимъ, чернила съ мѣдью. Отсюда выводъ: Записка писана ни въ дачномъ домѣ, ни въ городскомъ. Перо же брошено на нее только лишь для инсценировки самоубійства.

— Вы повидимому убѣждены, что братъ погибъ отъ посторонней руки?

— Безъ малѣйшихъ колебаній, какъ и всѣ участвующіе въ разслѣдованіи дѣла. Это вполнѣ точно установлено.

— Кто же могъ быть убійцемъ?

— Пока неизвѣстно, хотя весь мой агентскій составъ поставленъ на ноги. Нѣкоторое подозрѣніе падаетъ на Ярыгина.

— Это, кажется, дворянинъ нашей губерніи?

— Да, но своимъ поведеніемъ не дѣлающій большой чести своему дворянству.

— Въ связи съ этимъ подозрѣніемъ могу передать вамъ нѣкоторый матеріалъ, — сказалъ князь, передавая Мурзаеву письмо Ярыгина.

— Да, это кое что значитъ, не въ дачномъ-ли домикѣ вашъ братъ назначилъ Ярыгину встрѣчу по его просьбѣ — отвѣтилъ Мурзаевъ, прочитавъ письмо. — Кромѣ того я лично, по правдѣ сказать пока безъ достаточныхъ основаній, имѣю подозрѣніе еще на одного человѣка, живущаго далеко отсюда.

— На кого?

— На нѣкоего Рожнова.

— Какъ? — заинтересовался князь. — Кто онъ?

— Небольшой человѣкъ. Учитель рисованія въ томъ городѣ, гдѣ жили раньше Махарадзе. Подрабатываетъ какъ граверъ.

— Его зовутъ Варламъ? — оживленно, спросилъ Олегъ Кириловичъ.

— Да, Варламъ Никифоровичъ. Вы его знаете?

— Это мой товарищъ по Академіи Художествъ. Оба мы не оправдали надеждъ, на насъ возлагавшихся. Онъ изъ-за бѣдноты, а я изъ-за богатства. Ему пришлось итти въ учителя рисованія, что губитъ даръ художника. Неблагопріятно для развитія художественнаго дара и то, когда человѣкъ купается въ золотѣ, какъ я. Но почему вы вспомнили о немъ въ связи со смертью брата?

Мурзаевъ разсказалъ исторію первой дѣвической любви Аріадны Георгіевны.

— Подозрѣвать его въ убійствѣ основаній мало, — согласился князь, — хотя съ его характеристикой, сдѣланной вами, я согласенъ. Онъ былъ большой шармеръ, способный обворожить кого угодно, однако только лишь пока его хорошо не узнаешь. Товарищи по Академіи его не любили. Онъ былъ человѣкъ, какъ человѣкъ, пока все шло такъ, какъ ему хотѣлось, но чуть что было не по немъ. такъ сразу выявлялась его злобная натура.

— Я хотѣлъ бы спросить васъ объ одной тайнѣ въ жизни вашего брата, — сказалъ Муразевъ.

— О тайнѣ? Кажется, ничего таинственнаго въ его жизни не случалось.

— О первой его женитьбѣ?

— Что за вздоръ! О какой женитьбѣ? Онъ же былъ холостой.

— Вотъ письмо, найденное въ скомканномъ видѣ въ той комнатѣ, гдѣ умеръ вашъ братъ. Содержаніе его таково, что могло бы побудить къ самоубійству.

— Грязнѣйшій вымыселъ . . . гнусная интрига . . . шантажъ и при томъ плохо выдуманный . . . . ,— восклицалъ князь, читая письмо. — Ничего подобнаго въ жизни брата не было и быть не могло. Я бы зналъ, такъ какъ между нами тайнъ не было. Наконецъ, я могу указать двухъ трехъ товарищей брата въ его молодые годы,

жившихъ съ нимъ общей жизнью день въ день, часъ въ часъ. Такое нелѣпое письмо никоимъ образомъ не могло послужить поводомъ къ самоубійству.

— Потому то какъ краткая записка, такъ и это письмо возбудили недовѣріе, — сказалъ Мурзаевъ. — Очевидно, оба документа сфабрикованы ради той же инсценировки самоубійства. Вы видите пятна на письмѣ? Это результатъ экспертизы. Мой пріятель, экспертъ по документальной экспертизѣ, просидѣлъ весь вечеръ и всю ночь надъ матеріаломъ, доставленнымъ ему слѣдователемъ и мною. Письмо написано чернилами того же состава, что и предсмертная записка князя.

— Меня удивляетъ то, что составитель письма кое что зналъ изъ жизни брата, хотя былъ плохо освѣдомленъ, — замѣтилъ Олегъ Кириловичъ. — Изъ письма брата ко мнѣ видно, что на него находили періоды меланхоліи, когда онъ думалъ о смерти. Это было, повидимому, извѣстно и составителю письма. Но это не такъ важно. Допустимо случайное совпаденіе выдумки убійцы съ психической особенностью брата. Загадочно то, что авторъ письма называетъ себя уменьшительнымъ именемъ «Тата». Женщина съ такимъ именемъ существовала и даже играла нѣкоторую роль въ жизни брата, какъ и въ моей. Но роль совершенно иную, нежели предполагаетъ авторъ письма. Это — нѣкая Татьяна Панфиловна Павдина, въ дѣвичествѣ Сергѣева. Авторъ письма слышалъ звонъ, да не узналъ, гдѣ онъ. Въ нашемъ домѣ у родителей жила старая экономка, преданнѣйшій нашей семьѣ человѣкъ. У нея была дочь Татьяна, подруга дѣтскихъ игръ моихъ и брата. Она вышла за мужъ за хорошаго человѣка Павдина, котораго братъ устроилъ на службу на какомъ то нашемъ заводѣ на сѣверѣ. Мы съ братомъ назначили ей пожизненную пенсію. Въ убійствѣ она не могла играть никакой роли. Изъ нея вышла добродѣтельная мать семейства нѣсколько мѣщанской складки. Я самъ Павдиныхъ давно потерялъ изъ вида. Высылкой ей денегъ завѣдывалъ братъ. Это то ввело въ заблужденіе автора письма, который, мѣряя на свой аршинъ, разсудилъ, что задаромъ женщинѣ денегъ платить не будутъ. Гдѣ теперь живутъ Павдины, думаю, можно узнать отъ нашего главноуправляющаго сѣверными имѣ-

ніями Берлогина. Онъ какой то дальній родственникъ Павдину

— Вотъ какъ. А какого вы мнѣнія о самомъ Берлогинѣ? Возможно ему вполнѣ довѣрять?—спросилъ Мурзаевъ.

— Безусловно. Я самъ его мало знаю, но отъ брата кромѣ прекрасныхъ отзывовъ и похвалъ о немъ ничего никогда не слыхалъ.

— Гдѣ онъ можетъ находиться въ настоящее время?

— Не знаю. Путается гдѣ нибудь между Нижнимъ-Новгородомъ и Пермью. У него теперь самое горячее время передъ концомъ навигаціи на Волгѣ и Камѣ.

— Скажите, пожалуйста, нашли вы какія нибудь деньги въ домѣ?

— Да, около 5000.

— Не больше? Интересно было бы узнать въ возможно скоромъ времени, не бралъ ли вашъ братъ большой суммы изъ Волжско-Камскаго банка въ день своей смерти.

— Это можно узнать немедленно, — отвѣтилъ князь, взявъ трубку телефона и прося соединить его съ банкомъ.

— Да, дѣйствительно братъ снялъ со своего счета восемьдесять пять тысячъ, — сказалъ князь, давая отбой.

— Вотъ видите, такой суммы не оказалось ни здѣсь, ни въ дачномъ домикѣ, — указалъ Мурзаевъ.

— Очень странно, — согласился князь, — тѣмъ болѣе, что братъ былъ крайне аккуратенъ въ немедленной записи даже мелкихъ расходовъ. Вотъ книга его черновыхъ записей. Смотрите, въ день его смерти отмѣчены рублевые расходы, а о 80000 нѣтъ ни малѣйшаго намека. Похоже, что убійца воспользовался этими деньгами.

— По всей вѣроятности такъ, но убійство только лишь съ цѣлью грабежа не будутъ такъ сложно обставлять вплоть до фабрикаціи подложныхъ документовъ, — возразилъ Мурзаевъ. — Здѣсь деньги деньгами, но основной мотивъ былъ иной.

9.

Съ каждымъ человѣкомъ случается, что онъ, углубившись въ свои мысли, не замѣчаетъ пройденнаго пути. Подсознаніе его приведетъ туда, куда нужно, но онъ не въ состояніи объяснить, какимъ путемъ онъ шелъ. Иногда же онъ можетъ неожиданно для себя забрести невѣдомо куда. Вихремъ вертѣлись въ головѣ Мурзаева три имени, когда онъ шелъ отъ князя Кострова. Снова и снова онъ перебиралъ въ умѣ всѣ данныя и не могъ рѣшить, кого изъ трехъ онъ болѣе подозрѣваетъ: Берлогина, Ярыгина или Рожнова. Онъ очнулся, когда ему подъ ноги что то подкатилось съ крикомъ: «не отдамъ, не отдамъ». Около его ногъ упалъ бѣдно одѣтый мальчикъ, другой его со смѣхомъ догонялъ. Упавшій ребенокъ быстро вскочилъ и бросился было бѣжать дальше, но Мурзаевъ схватилъ его за плечо

— Гдѣ ты взялъ эти цвѣты? — спросилъ онъ мальчика.

— Я, дяденька, ихъ нашелъ, — отвѣчалъ мальчикъ съ лицомъ, перемѣнившимся изъ смѣющагося въ плаксивое.

— Гдѣ?

— Ей Богу, дяденька, мы ихъ не украли, — началъ плакать ребенокъ. — Съ Гришкой лазали по садамъ. Видимъ рѣдкостный цвѣтъ валяется, мы его и подняли. Вишь, какой негожій, весь ссохши.

— Рѣдкостный то онъ не только для тебя, а и для профессора ботаники, — подумалъ Мурзаевъ и сказалъ: — Да ты не плачь, ничего я тебѣ не сдѣлаю. Хочешь въ киношку сходить — посмотрѣть какъ тамъ левъ человѣка жретъ?

— Живьемъ? — заинтересовался мальчикъ.

— Конечно живого. Кабы мертваго, какой бы интересъ былъ. Такъ вотъ — отдай мнѣ цвѣты, а я тебѣ и Гришкѣ по гривеннику дамъ, а коли укажете, гдѣ нашли, то по пятаку надбавлю.

— Гришка, подь сюда, небойся, — заоралъ вновь развеселившійся мальчикъ, отдавъ цвѣты Мурзаеву, и, выбѣжавъ навстрѣчу товарищу, шепнулъ:

— Баринъ то вовсе дурашный — за гниль тридцать копеекъ даетъ.

— На какой мы улицѣ? — спросилъ Мурзаевъ ведшихъ его куда то ребятъ.

— Не видишь что--ли? — на Якиманкѣ.

— Вонъ куда меня завело, — подумалъ Мурзаевъ.

Они крутили по закаулкамъ, пока не вошли въ какой то садъ. Изъ него перебрались въ другой черезъ упавшій заборъ.

— Мотри, баринъ, штаны не раздери, — предупредилъ Гришка, нырнувшій въ какую то лазею, — кусты тутотко гораздъ колючи.

Пролѣзши черезъ дыру въ заборѣ и черезъ заросли боярышника, Мурзаевъ очутился въ третьемъ большомъ яблоновомъ саду. Здѣсь стояла полная тишина, будто это было не въ городѣ. На половину оголенныя отъ листьевъ деревья были залиты солнцемъ. Кое гдѣ на яблоняхъ среди уцѣлѣвшей листвы виднѣлось не снятое, перезрѣвшее яблоко. Подъ ногами шуршала палая листва, издававшая пріятный запахъ прѣли. Въ затишьѣ, куда не хваталъ вѣтеръ, рдѣла нѣжно-розовымъ пламенемъ молодая вишня, не успѣвшая обронить листья. Мурзаевъ вздохнулъ полной грудью, его потянуло за городъ, въ лѣсъ.

— Здѣся, — сказалъ одинъ изъ мальчиковъ, подводя Мурзаева къ стѣнѣ двухэтажнаго дома, выкрашеннаго охрой, съ окнами, выходящими въ садъ.

— Глянь, еще одинъ цвѣтъ валяется, — крикнулъ другой мальчикъ, указывая на высохшую и съежившуюся орхидею.

Ребята начали рыться въ кустахъ и въ палой листвѣ подъ окнами дома.

— Дѣянка, — закричалъ Гришка, таща перчатку.

— Это же пара той, что найдена на мѣстѣ преступленія, — подумалъ Мурзаевъ, разсматривая перчатку. — Очевидно, она и цвѣты были выброшены въ садъ изъ окна дома. На какую улицу выходитъ этотъ домъ? — спросилъ онъ своихъ провожатыхъ.

— На Успенскую,. — отвѣтили сразу оба мальчика.

Мурзаевъ хотѣлъ выйти изъ сада на дворъ, отгороженный высокимъ сплошнымъ заборомъ. Калитка была

заперта на большой висячій замокъ. Выходила она въ безлюдный закоулокъ двора. Видимо, она не отпиралась послѣ сбора фруктовъ, такъ какъ заплетена была паутиной. Мурзаевъ прежнимъ путемъ выбрался изъ чужихъ садовъ, отпустилъ мальчиковъ, давъ имъ по двугривенному, а самъ направился на Успенскую улицу. На всей Успенской улицѣ былъ лишь одинъ двухэтажный домъ, окрашенный желтой охрой. Въ немъ помѣщались меблированныя комнаты, отдававшіяся на срокъ и поденно. Въ спискѣ жильцовъ, останавливавшихся за послѣдніе дни въ комнатахъ, Мурзаевъ увидалъ фамилію Игоря Ярыгина, который занималъ четырнадцатый номеръ, но значился выбывшимъ только сегодня утромъ.

— Нельзя ли посмотрѣть 14-ый номеръ? — спросилъ Мурзаевъ у швейцара.

— Затруднительно будетъ, — отвѣтилъ тотъ, — часа два тому назадъ заняла его вновь прибывшая старая барыня. Сейчасъ же легла въ постель и теперь почиваетъ.

— Куда окнами выходитъ 14-ый номеръ?

— Въ садъ. Оттого больная барыня и пожелала его занять, чтобы потише было.

— Не припомните-ли, господинъ Ярыгинъ вечеромъ 17-го числа, въ день Вѣры, Надежды и Любви, дома былъ?

— Никакъ нѣтъ. Они всѣ дни возвращались домой только подъ утро. Проспятъ часовъ до двухъ дня и вновь пропадутъ на всю ночь.

— Какъ будто личность виновнаго начинаетъ выясняться, — думалъ Мурзаевъ, уходя изъ меблированныхъ комнатъ, — однако пока не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія и Берлогина съ Рожновымъ. Но при чемъ тутъ дамская перчатка?

10.

Такихъ похоронъ, какъ похороны князя Кострова, городъ раньше не видалъ. Останки князя сопровождалъ епархіальный архіерей въ сослуженіи чуть не половины городского духовенства. Пѣли два лучшихъ въ городѣ хора. Ихъ пѣніе чередовалось со звуками оркестровъ музыкальнаго и пожарнаго обществъ, гдѣ покойный состо-

ялъ почетнымъ предсѣдателемъ. За гробомъ шли рядами въ полномъ составѣ ученики мѣстной гимназіи, въ которой онъ былъ попечителемъ. За ними слѣдовали ряды студенчества во главѣ съ профессурой университета, для нуждъ котораго князь выстроилъ и оборудовалъ одну изъ клиникъ. Горы вѣнковъ везлись на нѣсколькихъ колесницахъ. Сзади шествія чуть не на версту вытянулись экипажи. Попутныя улицы были запружены народомъ. Среди толпы были видны заплаканныя лица бѣдняковъ, пользовавшихся матеріальной помощью со стороны князя.

Впереди всѣхъ за гробомъ шелъ князь Олегъ Кириловичъ, ведя подъ руку Аріадну Георгіевну. Она, тяжело опираясь на его руку, шла неровной походкой отъ усталости и нервнаго потрясенія. Въ церквѣ при послѣднемъ прощаніи она лишилась сознанія, когда склонилась надъ тѣломъ покійнаго ради послѣдняго цѣлованія. Внезапно откинувшись назадъ съ крикомъ «не могу, не могу», она разбилась бы о каменный полъ,если бы окружающіе не успѣли ее поддержать. Однако приведенная въ чувство она нашла въ себѣ силы дойти до кладбища и выстоять у могилы, пока тянулись нескончаемыя рѣчи. Она лишь изрѣдка вздрагивала при патетическихъ выкрикахъ ораторовъ. Былъ уже четвертый часъ дня, когда все кончилось. Мурзаевъ, подсаживая Аріадну Георгіевну въ экипажъ, шепнулъ ей:

— Онъ въ Козьмо-Демьянскѣ, но надѣюсь, вы оставили мысль о поѣздкѣ?

— Ѣду сегодня же — съ удивленіемъ выслушалъ онъ твердый отвѣтъ.

Вечерніе поѣзда на сѣверъ и на югъ скрещивались. Мурзаевъ, подходя вмѣстѣ съ Рыбаковымъ къ вокзалу, сказалъ:

— Вы идите черезъ вокзалъ, а я лучше проскользну въ вагонъ черезъ запасные пути.

Задержавшись въ тѣни угла подъѣзда, онъ вскорѣ увидѣлъ Аріадну Георгіевну, вылѣзавшую съ чемоданчикомъ изъ экипажа.

— Ну и женщина! ну и сила воли! — восхищался онъ, — послѣ такого дня сразу въ путь. Горяча же была ея любовь къ князю, что могла претвариться въ та-

кое сильное чувство мести. Берегись, Берлогинъ, коли вина на тебѣ!

Въ тотъ городъ, гдѣ когда то ранѣе жилъ Мурзаевъ, поѣздъ приходилъ позднимъ утромъ. Выйдя изъ вокзала на площадь, онъ высматривалъ Рыбакова въ толпѣ, выходящей съ перона.

— Петръ Петровичъ, — спросилъ онъ догнавшаго его Рыбакова, — вы при выходѣ съ перона не ощущали запаха духовъ?

— Вамъ и здѣсь мерещатся эти запахи. Ей Богу, Иванъ Григорьевичъ, съ вами не ладное творится. Сюда то какъ они могли донестись? Нѣтъ, батенька мой, не слыхалъ. При выходѣ съ перона какая то не совсѣмъ перкрасная мадама такъ саданула меня въ бокъ заплечной корзиной, а по носу вонью тарани, что мнѣ было не до тонкихъ ароматовъ.

Въ сыскной полиціи начальникъ ея Катаевъ, старый знакомый Мурзаева, выслушавъ его, сказалъ:

— Думаю, что лучше это дѣло поручить не штатному агенту, а Скальскому, работающему у насъ сдѣльно. Узнавъ, что здѣсь можетъ перепасть отъ милостей князей Костровыхъ, онъ постарается. Самый подходящій человѣкъ. Онъ и Рожновъ оба бывшіе люди, и утѣшаются въ однихъ и тѣхъ же трактирахъ.

— Почему вы сопричислили Рожнова къ бывшимъ людямъ? Вы его знаете?

— Онъ очень сильно опустился, шатаясь не при чемъ, послѣ того какъ его выгнали изъ гимназіи. Узналъ же я его съ тѣхъ поръ, какъ онъ попалъ подъ наше наблюденіе.

— По какому дѣлу?

— Первый разъ мы имъ заинтересовались по дѣлу объ одномъ чиновникѣ, попавшемся въ растратѣ. У этого кромѣ недочета въ деньгахъ по ревизіи не хватило бланковыхъ книжекъ заграничныхъ паспортовъ, бывшихъ у него на рукахъ на учетѣ. При опросѣ онъ объяснилъ, что передалъ ихъ Рожнову. На кой чортъ онѣ ему понадобились, неизвѣстно. Полученіе ихъ отъ чиновника онъ отрицалъ. Можетъ быть чиновничекъ и впрямь набрехалъ. Подъ нашимъ же наблюденіемъ онъ находится потому, что по агентурнымъ свѣдѣніямъ онъ нашелъ

своему художественному дарованію особое примѣненіе.

— Какое?

— Говорятъ, что за сходную цѣну любой документикъ подъ чужую руку сфабрикуетъ. Большой мастеръ — не даромъ граверъ и ребятъ каллиграфіи училъ. Хотя долженъ сказать, что пока не попадался.

— Такіе заказы не такъ часто случаются. На какія же средства онъ постоянно живетъ?

— Въ театрахъ декораціи подмалевываетъ. Въ послѣднее время за кулисами съ одной хористкой спутался. Не то онъ ее содержитъ, не то она его — не разберешь.

— За послѣдніе дней десять онъ изъ города не отлучался?

— Не думаю. Агенты сообщили бы. Хотя вполнѣ отрицать нельзя, такъ какъ за нимъ непрерывной филерской слѣжки нѣтъ.

— А кто такой Скальскій?

— Это — типъ особой статьи. Старый уже человѣкъ. Изъ дворянъ. Чуть ли не въ гвардейскомъ полку службу начиналъ, но ушелъ оттуда по желанію общества господъ офицеровъ. Попалъ въ захолустный армейскій полкъ, но и оттуда вышибли. Устроился не то въ таможнѣ, не то въ пограничной стражѣ, гдѣ тоже не удержался. Женатъ былъ на какой то титулованной, не то княжнѣ, не то графинѣ. Изъ бѣдненькихъ. Родственники жены выхлопотали ему хорошее мѣсто въ столичной полиціи, но оттуда скоро попалъ въ провинцію, да такъ и пошелъ по службѣ, что дальше то ниже, пока не очутился полицейскимъ надзирателемъ даже не въ городѣ, а въ посадѣ. Въ концѣ концовъ его и тамъ не могли держать, чѣмъ и закончился его формуляръ. Пришелъ къ намъ съ предложеніемъ услугъ. Въ штатные агенты его принять нельзя было, а сдѣльно онъ у насъ подрабатываетъ. Способный, и повадки всѣхъ слоевъ общества знаетъ.

— Почему же онъ нигдѣ ужиться не могъ?

— Почему онъ въ полкахъ ко двору не пришелся, не знаю, да и давно это было. А въ полиціи его понижали, пока въ чистую не уволили по двумъ причинамъ: Во-первыхъ — пропойца, а во-вторыхъ — понимаете? — спросилъ разсказчикъ, сложивъ пястокой руку и потирая

пальцы о пальцы. — Барашка въ бумажкѣ черезъ край любилъ. Самъ разсказывалъ, какіе трюки выдумывалъ, чтобы посочнѣе взятку взять.

— Неучто признается?

— Любимый его разговоръ. Большой на этотъ счетъ циникъ. Съ послѣдняго мѣста какъ онъ слетѣлъ? Какъ то спрашиваетъ его прокуроръ, доволенъ ли онъ новымъ мѣстомъ своей службы, а онъ въ отвѣтъ: «не совсѣмъ, глупые люди вокругъ живутъ — по золоту ходятъ, а золота не видятъ». — «Вы про что?» — въ недоумѣніи спрашиваетъ прокуроръ, а Скальскій и ляпни: «помилуйте, ваше высокородіе, больше половины жителей города жиды, вѣдь это же золотое дно, а никто не умѣетъ изъ этого кладезя по настоящему черпнуть». Послѣ этого откровеннаго разговора начали къ нему присматриваться повнимательнѣе, а вскорѣ и уволили, такъ какъ оказалось, что онъ своимъ черпакомъ больно здорово началъ работать.

— Въ такомъ случаѣ возможно ли ему довѣрять? — спросилъ Мурзаевъ, — онъ либо продастъ, либо такіе турусы на колесахъ разведетъ, что только дѣло запутаетъ.

— Будьте покойны. На этотъ счетъ у него есть какая то арестантская совѣсть. Коли нанялся, то не продастъ и не навретъ. Къ тому же кто его будетъ покупать? Рожновъ что ли? Такъ у него купишь давно уѣхалъ въ Парижъ. Скальскій же, будучи самъ занимательнымъ разсказчикомъ, умѣетъ собесѣдника вызвать на откровенность. Ко всему прочему онъ будетъ подъ наблюденіемъ вашего помощника — господина Рыбакова.

— Какъ ваше мнѣніе, Петръ Петровичъ? — обратился Мурзаевъ къ Рыбакову.

— Подойдетъ, — кратко отвѣтилъ тотъ.

— Директоръ гимназіи у васъ прежній? — спросилъ Мурзаевъ Катаева.

— Все тотъ же олимпіецъ, про котораго чуть ли не вы сами пустили крылатое слово, что ему болѣе къ лицу быть директоромъ банка, а не директоромъ учебнаго заведенія.

— То то меня и смущаетъ, — сказалъ Мурзаевъ, — мнѣ нужно съ нимъ откровенно поговорить о Рожновѣ

и получить кое какой письменный матеріалъ, а онъ начнетъ цѣдить слова и въ концѣ концовъ на скажетъ ни два ни полтора.

— Въ директорѣ Хохбергѣ вы найдете хорошаго пособника, — успокоилъ Катаевъ, — онъ радъ будетъ лишній разъ насолить Рожнову, особенно послѣ происшествія въ вокзальномъ буфетѣ.

— Что же между ними произошло?

— Было дѣло — и смѣхъ и грѣхъ. Рожнова уволили по настоянію Хохберга, натурально тотъ обозлился. Вскорѣ послѣ этого въ нашъ городъ пріѣхалъ въ первый разъ новый Попечитель Учебнаго Округа для обозрѣнія учебныхъ заведеній, Рожновъ его въ лицо не зналъ. Директоръ провожаетъ на вокзалѣ уѣзжающаго Попечителя. Въ ожиданіи поѣзда сѣли они вдвоемъ за столикъ въ вокзальномъ буфетѣ. Не въ добрый часъ тутъ же оказался Рожновъ, въ дрызгъ пьяный. Увидалъ Хохберга, да на него съ зонтомъ. «Ахъ ты, кричитъ, эфіопская образина, попался ко мнѣ въ лапы, теперь будешь знать, какъ на людей доносы писать». Начинаетъ его тузить зонтомъ. Попечитель всталъ, хотѣлъ его остепенить и только что успѣлъ сказать: «милостивый государь, въ моемъ присутствіи прошу . . . .», какъ Рожновъ ему кулакъ подъ носъ, да и крикнулъ: «а ты, старая обезьяна, смирно сиди, двѣ собаки дерутся третья не приставай, а не то тоже по мордѣ попадетъ». Вновь за Хохберга принялся. Тотъ подъ столъ залѣзъ, а Рожновъ его тамъ зонтомъ сверху тычетъ. Шумъ, гвалтъ. Кто возмущается, а кто радъ зрѣлищу. На шумъ изъ 3-го класса народъ навалилъ. Орутъ: «бери его на рогатину, какъ медвѣдя». Хохбергъ изъ подъ стола кричитъ: «онъ меня не по лицу, онъ въ лицо не попалъ». Тѣмъ временемъ Попечитель бочкомъ бочкомъ да за буфетную стойку. Стоитъ тамъ одинъ — буфетчикъ за жандармомъ побѣжалъ, лакешоны кто любуется, а кто Рожнова за фалды тянетъ. Схватить то его боятся — вѣдь знаете его силушку. Нанесло тутъ къ стойкѣ какого то другого пьянаго. Онъ къ Попечителю: «буфетчикъ, большую рюмку водки». Попечитель въ нерѣшительности мнется, а тотъ на него: «чего ты какъ мокрая курица, топчешься? Говорятъ тебѣ — большую рюмку водки. Ты дол-

женъ спѣшить требованія кліентовъ исполнять». Не получая требуемаго, какъ хватитъ кулакомъ по стойкѣ: «болванъ, тебѣ говорятъ, глухая тетеря!» Попечитель, чтобы отъ него отвязаться, схватилъ бутылку и налилъ. Тотъ залпомъ опрокинулъ рюмку, поперхнулся, закашлялся и, разсвирѣпѣвъ, полѣзъ на стойку. »Ты, такой сякой, вздумалъ потребителей уксусомъ травить!» Въ это время я мимоходомъ зашелъ въ буфетъ. Сразу не понялъ, что творится. На одной сторонѣ Рожновъ Хохберга подъ столомъ обломкомъ зонта тычетъ, съ другой стороны пьяный приступомъ стойку беретъ. Съ большимъ трудомъ вмѣстѣ съ подоспѣвшими жандармами порядокъ водворили. Этотъ скандалъ затормозилъ повышеніе Хохберга, бывшее на мази, такъ какъ при одномъ его имени Попечителя въ краску вгоняетъ отъ пріятнаго воспоминанія.

— Ну и дѣла у васъ творятся, — покачалъ головой Мурзаевъ, — чѣмъ же дѣло кончилось?

— Судъ будетъ по обвиненію Рожнова въ оскорбленіи Хохберга по поводу исполненія послѣднимъ служебныхъ обязанностей. Теперь идетъ новая канитель. Хохбергъ надоѣдаетъ суду просьбами о томъ, чтобы дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ, а Скальскій для Рожнова чуть ни каждый день въ тотъ же судъ прошенія строчитъ, начиная ихъ такъ: «изъ компетентныхъ источниковъ я освѣдомленъ, что предполагается слушать келейно дѣло объ оскорбленіи мною Хохберга дѣйствіемъ по лицу, а не по одеждѣ, какъ тотъ по привычкѣ ко лжи удостовѣряетъ» и т. д. Кончается же просьбой: «судить меня всенародно, дабы мы оба были пригвождены къ позорному столбу: я за самочинное, хотя и заслуженное Хохбергомъ избіеніе его, а онъ за гнусное поведеніе, побуждающее благородныхъ людей нарушать общественную тишину и спокойствіе».

Мурзаевъ отправился въ гимназію къ директору Хохбергу, а Рыбаковъ остался поджидать Скальскаго, котораго пошли разыскивать по трактирамъ.

Директоръ Хохбергъ держалъ себя дѣйствительно олимпійцемъ. Въ классахъ водворялась гробовая тишина, когда онъ своими мѣрными шагами проходилъ по коридору, неизмѣнно одѣтый въ форменный вицмун-

диръ съ шейнымъ орденомъ. Ученики при встрѣчѣ съ нимъ вытягивались въ струнку, да и педагоги жались къ стѣнѣ. Онъ же молча проходилъ мимо, обдавая всѣхъ холоднымъ взоромъ. Со всѣми вплоть до приготовишекъ онъ говорилъ на «вы». Ничего не было страшнѣе для ученика, какъ быть вызваннымъ въ кабинетъ директора для объясненій, которыя весьма часто кончались краткой фразой: «при повтореніи мы васъ выгонимъ». И выгонялъ. Въ его рѣчи былъ небольшой дефектъ въ родѣ легкаго заиканья. Онъ иногда задерживался на согласныхъ начальныхъ въ словѣ. Но онъ сумѣлъ использовать этотъ дефектъ для приданія большей вѣскости имъ сказаннаго, дѣлая видъ, что онъ намѣренно остановился на томъ или другомъ словѣ, желая его логически подчеркнуть.

— Я бы желалъ, чтобы нашъ разговоръ до поры до времени остался между нами, — началъ бесѣду Мурзаевъ.

— Конфиденціально сообщенныя свѣдѣнія могутъ выйти изъ стѣнъ этого кабинета только въ два государственныя учрежденія: въ управленіе учебнымъ округомъ и въ министерство народнаго просвѣщенія, — сразу обдалъ Хохбергъ Мурзаева холодомъ.

— Положимъ, какъ говорятъ злые языки, и въ третье — въ губернское жандармское управленіе, — подумалъ Мурзаевъ, но спросилъ:

— Что послужило поводомъ къ увольненію отъ службы преподавателя Рожнова?

— Преступный квіетизмъ.

— Что-о-о?

— Квіетизмъ въ исполненіи принятыхъ на себя служебныхъ обязаностей по обученію юношества и поведеніе, не соотвѣтствующее высокому званію воспитателя подростающаго поколѣнія.

— Въ чемъ же это выразилось?

— Въ потребленіи алкогольныхъ напитковъ сверхъ нормъ, допускаемыхъ въ культурномъ обществѣ, въ манкированіи уроками, въ опаздываніи на нихъ и въ появленіи въ классъ съ недостаточно упорядоченной послѣ излишествъ психикой. Это влекло то, что онъ допус-

калъ возможность въ теченіе урока удовлетворять физіологическія потребности своей натуры .

— Какъ?! въ классѣ?!—съ удивленіемъ воскликнулъ Мурзаевъ.

— Потребности питанія, — пояснилъ Хохбергъ. — Неоднократно онъ начиналъ урокъ съ того, что вынималъ изъ портфеля кусокъ пирога или иной продуктъ питанія, и начиналъ, сидя на кафедрѣ, его потреблять. Это обычно занимало много времени въ виду большихъ количествъ приносимыхъ имъ пищевыхъ продуктовъ. Остальную часть урока онъ выдѣлялъ газы чрезъ ротовое отверстіе. Бывали случаи, что ученики, потерявъ уваженіе къ высокому званію преподавателя, просили его удѣлить имъ часть его трапезы, онъ же, вытянувъ руку, показывалъ имъ комбинацію изъ трехъ пальцевъ.

Мурзаевъ еле сдерживалъ смѣхъ не то надъ педагогическими пріемами Рожнова, не то надъ способомъ выражаться своего собесѣдника.

— Давно ли онъ началъ опускаться? — спросилъ онъ.

— Приблизительно за полгода до своего увольненія.

— Не знаете ли причины?

— Мнѣ докладывали, что причиной послужила несчастная любовь, но я не считаю его способнымъ на высокія чувства. Онъ слишкомъ грубъ вплоть до злоупотребленія своей мускулатурой. Въ виду прежнихъ его заслугъ передъ ввѣреннымъ мнѣ учебнымъ заведеніемъ мы долго претерпѣвали его поведеніе, пока синабіозъ съ нимъ не сдѣлался опасенъ для жизни и здравія и не сталъ угрожать спокойному теченію жизни учебнаго заведенія.

— Что же онъ еще натворилъ?

— Однажды ночью въ періодъ алкогольнаго отравленія онъ проникъ въ химическій кабинетъ къ шкапу съ веществами опасными для жизни. Могло бы крайне неблагопріятно отразиться на молодыхъ людяхъ ввѣреннаго мнѣ учебнаго заведенія, если бы онъ эти вещества использовалъ для прекращенія своей жизни въ стѣнахъ учебнаго заведенія.

— А если бы внѣ стѣнъ? — сорвалось у Мурзаева.

— Согласно циркулярамъ это мало бы насъ касалось, такъ какъ внѣшкольный надзоръ учрежденъ, къ

прискорбію, только лишь надъ учащимися, а не надъ лицами педагогическаго персонала.

— Что нибудь изъ ядовъ пропало? — съ интересомъ спросилъ Мурзаевъ.

— Какъ филологъ, я самъ точныхъ свѣдѣній дать не могу.—отвѣтилъ Хохбергъ, нажимая кнопку электрическаго звонка. — Попросите изъ канцеляріи дѣло о службѣ бывшаго преподавателя Рожнова, — приказалъ онъ явившемуся курьеру.

— Для суда необходимы образцы почерка Рожнова въ возможно большемъ количествѣ. Не найдете ли возможнымъ меня ими снабдить? — попросилъ Мурзаевъ.

— Съ готовностью пойду на встрѣчу нуждамъ судебнаго вѣдомства. Въ дѣлахъ управляемаго мной учебнаго заведенія имѣется многочисленныя прошенія, собственноручно писанныя Рожновымъ какъ передъ его увольненіемъ, такъ и въ періодъ времени послѣ таковаго. Но они могутъ быть выданы лишь послѣ надлежащей регистраціи по исходящимъ журналамъ и при томъ лишь на имя опредѣленнаго судебнаго учрежденія.

— Пошлите ихъ на имя судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ нашего суда. Нельзя ли это сдѣлать сегодня же?

— Прикажу.

— Къ сожалѣнію эти прошенія, навѣрное, писаны каллиграфскимъ почеркомъ, — сказалъ Мурзаевъ, — не найдется ли образцовъ, писанныхъ свободной скорописью?

— Эти документы будутъ оглашены на судѣ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же. Они нужны только для экспертизы.

— Въ такомъ случаѣ могу предоставить весьма обильный матеріалъ, такъ какъ Рожновъ осаждалъ меня письмами. Но въ нихъ часто встрѣчаются выраженія, не соотвѣтствующія высокому служебному положенію адресата, почему не могутъ быть предметомъ общаго вѣдѣнія.

Курьеръ принесъ очень объемистое дѣло, порывшись въ которомъ, Хохбергъ сказалъ:

— Вотъ протоколъ, составленный преподавателемъ естественныхъ наукъ о провѣркѣ инвентаря химическа-

го кабинета. Послѣ упомянутаго мною ночного посѣщенія кабинета Рожновымъ не оказалось на лицо: сулемы, нѣкоторыхъ ціанистыхъ соединеній и фосфора.

Когда Мурзаевъ прощался, Хохбергъ его спросилъ:

— По какому преступленію Рожновъ привлекаетъ на себя вниманіе судебныхъ и полицейскихъ властей?

— Пока опредѣленнаго ничего нѣтъ,—замялся Мурзаевъ, — есть только отдаленныя предположенія.

— Не считаю себя въ правѣ проникать въ тайны посторонняго вѣдомства, — успокоилъ его Хохбергъ. — Могу лишь со своей стороны удостовѣрить, что Рожновъ способенъ на любое преступленіе, такъ какъ проявилъ склонность къ физическому насилію надъ личностью, не взирая на присутствіе высокихъ особъ.

— Охъ, вотъ такъ заморозилъ, — вздохнулъ полной грудью Мурзаевъ, выйдя на улицу. — Какой тутъ чортъ Олимпъ, съ Гималайскихъ горъ не натянетъ такого холода, какъ отъ его рѣчей. Я самъ не безъ удовольствія ковырнулъ бы его зонтомъ разочка два.

Вечеромъ до отхода поѣзда у Мурзаева осталось свободныхъ часа два. Ему пришла мысль посмотрѣть самому на Рожнова и на то, какъ онъ живетъ. Свой пріѣздъ онъ сумѣетъ объяснить личными дѣлами, для отвращенія же какого либо подозрѣнія попроситъ Рожнова проводить себя на отходящій поѣздъ.

Рожновъ жилъ на окраинѣ города въ квартирѣ о двѣ комнаты. Въ третій этажъ пришлось подниматься по темной, не особенно опрятной лѣстницѣ. Найдя дверь, Мурзаевъ протянулъ было руку къ звонку, какъ вдругъ ощутилъ слабый запахъ знакомыхъ духовъ.

— Я начинаю страдать галюцинаціей обонянія, — подумалъ онъ, — слышу повсюду этотъ привязавшійся ко мнѣ запахъ.

Онъ заглянулъ въ замочную скважину. Въ передней былъ свѣтъ, стало быть хозяинъ былъ дома. Позвонивъ, онъ зажегъ зажигалку и приставилъ ее къ замочной скважинѣ. Прямо горѣвшее пламя черезъ нѣкоторое время заколебалось.

На звонокъ не отпирали, второй былъ столь же безуспѣшенъ.

— Врешь, братъ, — дома, да не хочешь отпирать.

Пламя заколебалось отъ движенія воздуха въ передней. Либо тамъ кто нибудь подходилъ къ двери прислушаться, либо закрылъ дверь изъ передней въ слѣдующую комнату, чтобы наружу ничего не было слышно.

— Не вошелъ ли въ квартиру не задолго до моего прихода человѣкъ, употребляющій духи, — раздумывалъ Мурзаевъ по пути на вокзалъ.—Но вѣдь это—тѣ же духи, что ощущались въ брошенномъ автомобилѣ. Въ связи съ пропажей ціана изъ лабораторіи это можетъ что нибудь значить. Но тотъ же запахъ я слышалъ сегодня при выходѣ съ вокзала, — вспомнилъ онъ. — Не происходитъ ли тутъ игра въ кошки и мышки. Я выслѣживаю преступника, а онъ самъ ходитъ по моимъ слѣдамъ. Противъ Рожнова скопляются улики: возможный мотивъ, похищеніе ціана, запахъ духовъ около его двери и фабрикація чужихъ почерковъ.

II.

На вокзальной площади своего города Мурзаевъ встрѣтилъ станового пристава ближайшаго къ городу стана.

— Куда путь держите? — спросилъ онъ пристава.

— Самъ не знаю — хоть разорвись. Въ двухъ разныхъ концахъ стана трупы. Осенніе праздники по деревнямъ начались. А какъ праздникъ, такъ гулянка, какъ гулянка, такъ пьянка, напьются — раздерутся, а разодрались, такъ уже и пой «со святыми упокой».

— Знаю, знаю. Раковскій даже обвинительные акты писалъ въ родѣ того, что «по случаю Рождества Богородицы былъ убитъ человѣкъ», пока ему не разъяснили, что такъ излагать, пропуская среднія звенья въ цѣпи слѣдствій и причинъ, неудобно. Не интересныя это дѣла.

— Надо бы скучнѣе, да некуда. Толку не добьешся. Битый не знаетъ, кто его билъ, бойцы не знаютъ, кого били. Свидѣтели такъ врутъ, что не перелѣзешь. Каждый своего однодеревенца выгораживаетъ. Всегда одинъ разговоръ: Ванька Петьку, Петька въ отворотъ, Тришка въ ухо, Прошка подъ салазки. За одного свои и за другого свои, ну и пошла баталія. Что кому подъ руку попало, тѣмъ и лупцуетъ, — камень такъ камень, колъ

такъ колъ. Кого нибудь долбануть такъ, что ракомъ поползетъ, на него всѣ навалятся, не разбирая съ пьяна, да въ темнотѣ своего-ли, чужого ли клашматятъ. Всегда одна исторія. Протоколъ хоть заранѣе для всѣхъ дѣлъ напечатай, только для именъ пустыя мѣста оставь.

— Куда же вы всетаки ѣдете?

— Говорятъ вамъ — билетъ надо брать, а куда не знаю. Надо въ Ермаково — это верстъ 12 вправо, надо и въ Прудищи поспѣть, а это 15 верстъ влѣво. Вотъ тутъ и поспѣвай.

— Прудищи, кажется, около Ярыгинскихъ «Горокъ»?

— Двухъ верстъ не будетъ. Упокоили то Ярыгинскаго работника. Самъ былъ пьяница и первый драчунъ, не тѣмъ будь помянутъ. Какъ разъ своему хозяину въ масть.

— Хотите я за васъ туда съѣзжу? — предложилъ Мурзаевъ.

— Вамъ то что за интересъ? Тамъ дѣло обыденное — вашихъ тонкихъ пріемчиковъ не требуетъ.

— Мнѣ въ той сторонѣ по своимъ дѣламъ побывать нужно, такъ за одинъ походъ. Только поѣду со слѣдующимъ поѣздомъ.

— Коли охота — поѣзжайте. Спасибо скажу. А съ какимъ поѣздомъ одна стать. Я то самъ туда поспѣлъ бы не ранѣе какъ дня черезъ два, покончивъ дознаніе въ Ермаковѣ.

Изъ Прудищъ Мурзаевъ подъ вечеръ заявился въ Горки къ Ярыгину подъ предлогомъ просить у него ночлега и разспросить о характеристикѣ убитаго рабочаго.

— Баринъ дома? — спросилъ онъ встрѣтившаго его слугу.

— Дома то дома, только не совсѣмъ въ порядкѣ.

— Что же? Боленъ?

— Не то чтобы боленъ, а такъ — въ грустяхъ. Кажиный разъ это съ нимъ бываетъ, когда подольше въ городѣ задержится.

— Повидать его можно?

— Чего же не повидать? Можно. Только интереса мало. Сидитъ въ залѣ передъ каминомъ и молчитъ.

Завсегда такъ. Только, ежели къ нему пойдете, то черезъ главныя двери не ходите, а черезъ боковыя.

— Заперты что ли главныя?

— Нѣтъ, настежъ открыты. Только сбоку то сподручнѣе будетъ.

— Что онъ за чушь городитъ, — подумалъ Мурзаевъ и пошелъ къ главному входу въ залъ. Только что онъ хотѣлъ переступить порогъ, какъ кто то схватилъ его за руку и оттащилъ въ сторону. Въ это самое время раздался выстрѣлъ и просвистѣвшая пуля ударилась въ стѣну.

— Что это значитъ? — воскликнулъ Мурзаевъ, обернувшись къ человѣку схватившему его за руку. — «Баринъ», вы тутъ? Что это такое?

— Тссс . . . Я тутъ не «Баринъ», а свободный художникъ живописецъ, путешествующій ради пріобрѣтенія художественныхъ впечатлѣній. Здѣсь же пользуюсь гостепріимствомъ господина Ярытина, съ которымъ при случайной встрѣчѣ въ городѣ подружился.

— Понимаю — прекрасно выдумали. Но что означаетъ этотъ выстрѣлъ? Неужто дошло до того, что онъ уже по полиціи стрѣляетъ?

— Нѣтъ, тутъ совсѣмъ другой коленкоръ . . . О васъ онъ ничего не знаетъ. Только что же тотъ дуракъ, что встрѣчалъ васъ внизу, не предупредилъ, что входить въ залъ нужно сбоку.

— Предупреждалъ, да я его не послушалъ. Въ чемъ же дѣло?

— Когда Ярытинъ въ кутежѣ дойдетъ до предѣла, у него наступаетъ мрачный періодъ. Онъ уединяется въ большой залъ, садится передъ горящимъ каминомъ и пьетъ, не спуская глазъ съ огня. При малѣйшемъ шорохѣ сзади себя онъ, не мѣняя позы, стрѣляетъ черезъ плечо назадъ, продолжая глядѣть на огонь.

— Долго это съ нимъ продолжается?

— Сутокъ трое, а то и побольше, пока не заснетъ глубокимъ сномъ.

— Разговаривать съ нимъ нельзя?

— Можно, только при двухъ условіяхъ: во-первыхъ собесѣдникъ долженъ пить, не отставая отъ него, а во-вторыхъ, когда онъ начнетъ завираться, то нельзя показать

вида, что ты ему не вѣришь. А послушать его такъ даже интересно.

— Что же интереснаго въ пьяномъ бредѣ?

— Больно здорово и складно вретъ. Сегодня разсказывалъ, какъ онъ будучи солдатомъ, стоялъ зимой на наружномъ караулѣ около Зимняго Дворца. Идетъ царь и спрашиваетъ: «кто на караулѣ?» — «Ефрейторъ Ярыгинъ, Ваше Императорское Величество!» — «Поди отдохни, говоритъ царь, я за тебя часокъ постою. Ярыгины нужны для Россіи».

— А онъ не пристрѣлитъ во время разговора, если что ему не по нраву придется?

— Нѣтъ. Стрѣляетъ онъ только, когда одинъ сидитъ, и то не со зла, а такъ — ради музыки. Прогнать прогонитъ отъ себя, если обозлится. Вчера разсказывалъ, какъ онъ когда то человѣку голову шашкой отрубилъ въ ссорѣ да такъ, что голова въ сторону откатилась. Спасибо докторъ пріятель при этомъ находился — хорошій хирургъ. Онъ голову на мѣсто приставилъ, что то перевязалъ, что то зашилъ и человѣкъ живъ остался. Только послѣ того голову на бокъ держалъ и водку не глоталъ, а въ себя какъ въ воронку вливалъ. Я тутъ и фыркни. Боже мой, что тутъ было. Разсвирѣпѣлъ, и не пожелалъ больше со мной разговаривать.

— Все это забавно, но для дѣла не важно. Про князя Кострова и его смерть поминалъ?

— Сидя передъ каминомъ и бормоча себѣ подъ носъ, нѣтъ нѣтъ да на это и собьется. Одинъ разъ слышу бормочетъ: — «что, князинька, залѣзъ въ свою берлогу, думалъ цѣлъ останешься? — анъ тѣ, кому нужно, выслѣдили». А то какъ то въ другой разъ говоритъ: «теперь не будешь людямъ портить, ты то вотъ гніешь, а я куда мѣтилъ, туда попаду безъ твоей помѣхи». Все время въ такомъ родѣ князя поминаетъ.

— Попробую поговорить съ нимъ, — сказалъ Мурзаевъ, направляясь къ боковой двери въ залъ.

Ярыгинъ, освѣщенный каминомъ, сидѣлъ безъ малѣйшаго движенія въ креслѣ, задомъ къ главному входу въ залъ. По стѣнамъ темнаго зала пробѣгали красные отблески каминнаго огня. Съ одной стороны кресла стоялъ столъ съ дюжиной бутылокъ и нѣсколькими стака-

нами. На столѣ, стоявшемъ по другую сторону кресла лежали заряженные револьверы. Ярыгинъ, услышавъ голосъ Мурзаева, перевелъ на него глаза, не шевелясь.

— Я къ вамъ съ просьбой, — сказалъ Мурзаевъ. — разрѣшите воспользоваться вашимъ гостепріимствомъ и переночевать у васъ?

— Ночуйте. Это —дѣло лакея, — вновь переводя глаза на огонь, буркнулъ Ярыгинъ.

Мурзаевъ сѣлъ и въ ожиданіи, на скажетъ ли что нибудь хозяинъ, молчалъ.

— Пейте. Талію не задерживайте.

Вновь наступило молчаніе.

— Говорятъ вамъ, пейте, — сверкнулъ глазами Ярыгинъ, — а не то проваливайте дрыхнуть. Тамъ есть другой такой же растяпа, забастовавшій на третьей бутылкѣ.

— Я тутъ по дѣлу о причиненіи смертельныхъ побоевъ одному изъ вашихъ работниковъ, — началъ разговоръ Мурзаевъ, наливая себѣ стаканъ вина.

— Пахомка-то? Стоило изъ за такой дряни 15 верстъ киселя хлебать. Укатали сивку крутыя горки, а жаль. Другого такого питуха не найдешь. Въ одинъ присѣстъ четвертную кончалъ. Безъ него скучно будетъ.

— Что онъ за человѣкъ? и каковъ у него былъ характеръ?

— Характеръ то? — да такой, что обходи его подальше, когда онъ въ градусахъ. А человѣкъ?, говорю — дрянь. Всѣхъ лошадей у меня перепортилъ.

— У васъ хорошія лошади?

— Одры да подпалки остались. Рабочая скотина и лошадь не одно и тоже.

— У покойнаго князя Кострова были чудныя лошади, — замѣтилъ Мурзаевъ, наводя разговоръ на интересующую его тему.

— Что-о-о? У этого титулованнаго скота хорошія лошади? — возмутился Ярыгинъ, впервые повернувъ голову къ Мурзаеву. Выпилъ залпомъ два стакана вина одинъ за другимъ и вновь уставился глазами на огонь. — Понимаете вы въ лошадяхъ, какъ свинья въ апельсинахъ. Его клячъ надо перерѣзать, да съ нимъ въ одну яму закопать. Пускай тамъ по своему вкусу земство ус-

траиваютъ... Доигрался, который кусался!... Теперь, братъ, съ пулей во лбу потише будешь. Ты на выборахъ черняковъ навалилъ, а тебѣ въ отвѣтъ могильныхъ червей насыпали... У Кострова лошади?! Уши вянутъ отъ такой ерунды... У меня были когда то лошади... Да!.. То были кони!.. Вы пьете? То-то, а то вонъ на столѣ игрушки лежатъ. Умѣю безъ промаха въ лобъ попадать и въ сидячаго и въ стоячаго и въ лежачаго... Да, и въ лежачаго...

— А развѣ приходилось?

— Приходилось... У князя лошади! — противно слушать. У меня былъ конь. Робъ-Рой. Бѣгъ — стрѣла, умъ — Сократъ. Глазами поведетъ, все скажетъ .Часами съ нимъ такъ разговаривалъ. А быстрота!...Знаете «Родовое» Ратимскихъ — въ 20 верстахъ отъ города? Обѣдаю какъ то у нихъ тамъ. Гостей человѣкъ десять. Сѣли за столъ, бульонъ начинаютъ разносить. Вижу хозяйка взволнована. Въ чемъ дѣло, спрашиваю. — Поваръ напился, всѣ пирожки въ печи сжегъ. — Прошу не безпокоиться. — Сейчасъ на Робъ-Роя, въ городъ, въ кондитерскую Кемарскаго, назадъ! Вхожу въ столовую съ пирожками, только что послѣднему гостю бульонъ подаютъ. Летѣли же мы съ Робъ-Роемъ. По пути нѣсколько стай ласточекъ обогнали. Моя сабля — корнетомъ тогда былъ — по верстовымъ столбамъ, какъ по частоколу — тэкъ-тэкъ-тэкъ... Это былъ конь!

— Вы слышали какой ужасной смертью скончался князь Костровъ? — попытался Мурзаевъ перемѣнить тему разговора, видя, что Ярыгинъ начинаетъ завираться.

— Тоже — спросили! Кому же это знать, какъ не мнѣ? А вы пейте. И когда о благородномъ животномъ — о конѣ — разговоръ идетъ, воспоминаніями о дохлой свиньѣ его не перебивайте... О чемъ лишь я говорилъ... Ахъ да, о моемъ конѣ Мильтонѣ. Умница былъ. Чуть не говорилъ. Да что! Былъ однажды случай. Былъ я какъ то долго въ отъѣздѣ, возвращаюсь домой, понятно, прежде всего на конюшню къ Мильтону. Вхожу, а онъ мнѣ уже головой киваетъ. Я ему говорю: «здравствуй, Мильтонъ». А онъ повелъ глазами, тряхнулъ гривой, да мнѣ въ отвѣтъ: «здравствуй Ярыгинъ». Это — конь! Теперь

же хоть всю губернію обойди, ни одной порядочной лошади не найдешь.

— А Флора генерала Протанова? — призовая- — возразилъ Мурзаевъ.

— Что? Флора? да на такихъ одрахъ у меня навозъ возить не станутъ. Вашему Протанову, какъ и Кострову, не лошадьми заниматься, а цвѣточками — разными тамъ розочками, орхидейками да лиліями...

— Чѣмъ? орхидеями? — насторожился Мурзаевъ.

— Да и орхидеями .Такой цвѣточекъ есть, отъ котораго по мнѣнію какихъ то дикарей, люди какъ мухи мрутъ. Вотъ князинька и доорхидеился. Туда и дорога, — продолжалъ говорить Ярыгинъ, не отрывая ни на моментъ глазъ отъ огня, но вдругъ повернулся къ Мурзаеву и уставился на него исподлобья.

— Да вы, собственно говоря, кто такой?

— Я? — Иванъ Григорьевичъ Мурзаевъ.

— Вотъ кто. Нашъ оберъ-сыщикъ. Какая кривая васъ сюда завела? Вамъ нужно убійцу князя Кострова искать, а не по уѣзду шляться. Думаете, гдѣ нибудь здѣсь подъ кустомъ его найти? Не найдете, а коли и найдете, такъ не уличите. Кишка тонка. Его чортъ убилъ, меня опередилъ.

Ярыгинъ подбросилъ дровъ въ каминъ, принялъ прежнюю позу и вновь уставившись на огонь, видимо, позабылъ, о чемъ только что говорилъ.

— Да-съ, были лошади да сплыли, —началъ онъ бормотать послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.—Ѣзда была. Троечная. Ѣду какъ то по Волгѣ, по льду—зимнякомъ. Летимъ такъ, что только вѣтеръ въ ушахъ свищетъ. Черезъ полыньи махомъ перелетаемъ. Только вдругъ — разъ! На большую полынью напоролись. Вся тройка и лошади и сани подъ ледъ. Скорость спасла. Въ одну полынью нырнули, въ другую черезъ полверсты вынырнули. Мокрые хоть выжми, а морозъ тридцать градусовъ. Обледенѣли, какъ мороженные судаки. Вдругъ меня въ жаръ вдарило — гдѣ портфель? Когда подо льдомъ летѣли, подлецъ изъ саней выпалъ, а въ немъ казенныхъ денегъ около ста тысячъ. Капутъ думаю, — подъ судъ. Не отвертишься — не повѣрятъ. Только чувствую, что ногамъ какъ то не ловко, — тяжесть на

нихъ какая то. Откинулъ полость, смотрю—полны сани стерлядей. «Гони въ Нижній, на Мытный дворъ»,—кричу кучеру. На Мытномъ стерлядей продалъ, весь убытокъ покрылъ, да еще съ гакомъ. Стерляди то какія были! Отъ пера до пера меньше аршина не было. А одна такъ даже съ гарниромъ, соусъ амэрикенъ...

— Даже съ гарниромъ? — сорвалось у Мурзаева.

— Что такое? съ какимъ гарниромъ? — очнулся Ярыгинъ, какъ съ облаковъ на землю упалъ. Глаза его засверкали не добрымъ огнемъ. — Вы меня на словахъ не ловите. Я нарочно про гарниръ упомянулъ, чтобы провѣрить, слушаете вы, что вамъ умные люди говорятъ, или слюни распустили. Тутъ не сыскное отдѣленіе. За коимъ чортомъ вы сюда пожаловали? Думаете, что я на князя золъ, такъ не я ли его укомплектовалъ. А коли и я, такъ не скажу, а скажу, такъ потомъ отопрусь. Выкусите шишь съ масломъ. Видалъ — миндалъ? Что же вы не пьете? Пейте, чортъ васъ подери. Не то отправлю васъ вслѣдъ за княземъ тѣмъ же путемъ. Ему тамъ съ вами веселѣе будетъ, а у насъ безъ васъ воздухъ чище будетъ.

Въ этой вспышкѣ какъ то сразу изсякъ запасъ энергіи, бывшій у Ярыгина. Онъ вновь впился глазами въ огонь.

— Онъ ко мнѣ приходитъ, — началъ онъ говорить конфиденціальнымъ тономъ. — Тамъ вонъ, въ огнѣ, усаживается. Ужомъ извивается. То появится, то вновь пропадаетъ, точно въ дымоходъ улетитъ. Обѣщалъ на слѣдующихъ выборахъ меня поддержать. Пить отказывается, а приказать ему не могу. Его не застращаешь. Дважды человѣка не застрѣлишь. А вы, пока живы, пейте, либо проваливайте спать къ тому сопляку художнику, съ которымъ я, чортъ знаетъ зачѣмъ, связался. Уходите, уходите. Я жду другого съ дыркой во лбу.

Мурзаевъ ушелъ въ надеждѣ, что утро вечера будетъ мудренѣе. На другой день утромъ, заглянувъ въ залъ, онъ увидѣлъ, что Ярыгинъ въ томъ же креслѣ спитъ передъ потухшимъ каминомъ, окруженный бутылками, валявшимися на полу.

— Въ себѣ вашъ баринъ будетъ, когда проснется? — спросилъ онъ кого то изъ домашнихъ.

— По разному бываетъ. Долго проспитъ — человѣкъ человѣкомъ станетъ, а не дай Богъ, коли раньше времени проснется. Такъ заколобродитъ, что святыхъ вонъ выноси.

Мурзаевъ ушелъ въ Прудищи. Возвращаясь часа черезъ три, онъ еще издали услыхалъ шумъ, крики и два выстрѣла.

— Собака, сволочь, его разбудила,—доложилъ «Баринъ». — Теперь толку не будетъ. Слуги говорятъ, что сегодня до ночи пробуянитъ, а затѣмъ засядетъ въ свое кресло и уже ни единаго слова не обронитъ.

— Надо уѣзжать, — рѣшилъ Мурзаевъ, — нечего даромъ время терять съ этимъ сумасшедшимъ.

— Возмите меня съ собой, — попросилъ «Баринъ», —я тутъ, кажется, все высмотрѣлъ и всѣхъ выспросилъ, Когда онъ очухается, скандалъ можетъ выйти. Я ему слово далъ съ него портретъ писать. Велѣлъ онъ списокъ составить нужныхъ красокъ и всего прочаго. А я кромѣ охры никакой краски не знаю. Опять же съ портретомъ, — заборы красилъ, ну а съ портретомъ боюсь, что дѣло не выдетъ. Больше ничего здѣсь не вызнаешь. Хотя впрочемъ только сегодня случайно одну интересную вещь узналъ.

— Что такое?

— Къ слову пришлось. Слуги разболтались о томъ, каковъ баринъ во гнѣвѣ. Кто то вспомнилъ, какого шума Ярыгинъ надѣлалъ изъ за затерявшейся склянки, привезенной имъ изъ города. Кричалъ, что вы де всѣ, канальи, какъ тараканы передохнете отъ того, что въ склянкѣ находится. Коли перекалѣете мнѣ въ этомъ корысти нѣтъ, — не для васъ припасалъ.

— Не безъинтересно, — промолвилъ Мурзаевъ. — Вѣрно, что вамъ дѣлать здѣсь нечего. Лучше въ городѣ займитесь аптекарями, — кто изъ нихъ по знакомству съ Ярыгиномъ могъ его снабдить ядомъ.

12.

Дня черезъ два послѣ возвращенія изъ Горокъ Мурзаевъ зашелъ къ Махарадзе. Встрѣтила его Аріадна Георгіевна очень утомленная послѣ своей поѣздки. Около губъ легла страдальческая складка, взлядъ былъ

мраченъ, что однако дѣлало ее еще болѣе красивой.

— Хорошо, что пришли, — встрѣтила она Мурзаева, — хотѣла сама къ вамъ пройти, но силъ не было. Я такъ устала и физически и нравственно.

— Я вамъ говорилъ, что наше дѣло не легкое. Къ тому же навѣрное даромъ проѣхались?

— Не знаю. И да, и нѣтъ. Сама я почти убѣдилась, что дѣло не обошлось безъ рукъ Берлогина, но какихъ либо прямыхъ уликъ годныхъ для васъ не имѣю.

— Что же вы узнали?

— Пріѣхавъ въ Козьмо-Демьянскъ, я сейчасъ же узнала, что онъ на плотахъ. Повидавшись съ теткой игуменьей монастыря, я пошла на волжскій берегъ, гдѣ сразу на него натолкнулась. Берлогинъ при видѣ меня остолбенѣлъ отъ неожиданности, я со своей стороны проявила удивленіе не менѣе его. Нѣсколько ласковыхъ взоровъ, два три теплыхъ слова было достаточно для того, чтобы онъ размякъ. Я объяснила свой пріѣздъ желаніемъ отдохнуть въ монастырѣ отъ бросаемыхъ на меня со всѣхъ сторонъ взглядовъ любопытства, а не рѣдко и злорадства. Дала ему понять, что рада встрѣчи съ нимъ, какъ съ человѣкомъ искреннимъ, простымъ и расположеннымъ ко мнѣ, съ которымъ могу отвести душу. Въ теченіи трехъ дней мы совершали съ нимъ ежедневно загородныя прогулки, такъ какъ мнѣ было неудобно принимать его въ монастырѣ.

— Вызнали вы отъ него что нибудь?

— Не знаю, какъ на это вамъ отвѣтить. Какъ будто очень много, а какъ будто и ничего. У него особенная рѣчь, пересыпанная присказками да прибаутками. По вечерамъ на свѣжую память я записывала всѣ эти его изрѣченія. Изъ нихъ то, соединенныхъ въ одно цѣлое, у меня составилось мнѣніе о его причастности къ убійству. А вы ужъ сами дѣлайте свои выводы. Заговорили мы съ нимъ о смерти князя, а онъ говоритъ: «кого Богъ укажетъ, тотъ самъ помретъ, а другого люди приберутъ», или: «жить живи, да честь знай, а чужой доли не заѣдай, а заѣлъ, такъ окалѣвай». По поводу предстоящаго моего брака съ княземъ изрекъ: «гдѣ вѣнчаютъ, тамъ и погребаютъ», а потомъ прибавилъ: «не бойся смерти, а бойся чертей, не бойся чорта, а бойся ворога». Въ одну

изъ прогулокъ началъ дѣлать мнѣ намеки о неостывшей его любви ко мнѣ, и опять прибаутка: «люди мрутъ, намъ дорогу трутъ», а потомъ вдругъ брякнулъ: «смышленый да смѣлый знаетъ, кого на племя пустить, а кого на живодерню». И все въ такомъ родѣ. Какъ то грубо, нелѣпо, но себѣ на умѣ.

Разсказывая Аріадна Георгіевна сильно нервничала. Мурзаевъ, слушая ее, машинально взялъ со стола какую то толстую книгу. Она вырвала ее изъ его рукъ и отбросила въ уголъ.

— Терпѣть не могу, чтобы просматривали книгу, когда я говорю, — чуть не крикнула она, но взявъ себя въ руки, сейчасъ же перемѣнила тонъ. — Простите, Иванъ Григорьевичъ, за рѣзкость. Видите, какъ у меня истрепаны нервы. Изъ за такихъ пустяковъ могу вспылить.

— Что это — Библія? — спросилъ Мурзаевъ.

— Да, Библія. Тетка игуменья благословила.

— Не касался ли разговоръ вашъ съ Берлогинымъ послѣдней его встрѣчи съ княземъ?

— Какъ же. Хотя онъ видимо избѣгалъ этой темы. Тоже знаменательную поговорку высказалъ: «кобыла съ медвѣдемъ тягалась, одинъ хвостъ да грива осталась». Это особенно пикантно въ связи съ тѣмъ, что онъ любитъ себя именовать медвѣдемъ. Когда рѣчъ зашла о пропажѣ большой суммы денегъ, онъ пробурчалъ себѣ подъ носъ: «у кого пропало, у того во лбу торчало, а кто нашелъ, тому на здоровье». Надо сказать, что еслибы не эти присказки, то его рѣчь была бы рѣчью невиннаго человѣка, но собранныя вмѣстѣ они на меня произвели неотразимое впечатлѣніе.

— Впечатлѣніе получается, — согласился Мурзаевъ, — но безъ чего нибудь болѣе реальнаго, все это — не улика.

— Знаете, что я вамъ скажу. При удачѣ, можетъ быть, удастся найти и реальное.

— Что именно?

— Не валяется ли вблизи дачнаго домика, гдѣ нибудь въ кустахъ револьверъ, брошенный тамъ Берлогинымъ послѣ убійства князя.

— Почему вы это предполагаете?

— Да все на основаніи тѣхъ же вставочныхъ его словечекъ. Узнавъ отъ меня, что револьверъ, найденный въ рукѣ убитаго, не былъ орудіемъ убійства, а что другого оружія не нашли, онъ сказалъ: «на конѣ сидѣли, а коня не нашли». Другая фраза, по этому же поводу имъ высказанная, была — вы меня простите за одно грубое слово, — «искали бы, какъ ищутъ вшей въ головѣ волосъ отъ волоса перебирая, такъ можетъ быть и нашли бы». Затѣмъ онъ высказалъ мнѣніе, что убійца постарается какъ можно скорѣе развязаться съ орудіемъ преступленія. Тутъ проскользнули двѣ фразочки. Одна: «не скобленъ, неточенъ, а тамъ же брошенъ», а другая: «не искали бы въ селѣ, а искали бы въ кустѣ».

— Это поцѣннѣе, хотя мало надежды на успѣхъ розыска, — сказалъ Мурзаевъ. — Находка револьвера придала бы всѣмъ его прибауткамъ внутренній смыслъ прикрываемой правды. Сегодня же произведемъ розыски, а потому разрѣшите проститься.

— До свиданія, дорогой Иванъ Григорьевичъ. Держите меня въ курсѣ этого столь близкаго мнѣ дѣла. Можетъ быть, я смогу оказать вамъ болѣе существенную помощь, чѣмъ эта поѣздка.

Прямо отъ Махарадзе Мурзаевъ отправился къ слѣдователю, вмѣстѣ съ которымъ, забравъ побольше народа, выѣхали въ дачный домикъ князя Кострова. Тамъ обыскали всѣ кусты, растущіе около дома, перебирая вѣтку за вѣткой. Долго ничего не находили, какъ вдругъ въ углу, не далеко отъ калитки, въ густой заросли бурьяна и репья что то блеснуло среди увядшихъ стеблей. Это оказался шестизарядный револьверъ. Въ трехъ гильзахъ были пули, а три патрона были использованы.

— Удачно онъ упалъ не прямо на землю, а на сушнякъ, — замѣтилъ слѣдователь, — не успѣлъ нисколько заржавѣть. Это можетъ помочь экспертизѣ. Сегодня же отошлю его полковнику Лѣтнякову.

13.

Въ дальнемъ углу второй комнаты третьеразряднаго трактира за столикомъ сидѣлъ старый, рыхлый человѣкъ съ одутловатымъ, плохо бритымъ лицомъ. На столѣ передъ нимъ стояла бутылка водки и какая то не-

затѣйливая закуска. Онъ протянулъ было руку къ бутылкѣ, но раздумалъ, взглянувъ на дверь въ ожиданіи чьего то прихода. Вошедшій Рыбаковъ остановился посреди комнаты, осматривая ее черезъ пелену табачнаго дыма. Найдя кого нужно, онъ прошелъ въ дальній уголъ комнаты.

— Давно меня ждете? — спросилъ онъ, здороваясь.

— Ничего-съ. Мѣсто привычное, абонированное, — отвѣтилъ Скальскій.

— Онъ еще не приходилъ?

— Придетъ. Хористка его занята сегодня въ спектаклѣ. Ему некуда кромѣ какъ сюда податься. Я же ему обѣщалъ, что сегодня моя очередь выставлять угощеніе. Чуръ за вашъ счетъ. Не откажется.

— Говорили ему, что кліентъ предвидится? Два, дескать, домашнихъ обязательства сфабриковать надо.

— Намекалъ. Понялъ. Тѣмъ болѣе придетъ. Онъ теперь на мели — безъ денегъ.

— А вы что же не выпьете? — предложилъ Рыбаковъ.

— Охота большая, да ранѣе дѣла остерегаюсь, чтобы голову не затуманить. Впрочемъ одну то можно. А вы?

Скальскій налилъ водку, расправилъ усы и медленно небольшими глотками выпилъ до дна.

— Здорово! — крякнулъ онъ съ удовольствіемъ, — курево есть?

Закуривая, Скальскій закашлялся заливчатымъ, клокочущимъ кашлемъ, не отпускавшимъ его минуты три.

— Эко, какъ васъ трясетъ, — сказалъ Рыбаковъ, — вы бы полѣчились.

— Не поможетъ. Одинъ докторишка совѣтовалъ по утрамъ какія то воды пить. Ерунда, — прохрипѣлъ Скальскій, отдышавшись.

— Другимъ то помогаетъ.

— Да не мнѣ. Будетъ ли толкъ, коли утромъ по совѣту врача карлсбадское, а вечеромъ по своему почину кабацкое. Вашъ начальникъ то уѣхалъ?

— Сегодня съ одиннадцатичасовымъ уѣзжаетъ, а по-

ка гдѣ нибудь по городу рыскаетъ, благо что знакомыхъ у него здѣсь много.

— Т-а-а-акъ-съ. Вы, значитъ, по сыскной части служите? Невыгодное дѣло, — сказалъ Скальскій.

— Что такъ?

— Постороннихъ доходовъ мало. По наружной полиціи куда пріятнѣе — иногда большія деньги можно подработать.

— Ну, ужъ и большія.

— Понятно, умѣючи. Полиція, если она со смысломъ, какъ попъ съ живого и съ мертваго возьметъ.

— Положимъ, съ мертваго то взятки гладки. Его не запугаешь.

— Приходилось. Выдумка нужна, ну а это не всякому дано. Вотъ послушайте, — началъ, воодушевляясь, Скальскій. — Былъ я приставомъ въ Питерѣ. Тамъ съ домовладѣльцевъ и торговыхъ предпріятій къ Рождеству и къ Пасхѣ по положенію добровольныя приношенія идутъ. Какъ то Святки миновали, а отъ домовладѣльца и купца 2-ой гильдіи Ивана Трофимовича пакета нѣтъ. При встрѣчѣ напомнилъ. Позабылъ, говоритъ, пришлю. Жду пожду, время идетъ, а присыла нѣтъ. Не порядокъ. Опять напомнилъ. Молчитъ. Я санитарный протокольчикъ. Не дѣйствуетъ. А тѣмъ временемъ Пасха пришла, и на Пасху манкировка. Э-э, думаю, голубчикъ, тобой нужно посерьезнѣе заняться. А онъ, подлецъ, возьми да на Фоминой и помри. Неужто же думаю, моимъ кровнымъ денежкамъ да еще за два срока пропадать. Нѣтъ, братъ, шалишь — этотъ номеръ не пройдетъ. Жилъ онъ въ третьемъ этажѣ, значитъ лѣстница то о шести маршахъ. да крутовата была. А напротивъ его дома трактиръ былъ. Сѣлъ я тамъ у открытаго окошечка, чай попиваю, а городовому наказалъ, какъ изъ квартиры гробъ выносить начнутъ, — махни. Вижу, къ подъѣзду кареты да коляски одна за другой подкатываютъ. Именитое купечество на выносъ съѣзжается. Глянь — машутъ. Я туда. Гробъ то какъ разъ по среднему маршу спускаютъ. Голова покойника на верху, ноги внизу. Я такъ то вѣжливенько: «а разрѣшеньице на погребеніе имѣете?» Знаю, что никто, кому ранѣе не приходилось хоронить, не вѣдаетъ про надобность такого разрѣшенія. Род-

ственники смущены. «Именитое» сзади напираетъ. «Нельзя ли» — шепчутъ. — «Господи, Боже мой, говорю, да не только можно, а мы по долгу службы обязаны на встрѣчу господамъ обывателямъ итти. Самъ сейчасъ сбѣгаю въ часть, наскоро напишу. Всего десять минуточекъ здѣсь подождите.» Ну-съ, а каково покойному то Ивану Трофимовичу цѣлыхъ десять минутъ на лѣстницѣ чуть не вверхъ тормашками ожидать, да еще при всемъ именитомъ купечествѣ. Пошептались — чувствую, что въ карманъ пальто мнѣ что то сунули. Отошелъ въ сторонку, вижу — тутъ тебѣ и Рождественскія, тутъ тебѣ и Пасхальныя, да видимо еще и на Троицу что то прикинули. «Ну что же, говорю, на себя грѣхъ возьму. Несите. Только изъ уваженія къ покойному. Скорблю, что такіе почтенные люди, можно сказать — оплотъ, насъ покидаютъ. Душой скорблю. . .» Такъ то, А вы говорите, что съ мертваго не возьмешь. Со всякаго взять можно, только нужно знать — съ кого, когда и какъ, — закончилъ Скальскій, закашлявшись послѣ такой длинной рѣчи болѣе, чѣмъ раньше. Когда у него припадокъ кашля окончился, Рыбаковъ сказалъ:

— Что же Рожновъ не идетъ?

— Да, что то запаздываетъ. Удивительное дѣло. Онъ по этой части аккуратный. — отвѣтилъ Скальскій, щелкнувъ пальцами по бутылкѣ. — А вотъ я вамъ еще случай разскажу . . . , — началъ онъ сообщать рядъ эпизодовъ, какъ ему удавалось сорвать хорошія взятки.

Рыбаковъ слушалъ его краемъ уха, поглядывая на дверь, но когда пробило одиннадцать, онъ всталъ.

— Нѣтъ, видимо, не придетъ. Устройте свиданіе завтра.

— Подождите, присядьте, — просилъ Скальскій. — можетъ быть, еще явится. Если до двѣнадцати не придетъ, ну тогда нечего дѣлать. У васъ, конечно, мягкаго воска нѣтъ?

— Воска? — нѣтъ. Это зачѣмъ? — спросилъ Рыбаковъ.

— Я вамъ дамъ кусокъ. У Рожнова есть привычка — какое то художественное разгильдяйство. Пока разговариваетъ и пьетъ, всѣ свои карманы опорожнитъ. Вокругъ себя на столѣ все разложитъ и папиросы и пла-

токъ и кошелекъ. Въ кабакѣ, какъ у себя дома, располагается. Тутъ же и ключъ отъ квартиры окажется. Кому изъ насъ будетъ сподручнѣе, тотъ на воскѣ оттискъ ключа сдѣлаетъ. Потомъ можно будетъ ему визитъ нанести, когда его дома не будетъ.

— Дѣло рискованное, — возразилъ Рыбаковъ.

— Не рисковать — ничего не знать. Начальства что ли боитесь? Умный при удачѣ похвалитъ, при неудачѣ промолчитъ, а глупый все равно обругаетъ. Вотъ къ примѣру сказать, знаете ли какъ одинъ приставъ отъ самаго Государя Императора Александра третьяго взятку получилъ.

— Что за вздоръ, — сказалъ Рыбаковъ.

— Ей Богу. Идетъ царь мимо пристава да вдругъ и спросилъ: «со всѣхъ домовъ приношенія получаешь?» А тотъ въ отвѣтъ: «такъ точно, Ваше Императорское Величество, кромѣ одного.» — «Это съ котораго же?» — заинтересовался царь. — «Съ № 65 по Невскому проспекту, Ваше Императорское Величество.» А подъ этимъ номеромъ Аничковскій дворецъ значится. Царь разсмѣялся и изволилъ приказать: «выдавать этому подлецу къ Рождеству и къ Пасхѣ по положенію вровень съ сосѣдями, за то, что правду сказалъ.» Такъ то. А почему? Потомучто — умъ. А глупый прокуроришко меня со службы выкурилъ за то, что я по искренности сказалъ ему, что мало вниманія на жидовъ обращаютъ. . — вдругъ Скальскій оборвалъ разсказъ и шепнулъ: — а-а, пришелъ.

Рыбаковъ въ одинъ моментъ преобразился. На его мѣстѣ сидѣлъ уже не онъ, а не то купчикъ изъ мелкихъ, не то лавочникъ. Къ ихъ столу подошелъ Рожновъ. Онъ былъ необычайно сумраченъ.

— Просимъ къ нашему хлѣбу соли, — началъ приговаривать Рыбаковъ, — для ради пріятнаго компанства. Вамъ чайку покушать, а намъ умныхъ рѣчей послушать. Садитесь — гостемъ будете.

Рожновъ, поздоровавшисъ, сѣлъ между Рыбаковымъ и Скальскимъ.

— Рады знакомству. А мы будемъ купеческій племянникъ Варсанофій Парамоновъ. Ну что же — для почину, выпьемъ по чину, — предложилъ Рыбаковъ.

Выпили.

— Чарка на чарку, не палка на палку — вытерпишь, — налилъ Рыбаковъ по второй.

— Эй, милый, — остановилъ онъ пробѣгавшаго мимо полового, — что у васъ тамъ на кухнѣ есть?

— Блинковъ не прикажете ли?

— Тащи ихъ сюда. Блинъ не клинъ, брюха не расколетъ.

— Ершиковъ не подать-ли? Либо колбаску поджаримъ?

— Кишка свиная — ѣда не худая. Давай и колбасу. А ершей самъ ѣшь. Для такой рыбки нужны глаза прытки. На грошъ съѣшь, на гривну хлѣба расплюешь. Закусочку сооруди позабористѣе такъ, чтобы съ одной рюмки на другую позывало.

— Рѣдьку со сметаной одобряютъ.

— Ну нѣтъ, братъ. Рѣдьку ѣсть съ господами, а спать итти со свиньями. Селедку изготовь, да луку къ ней побольше. Лукъ сниметъ любой недугъ. Вали поскорѣе. Усердствуй.

— Что же, господа, — обратился онъ къ Рожнову и Скальскому, — рюмочка катокъ покатися мнѣ въ ротокъ. Здравствуй, стаканчикъ, прощай винцо. Такъ что ли?

На каждую новую рюмку у Рыбакова находилась новая приговорка. Бесѣда оживлялась. Сумрачныя тѣни сбѣгали съ лица Рожнова. Когда онъ на восьмой или девятой рюмкѣ попробовалъ было отказаться — больше ради приличія — Рыбаковъ хлопнулъ дружески его по плечу.

— Эхъ милый, скажи спасибо кувшину, что разсѣялъ кручину.

— И впрямь такъ, — согласился Рожновъ, начиная хмѣлѣть.

— У Варсанофія Парамоновича до васъ дѣльце есть, — началъ Скальскій, обращаясь къ Рожнову.

— Это насчетъ чего?

— Съ одной картинки другую смастерить надо бы, — сказалъ Рыбаковъ.

— Скопировать значитъ? — масломъ или въ карандашѣ?

— Зачѣмъ масломъ,—чернилами. Да такъ чтобы попохожѣе. Какъ сказывается, чтобы тотъ же медвѣдь да въ другой шерсти.

— Портретикъ желаете заказать?

— Въ родѣ того. Только понимаете — человѣка узнаешь не только по оброжью, а и по прописи. Требуется, чтобы вышли тѣ же портки, да узлы позади. Одинъ калачъ съ виду стоилъ бы другого калача, а охотникъ бы оба сожралъ.

— Понимаю, что вамъ надо, — сказалъ, подумавъ, Рожновъ, — только не до того мнѣ теперь — не то на умѣ.

— Поблагодарствуемъ, какъ слѣдуетъ.

— Принимайте заказъ, — вмѣшался Скальскій. — вѣдь безъ денегъ сидите, и впредь ни откуда не предвидятся.

— А ты провидецъ, помалкивай. — оборвалъ его Рожновъ. — Захочу, такъ завтра же у меня въ карманѣ тысячи будутъ, а черезъ недѣлю другую сотни тысячъ.

— Скиньте малость. — ухмыльнулся Скальскій, — и то ладно будетъ, коли одна сотняжка навернется. хотя бы и безъ тысячъ.

— А когда тебѣ дураку говорятъ, такъ не возражай, коли дѣла не знаешь,—разсердился Рожновъ. — Завтра мнѣ одно слово сказать, такъ богачемъ стану. Въ Италію поѣду, въ Парижъ. Вновь человѣкомъ сдѣлаюсь. Къ искусству вернусь. О маэстро Рожновѣ міръ заговоритъ, — выкрикивалъ онъ, болѣе и болѣе хмѣлѣя.

— Такъ зачѣмъ дѣло стало? — подзадаривалъ Скальскій,—хватайте ваши тысячи и меня не забудьте. Мнѣ то много не нужно. Двѣ красненькія на поминъ нашей дружбы отвалите — мнѣ и довольно. Не зѣвайте, сотни то тысячъ на улицахъ не каждый день валяются.

— Не желаю. Отказался. Боюсь. Живымъ псомъ лучше быть, чѣмъ дохлымъ львомъ. Вчера тотъ ноги протянулъ, а завтра меня вслѣдъ ему отправятъ, коли чѣмъ не потрафлю, — выбрасывалъ отдѣльныя фразы Рожновъ, разговаривая больше съ самимъ собой, нежели съ собесѣдниками.

— Кто же это ноги протянулъ? — вкрадчиво спросилъ Скальскій.

— Не твоего ума дѣло, — отрѣзалъ Рожновъ и обратился къ Рыбакову, —такъ какъ же насчетъ вашихъ картинокъ? длинныя, на какую сумму?

— Обѣ вмѣстѣ тысячъ на двѣнадцать. Каждая строкъ въ десять.

— Образцы съ чего снимать есть?

— Предоставимъ.

— Сто, — какъ отрубилъ Рожновъ.

— Дороговато будетъ. Кабы четвертной.

— Не понимаете, что покупаете. Это не день, не два надо работать. Нужно изучить тѣ каракули, что вы мнѣ принесете, а потомъ долго практиковаться. Я вѣдь не на оконномъ стеклѣ срисовываю, а свободной рукой изготовляю.

— Ладно, только изъ уваженія,—по четвертному со штуки, значитъ сѣренькая за обѣ.

— Сказано сто, и ни гроша меньше.

— Уступили бы, вѣдь двѣ четвертныя — ой какія деньги, — вмѣшался Скальскій, — а если господинъ Парамоновъ еще одну накинетъ, такъ и кончайте. Бабушка на двое сказала, будете вы али нѣтъ міръ то удивлять со своими тысячами, а семьдесятъ пять рубликовъ пока что пригодились бы дѣтишкамъ на молочишко.

— Не путайся не въ свое дѣло. Не этимъ, говорю, моя голова сегодня занята. Наливай-ко, не задерживай, — молвилъ Рожновъ, склонивъ голову на руки и впадая вновь въ мрачное настроеніе.

— Налить не только можно, но и должно, — обидчиво отвѣтилъ Скальскій, — а только скажу, что коли ранѣе никого не удивили, такъ теперь уже опоздали міръ удивлять. Въ вашихъ Италіяхъ опять какъ здѣсь ребятъ будете учить писать, такъ это удивленіе не большое.

— Болванъ, — обругался Рожновъ, разсердившись, отчего хмѣль еще болѣе ударилъ ему въ голову. — Если бы надумалъ туда ѣхать, такъ не затѣмъ, чтобы учить, а чтобы самому учиться по образцамъ великихъ мастеровъ. Ты то всегда былъ кабацкой затычкой, а я когда то удивлялъ, хоть не міръ, но настоящихъ цѣнителей искусства. Когда я въ Академіи былъ, то изо всѣхъ выдѣлялись — я, Костровъ да еще третій — теперь самъ

профессоромъ сталъ. На золотую медаль конкурировали. А понимаешь ли ты, что такое золотая медаль? Это — заграничная командировка на четыре года, а за ней грядущая слава.

— Чего же не поѣхали? — подзадаривалъ Скальскій, — али кишка тонка оказалась, либо тотъ, какъ его вы называли, Костровъ что ли ,перефасонилъ, и у васъ изъ подъ носа командировочку слизнулъ?

— Костровъ и безъ командировки могъ бы всю Европу взадъ и впередъ изъѣздить. Не въ томъ дѣло. Разошелся я съ профессорами во взглядахъ на искусство, ну и отмочилъ имъ коку съ квасомъ. Задали намъ тему: «снятіе съ Креста». Трактую я: пустыня, три креста съ распятыми, въ сторонѣ робко жмутся близкіе Христа, а съ другой стороны группа фарисеевъ, книжниковъ и прочей сволочи. Рожи у нихъ противныя, любопытствующія. Радость въ подлыхъ глазахъ свѣтится при видѣ распятаго Христа. . .

— Такъ чего же тутъ профессорамъ то не понравилось?

— А ты слушай, да не перебивай. Въ то время въ Академіи классицизмъ процвѣталъ. Рѣпина за еретика считали. А я трактую реально: вѣдь Палестина, значитъ жара. Трупное тлѣніе должно быстро итти. Я это и изобразилъ такъ, что отъ картины по носу мертвечиной бьетъ. Каждому конкуренту особая мастерская отводилась въ третьемъ этажѣ. Ежемѣсячно по мастерскимъ комиссія профессоровъ проходила. Пришли ко мнѣ, возмутились и раскритиковали мою работу въ пухъ и прахъ. Я обозлился. Думаю — будетъ вамъ на орѣхи. Къ слѣдующему обходу я у всей жидовской сволочи, что Христа распяли, физіономіи переписалъ. Всю комиссію изобразилъ. Постарался, чтобы сомнѣнія не было въ сходствѣ. На анахронизмъ пошелъ — одному на носъ пенсне надѣлъ. Пришли — покраснѣли, какъ раки вареные. Молчатъ, а сами другъ на друга исподтишка поглядываютъ — похожъ ли. Понятно и медаль и заграничная поѣздка прахомъ пошли. Пришлось мнѣ вмѣсто славы къ подлецу Хохбергу подъ началъ итти, учить ребятъ носы да уши рисовать. А это — художнику крышка.

— Это изъ какихъ Костровыхъ? — спросилъ Рыбаковъ. — У насъ въ городу изъ конторы князей Костровыхъ соль-пермячку закупаютъ. Не изъ тѣхъ ли?

— Шутъ его знаетъ, можетъ быть и изъ тѣхъ. Знаю только, что у него съ братомъ куры денегъ не клюютъ. Вѣрнѣе сказать «не клевали», такъ какъ теперь его брата самого клюнули.

— То есть какъ такъ клюнули?

— А такъ, что онъ больше уже не будетъ около чужой курицы топтаться. Дрыгнулъ пѣтушокъ къ верху ножками, да такъ и остался.

— Приходилось вамъ съ нимъ потомъ встрѣчаться? Онъ, можетъ быть, по товариществу отъ своего богачества вамъ бы и помогъ.

— Встрѣчаться не встрѣчался, а перекрестъ на нашихъ жизненныхъ путяхъ вышелъ. Оттого и въ Италію ѣхать не хочу, и на тысячи плюнулъ. Не желаю какъ его братъ травленной крысой оказаться. Взялся я было за гужъ, да вижу, что дюжъ. На починъ хватило, а то конца не дотяну.

— Это какъ же — травленной крысой? — спросилъ Рыбаковъ.

— А вы уши распустили, что вамъ пьяный городитъ,—спохватился Рожновъ, стараясь отогнать хмѣль. — Пьяное слово мимо ушей пропускай. Вздоръ вздоромъ помножишь, такъ и выйдетъ чепуха. Спать хочу. Спасибо за угощенье. О цѣнѣ завтра поговоримъ на свѣжую голову.

Рожновъ собралъ свои вещи, разбросанныя по столу, разсовалъ ихъ по карманамъ и нетвердыми шагами вышелъ изъ трактира.

— Завтра предоставлю вамъ ключикъ отъ его квартиры, — сказалъ Скальскій Рыбакову.

— Какъ такъ?

— Когда онъ разсказывалъ, какъ онъ жидовъ въ профессоровъ перемазывалъ, я его ключъ къ воску притиснулъ. Полюбуйтесь — любой слесарь сдѣлаетъ.

На другой день Скальскій, передавая ключъ Рыбакову, сообщилъ, что вечеромъ Рожновъ будетъ на пирушкѣ у своей хористки. Приглашенъ туда и Скальскій,

который брался не выпускать Рожнова съ пирушки ранѣе часа ночи.

— Его пѣвичка хорошо одѣвается, — замѣтилъ Рыбаковъ, — видимо на сторонѣ подрабатываетъ. Сегодня на задней аллеѣ городскаго сада я ихъ видѣлъ.

— Чулки новы, пятки голы. Вотъ ея нарядъ, — возразилъ Скальскій. — Съ лица ничего себѣ, смазливенькая — такой кругляшокъ.

— Нѣтъ, то была высокая, стройная, а лица не видалъ. Подъ густой вуалью была.

— Стало быть какую нибудь другую приспособилъ.

Вечеромъ Рыбаковъ былъ на квартирѣ Рожнова. Тамъ былъ такой хаосъ, какой можетъ быть только у опустившагося человѣка, для котораго квартира является лишь логовищемъ для ночлега. Въ виду скудности обстановки не потребовалось много времени для осмотра всего помѣщенія. Ничего интереснаго найти не удалось. Передъ уходомъ Рыбаковъ, сидя за столомъ, закурилъ и бросилъ спичку на полъ. Не желея оставлять никакого слѣда своего здѣсь пребыванія, онъ сейчасъ же ее поднялъ. Нагибаясь за спичкой, онъ замѣтилъ, что одна изъ ножекъ стола была подоткнута комкомъ бумаги. Вытащивъ изъ подъ стола и расправивъ этотъ комокъ, онъ увидалъ многократно написанныя одни и тѣже слова: «въ смерти», «въ смерти моей», «никого» «никого», — «въ смерти моей никого не винить» . . . Вся оборотная сторона листа была исписана однимъ словомъ: «Костровъ, Костровъ, Костровъ. . .» съ росчеркомъ.

Рыбаковъ пробылъ въ городѣ еще два дня, ежедневно встрѣчаясь съ Рожновымъ и Скальскимъ въ трактирахъ, но чего нибудь новаго, касающагося смерти князя Кострова, не выяснилъ. На третій день утромъ къ нему, запыхавшись, прибѣжалъ Скальскій.

— Пойдемъ скорѣе на квартиру Рожнова. Онъ только что получилъ какое то письмо, сильно его взволновавшее. Его самаго сейчасъ дома нѣтъ, а письмо по всей вѣроятности осталось на квартирѣ.

— Какъ вы узнали?

— Встрѣтилъ я его хористку — спѣшитъ на репетицію. Обрадовалась, увидавъ меня, и просила скорѣй пройти къ Рожнову, чтобы онъ немедленно бѣжалъ въ

театръ. Работишка для него навернулась. Какую то декорацію подмалевать надо наскоро. Только что мы съ нимъ закурили, какъ приноситъ почтальонъ письмо. Рожновъ, прочитавъ его, темнѣе ночи сдѣлался. Сунулъ письмо въ боковой карманъ пиджака. Я его тороплю въ театръ итти, а онъ тычется безъ толку изъ угла въ уголъ по комнатѣ, точно угорѣлый. Наконецъ собралъ краски и кисти, скинулъ пиджакъ, надѣлъ рабочую блузу ,и мы вмѣстѣ вышли изъ квартиры. Онъ въ театръ, а я къ вамъ. Не замѣтилъ я, чтобы онъ письмо изъ пиджака въ блузу переложилъ.

На квартирѣ Рожнова они нашли пиджакъ брошеннымъ на кровать, но карманы его были пусты. Только разсмотрѣвъ пиджакъ болѣе тщательно, они увидали, что одинъ изъ кармановъ былъ продранъ. За подкладкой было найдено письмо. Пишущій требовалъ отъ Рожнова согласія на что то ему предложенное. Была угроза обо всемъ сообщить прокурору, если въ трехдневный срокъ не будетъ полученъ положительный отвѣтъ. Кончалось письмо фразой: «я себя не пожалѣю. У меня руки въ крови, а у тебя въ чернилахъ. Въ нашемъ дѣлѣ это все равно. Безъ чернилъ не было бы и крови.» — Ни адреса ни подписи въ письмѣ не было. Не было ни одной фразы, по построенію которой можно бы было опредѣлить, писано ли письмо мужчиной или женщиной. На полу валялся конвертъ. На немъ были почтовые штемпеля города, бывшаго въ сторонѣ какъ отъ города, гдѣ жилъ Рожновъ, такъ и отъ города, гдѣ былъ убитъ князь Костровъ.

— Я сегодня уѣзжаю,—заявилъ Рыбаковъ Скальскому, — а вы во-первыхъ слѣдите за Рожновымъ, чтобы онъ не вздумалъ скрыться, а во-вторыхъ постарайтесь въ точности установить, не отлучался ли онъ изъ города за послѣдніе десять дней.

— Это у меня выяснено. Ни на одинъ день. За это время не было ни одного вечера, чтобы мы не встрѣчались съ нимъ въ какомъ нибудь кабакѣ.

— До свиданія. Ждите хорошей награды отъ наслѣдниковъ убитаго князя Кострова.

14.

Въ то время какъ Рыбаковъ со Скальскимъ охаживали Рожнова, Мурзаевъ вечеромъ того дня, когда былъ найденъ около дачнаго домика револьверъ, выѣхалъ въ Козьмо-Демьянскъ. Ему хотѣлось личнымъ наблюденіемъ провѣрить впечатлѣніе, составившееся у него о Берлагинѣ со словъ Аріадны Георгіевны. Въ Козьмо-Демьянскѣ онъ Берлогина не засталъ, такъ какъ тотъ наканунѣ уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ. Мурзаевъ рѣшилъ съ ночнымъ пароходомъ проѣхать туда же.

Укутавшись потеплѣе, сидѣлъ онъ на пристани, поджидая снизу пароходъ, который запаздывалъ. Ночь была темная, беззвѣздная. Передъ глазами стояла черная стѣна, только гдѣ то вдали мерцало нѣсколько огоньковъ на поверхности воды. То были сигнальные огни бакеновъ на отмеляхъ. Полная тишина нарушалась лишь плескомъ воды о борты пристани. Другихъ пассажировъ не было. Чувство одиночества, какой то оброшенности охватило Мурзаева. Пригрѣвшись, онъ началъ подремывать подъ ритмическій плескъ воды.

— Бѣжитъ, та только не твой. — разбудилъ Мурзаева голосъ подсѣвшаго къ нему старика-пристанщика. — Теперь пароходы сторожко идутъ, потому и запаздываютъ. Не приведи Богъ, ежели по такой темени на мель напорется. До вешней воды обсохнуть можетъ тамъ, гдѣ сѣлъ.

— Почему ты, дѣдъ, знаешь, что пароходъ идетъ? — спросилъ Мурзаевъ, вглядываясь въ темноту и напрягая слухъ.

— Не слышишь развѣ — плицами то хлопаетъ. Еще далече. А не твой, потому что караванъ за собой ведетъ. По стуку слышно, какъ ему въ гору трудно переть. А тебѣ нуженъ легкій. Глянь — видишь два глаза одинъ надъ другимъ показались. Значитъ буксиръ, пассажирскій съ однимъ фонаремъ на мачтѣ идетъ.

— Берлогина, дѣдъ, знаешь? — спросилъ Мурзаевъ.

— Какъ такого ироя не знать. Его, братъ, по всѣмъ рѣкамъ знаютъ. Ужъ и попито у него было позавчерась. Ой-ой-ой шума было. Пока тутъ Самолетъ стоялъ, безъ мала полбуфета вылакали шипучаго.

— Съ чего же онъ такъ развеселился?

— Значить, брать, мошна туга. Съ пустого кармана не запируешь. Купцовъ угощалъ.

— Видалъ ты, чтобы онъ съ дамой гулялъ?

— Это что за «дама» такая?

— Ну съ дѣвицей, что-ли?

— Какъ, чать, такому жеребцу да безъ дѣвки обойтись. Знамо гулялъ. Хлостой, что бѣшеный.

— Значить, ты видѣлъ ее?

— Какъ увидишь? Съ дѣвкой гуляючи, отъ людей хоронишься. А люди, баютъ, подмѣтили.

— Кто же она?

— Да ужъ, братъ, люди знаютъ, кто передъ имъ пятками сверкалъ, да подолъ подтыкалъ.

— Какъ пятками сверкалъ? Кто?

— Да Манька Плитановская. Ой, братъ, и дѣвка — не укольшнешь.

— Да нѣтъ, не съ Манькой, а съ городской его не видали ли?

— Съ городской? Значитъ съ мамзелью што-ли? Зачѣмъ ей тутъ быть. Мамзелями онъ и въ городу по горло сытъ будетъ. Мамзель что? тьфу! — во что поцѣлуешь, на то и наплюешь. А наша то деревенская дѣвка — кругла, бѣла, что мытая рѣпка. Ну вотъ и твой идетъ снизу. Ишь какъ загребаетъ! Надоть фонарь заправить. Къ причалу махать.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ Мурзаевъ остановился въ одной изъ гостиницъ на Нижнемъ Базарѣ — поближе къ конторѣ князей Костровыхъ. Съ первыхъ же разспросовъ онъ узналъ, что наканунѣ Берлогинъ и здѣсь шумно пировалъ.

— Видно въ ходъ пошли денежки, что князь въ день смерти изъ банка взялъ, — подумалъ Мурзаевъ. — Виномъ совѣсть заливаетъ.

Берлогина онъ засталъ въ конторѣ на дѣлѣ, и объяснилъ ему свой пріѣздъ желаніемъ разспросить человѣка, который чуть не послѣдній видѣлъ князя передъ его смертью. Съ первыхъ же словъ Берлогинъ началъ сокрушаться.

— Грѣхъ по дорогѣ бѣгъ, да и къ намъ забѣгъ, — говоритъ онъ.—Этой бѣды не разжуешь, а и разжуешь.

такъ не проглотишь. Горе горемъ, что такой человѣкъ, какъ князь Всеволодъ Кириловичъ не за понюшку табака погибъ, да мнѣ то каково опричь всего безъ него съ дѣлами управляться. Не ищи жилья, а ищи хозяина. Отъ хозяйскаго глаза и конь добрѣетъ и котъ жирѣетъ. Все перейдетъ теперь къ Олегу Кириловичу, а это дѣлу матъ. Придетъ все въ тупикъ, что некуда ступить. Хорошій онъ человѣкъ, да гораздъ не дѣловой. Моты мотаетъ, дни коротаетъ. А такое дѣло какъ наше вести не задомъ трясти. Привыкъ жить за чужой, за братиной спиной. Покойный до всего самъ доходилъ, съ одного слова тебя понималъ. А хозяйство у насъ не маленькое — милліонами ворочаемъ. Такъ вѣдь золото не золото, не побывавъ подъ молотомъ. И кому князь могъ поперекъ дороги стать? Кажись никому ничего окромя добра не дѣлалъ. . . Вѣдь рѣшился же какой то злодѣй на такое дѣло. Муху убить, и то руки умыть, а онъ такого человѣка извелъ. Эхъ, радъ бы не плакать, да слезы сами льются,—окончилъ Берлогинъ, утирая обильно выступившія на глаза слезы.

Мурзаевъ, глядя на него, никакъ не могъ рѣшить, кто передъ нимъ сидитъ, — человѣкъ ли до глубины души огорченный смертью князя, или актеръ, великолѣпно проводящій свою роль. На вопросъ получилъ ли онъ отъ князя въ свой послѣдній пріѣздъ какую либо крупную сумму денегъ, Берлогинъ отвѣтилъ:

— Получилъ. Для этого и пріѣзжалъ. Срочные большіе платежи предстояли, а въ конторѣ наличныхъ не хватило на 35000, которыя получилъ отъ князя.

— Только? Расписку князю давали?

— А то какъ же иначе. Въ нашемъ дѣлѣ безъ документа запутаешься. Онъ мнѣ деньги, я ему квитокъ.

— Гдѣ же это было? Въ дачномъ домикѣ?

— Что? — уставился Берлогинъ на Мурзаева. — Это въ князевой то берлогѣ, куда онъ ѣздилъ подальше отъ людей свою лапу сосать? Нѣтъ, зачѣмъ меня туда понесло бы. Я хоть и Берлогинъ, а по чужимъ берлогамъ не лазаю. Деньги на улицѣ получилъ.

— На улицѣ? Какъ же это вышло?

— Утромъ, когда я у князя съ докладомъ былъ, обѣщалъ онъ за деньгами въ банкъ заѣхать, и велѣлъ

за ними зайти около шести часовъ вечера. Просилъ не запаздывать, такъ какъ вечеромъ онъ долженъ былъ быть у кого-то въ гостяхъ. Въ пятомъ часу случайно встрѣтился съ нимъ на улицѣ. Онъ мнѣ передалъ деньги и получилъ отъ меня заранѣе мною заготовленную расписку.

— Вѣдь съ такими деньгами вамъ приходится и по трущобамъ ѣздить. Неужто не опасно? Или вы всегда съ оружіемъ?

— Понятно, съ маузеромъ. Вотъ онъ мой товарищъ. Сколько лѣтъ съ нимъ ни на одинъ день не разстаюсь, — отвѣтилъ Берлогинъ, кладя на столъ маузоръ.

— А не приходилось вамъ терять оружіе? — спросилъ Мурзаевъ, всматриваясь въ Берлогина.

— Да неужто я вамъ кажусь такимъ Фалалеемъ — спусти рукава, — разсмѣялся тотъ.

— Не совѣтовался ли съ вами князь объ устройствѣ лѣсного хозяйства въ лѣсу, что около дачнаго домика?

— Какое тамъ лѣсное хозяйство. Тамъ одинъ разъ топоромъ махнешь, какъ мы на сѣверѣ махаемъ, такъ весь лѣсъ со всѣми кустами положишъ. Жаловался князь, что сухостоя и перероста много, такъ съ этимъ онъ безъ моего совѣта съ лѣсникомъ справится, — отвѣтилъ Берлогинъ, потирая голову.

— У васъ голова болитъ?

— Башка у меня, что пивной котелъ. Здорово вчера дернули, да и въ Козьмо-Демьянскѣ пару наддали.

— Съ чего же вы такъ разошлишь?

— Иначе нельзя. Нашего дѣла не почнешь, не покончишь, не пошумѣвъ. Купилъ-ли, продалъ-ли, — все обмыть надо. Управляющіе отъ фирмъ на это особыя безотчетныя суммы получаютъ. По столичному выражаясь «на представительство». Ну, а у насъ на Волгѣ откровеннѣе, ближе къ дѣлу называется: «на пропой». Такъ и въ книгахъ записывается.

— Эко вѣдь, у него на все отвѣтъ готовъ и объясненіе, — подумалъ Мурзаевъ и перемѣнилъ тему разговора.

— Эта смерть ни для кого не является такимъ горемъ и такимъ тяжкимъ ударомъ какъ для невѣсты

князя. Вѣдь на этихъ дняхъ должна была состояться ихъ свадьба.

— Да горе ея большое, пожалѣть надо, — отвѣтилъ Берлогинъ съ опечаленнымъ лицомъ. — Такого другого мужа ей не найти, и ликомъ пригожъ, и нутромъ хорошъ. Молода еще, поплачетъ да утѣшится. Дѣвичья память до порога, переступила и забыла. А пока что, дай ей Богъ силы такую бѣду пережить.

— Вы ее знавали?

— Мало что зналъ, а какъ впервой ее увидалъ, такъ сразу голову потерялъ. Однимъ словомъ — влюбился, какъ мышь въ коробъ свалился. Да по правдѣ сказать и теперь еще — не спишь, не лежишь, все про милую грустишь.

— Такъ вотъ бы вамъ годикъ другой пообождать, пока не утѣшится, да и заслать бы сватовъ. — пошутилъ Мурзаевъ.

— Не про меня писано, не для меня припасено. Жениться бѣда, но жениться — другая, а третья бѣда — не пойдутъ за меня. Къ тому же меня самаго малость отъ нее отворотило.

— Что такъ?

— Слыхалъ я, что она до князя съ какимъ то учителемъ любилась. Такъ вотъ, еслибы она отъ князя къ учителю перебѣжала, такъ цѣннѣе ея человѣка не было бы. Ей бы нужно было ноги мыть, да эту воду пить. А какъ она учителишку на князя смѣнила, то беретъ меня сомнѣніе: любовь то любовью, а не было ли и разсчета.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь. Я знаю этого учителя, какъ и князя, почему меня нисколько не удивляетъ происшедшая въ ней перемѣна чувствъ. Давно-ли вы ее видѣли въ послѣднiй разъ? На этихъ дняхъ въ Козьмо-Демьянскѣ съ ней не встрѣчались?

— Въ Козьмо-Демьянскѣ? За коимъ прахомъ ее туда занесетъ? Лѣсными сплававами торговать что-ли, али дрова грузить?

— Она ѣздила туда въ монастырь къ теткѣ игуменьѣ.

— Да, ну? Экая досада. Въ одномъ городѣ проживали, а другъ друга не видали. Положимъ, я то больше на берегу, а она, замолившись, видно изъ монастыр-

скихъ стѣнъ никуда не выходила. Вотъ какъ—значитъ матушка Онуфрія ей тетенькой приходится? По материнскому роду надо полагать. По батюшкѣ то Аріадна Георгіевна — кавказка, а мать Онуфрія коренная русачка изъ Макарьева Желтоводскаго. У Макарья по деньги Наталья, а на грошъ цѣлый возъ. А глядико-сь, маменька то Аріадны Георгіевны въ какія барыни вышла. Впрямь говорится, что изъ одного дерева икона и лопата дѣлается.

— Крѣпонекъ же ты, — подумалъ Мурзаевъ. — на словѣ тебя не поймаешь. Чего не объяснишь, отъ того въ чистую отопрешься. Попробую его съ другого бока.

— Удалось таки намъ разыскать оружіе, которымъ князь былъ убитъ, — сказалъ онъ.

— Вонъ какъ. Куда муха не летала, а къ вамъ въ руки попала. Гдѣ же вамъ посчастливилось?

— Да тамъ же, въ кустахъ около дома.

— Вонъ гдѣ. Тамъ гдѣ ношенъ, тамъ же и брошенъ. Видно и Каину его дубинка руки жжетъ. Поспѣшилъ съ поличнымъ разстаться.

Мурзаевъ провелъ лишній день въ компаніи съ Берлогинымъ въ надеждѣ что нибудь отъ него вывѣдать, но всѣ подходы къ нему остались безуспѣшными. Ясно было, что Берлогинъ при всемъ своемъ добродушіи и откровенности слова не скажетъ, не подумавши.

— Видимо спохватился, что въ бесѣдѣ съ Аріадной Георгіевной лишнее сказалъ, почему теперь считаетъ за лучшее отрицать самую встрѣчу, — раздумывалъ Мурзаевъ.—Если будетъ уличенъ во враньѣ, что нибудь выдумаетъ, вывернется. Скажетъ, что изъ рыцарства о прогулкахъ съ дамой умалчивалъ, или что нибудь въ этомъ родѣ. Ей самой такихъ прибаутокъ да приговорокъ не выдумать. Для этого надо либо самому изъ народныхъ массъ выйти, либо, какъ Берлогинъ, всю жизнь среди простого народа протолкаться. Ба! а про револьверъ то онъ ту-же поговорку высказалъ, что и въ разговорѣ съ Аріадной Георгіевной: «гдѣ ношенъ, тамъ и брошенъ». И причину этого въ обѣихъ бесѣдахъ одинаково объяснилъ желаніемъ убійцы поскорѣе отдѣлаться отъ поличнаго.

Узнавъ въ конторѣ князей Костровыхъ, гдѣ живетъ Павдинъ и жена его Татьяна Панфиловна, Мурзаевъ поѣхалъ къ нимъ на Каму. Попалъ туда въ праздникъ, почему засталъ всю семью въ сборѣ. Семья была не малая — отецъ съ матерью да четверо ребятъ. Такимъ радушіемъ вѣяло отъ хозяевъ, что Мурзаевъ, не успѣвъ еще хорошо съ ними познакомиться, уже чувствовалъ себя, какъ въ родной семьѣ. Ради начала знакомства онъ надумалъ передать Татьянѣ Панфиловнѣ привѣтъ отъ князя Олега Кириловича, чѣмъ сразу расположилъ ее къ себѣ.

— Спасибо на ласковомъ словѣ. Ласковое слово, что вешній день, — заговорила Татьяна Панфиловна, — и вамъ, господинъ, низкій поклонъ, что завернули до нашего дома. Дня не проходитъ, чтобы я князей Всеволода и Олега Кириловичей добромъ не помянула бы. Царствіе Небесное Всеволоду Кириловичу. Дай Богъ ему легко въ землѣ лежать, въ очи Христа видать. Нашелся же Иродъ, что на него руку поднялъ. Жизнь даетъ одинъ Богъ, а отнимаетъ всякая гадина. За все свое счастье я передъ князьями въ долгу. Малымъ подросткомъ я была, какъ круглой сиротой осталась, похоронивъ матушку. Въ сиротствѣ жить, слезы лить. А я этихъ сиротскихъ слезъ не знала, — князевы руки ихъ утерли. Наравнѣ съ родителями Всеволода да Олега Кириловичей почитаю.

Кивая головой и поглаживая бородку, Павдинъ съ видимымъ удовольствіемъ слушалъ свою жену, но прервалъ ее:

— А ты, Танечка, похлопочи. Соловья баснями не кормятъ. Безъ хлѣба да безъ обѣда плохая бесѣда.

Татьяна Панфиловна всполошилась и бросилась въ сосѣднюю комнату собирать на столъ.

— Въ Нижнемъ Новгородѣ я съ вашимъ родственникомъ встрѣтился — съ Берлогинымъ,—сказалъ Мурзаевъ, когда остался вдвоемъ съ Павдинымъ.

— Родство то наше больно далекое. Такое, что и не сочтешь. Въ родѣ того, что на его бабушкѣ сарафанъ горѣлъ, а мой дѣдушка пришелъ да руки погрѣлъ. Ему пожалуй будетъ не въ честь со мной въ родствѣ считать-

ся. Безъ родства мы Петра Ефимовича весьма уважаемъ и многимъ ему обязаны.

— Дѣловой онъ человѣкъ, кажется, — замѣтилъ Мурзаевъ.

— Другого такого поищешь, да не найдешь. Умный попъ его крестилъ. Къ тому же мудрость у него змѣиная, а кротость голубиная. Такая умная да добрая голова сто головъ около себя кормитъ. Завсе своимъ ребятамъ его въ примѣръ ставлю.

— Дѣтками то, видимо, васъ Господь благословилъ!

— А какъ безъ нихъ проживешь. Съ дѣтьми горе, а безъ нихъ вдвое. Вѣдь у насъ трое сыновъ.

— А четвертая дочка матери въ помощь растетъ?

— То чужая. Сиротка. Пріемышь. Супруга пожелала пріютить. Сама, говоритъ, въ своемъ сиротствѣ я отъ людей окромя добра ничего не видала, такъ теперь и мы должны сиротку пригрѣть. Супротивъ такого слова ничего не скажешь. Согласился я. Не строй церкви, а пристрой сироту.

— Просимъ не прогнѣваться на нашемъ хлѣбѣ-соли, — прерваала ихъ бесѣду Татьяна Панфиловна, приглашая за столъ.

Хлѣбосольство Павдиныхъ было не меньше ихъ радушія. Мужъ и жена на перерывъ угощали гостя, не давая ему ни отдыха ни срока.

— Не глядя на пирогъ, не говори, что сытъ, — приговаривала Татьяна Панфиловна, предлагая Мурзаеву третій кусокъ пирога. — Красна рѣка берегами, обѣдъ пирогами, а пирогъ — ѣдоками.

— Посолите,—сказалъ Павдинъ,—а то хозяюшка на радостяхъ мало присолила, а не солоно ѣсть, что съ немилымъ цѣловаться.

— Не обезсудьте — кусочекъ курятинки, да ломотокъ баранинки,—угощала хозяйка, наваливая на тарелку Мурзаева грудой жаркое.

Онъ со страхомъ увидалъ, что она ставитъ на столъ новое блюдо и началъ отказываться.

— Что вы? что вы? отъ киселя то отказываетесь. Кисель зубамъ не порча. Киселю да царю всегда мѣсто есть.

Вечеромъ, засыпая въ мягкой постели въ жарко ради гостя натопленной горницѣ, Мурзаевъ думалъ:

— Олегъ Кириловичъ правду сказалъ, что составитель подложнаго письма отъ имени Таты слышалъ звонъ да не узналъ, гдѣ онъ. Попалъ въ небо пальцемъ. Эта Татьяна Панфиловна вся цѣликомъ въ дѣтяхъ, въ мужѣ и въ хозяйствѣ. Болѣе довольныхъ своей жизнью людей трудно найти. За свое же благополучіе оба считаютъ себя кругомъ въ долгу передъ покойнымъ княземъ и его братомъ.

Послѣ сытнаго обѣда и не менѣе обильнаго ужина сонъ у Мурзаева былъ тяжелый. Чередомъ передъ нимъ проходили лица Ярыгина, Рожнова и Берлогина. Потомъ они сливались въ общій страшный образъ, постепенно тускнѣвшій и смѣнявшійся лишь парою глазъ, устремленныхъ на Мурзаева. Взглядъ этотъ одновременно чаровалъ и ужасалъ, давилъ какъ камень, и при томъ казался до нельзя знакомымъ. Грудь спирало отъ запаха, который онъ когда то ощущалъ въ брошенномъ на дорогѣ автомобилѣ. Среди ночи онъ со стономъ проснулся.

Въ комнатѣ отъ накаленной печи дышало жаромъ. Въ углу искрились оклады образовъ подъ лучами теплившейся передъ ними лампады. Воздухъ былъ насыщенъ запахомъ бальзамина, герани и другихъ цвѣтовъ, стоявшихъ на окнахъ. Этотъ запахъ смѣшивался съ ароматомъ какихъ то травъ, сушившихся подъ потолкомъ. Отъ всей обстановки комнаты вѣяло теплымъ уютомъ и покоемъ простой, мирной жизни.

— Нѣтъ, отсюда того запаха не занесешь. Тѣхъ духовъ здѣсь и не нюхивали, — подумалъ Мурзаевъ и вновь заснулъ крѣпкимъ сномъ, откинувъ въ сторону одѣяло и часть подушекъ.

15.

Возвратившись изъ поѣздки, Мурзаевъ прежде всего поспѣшилъ къ полковнику Лѣтнякову узнать, что выяснило изслѣдованіе оружія, найденнаго въ дачномъ домикѣ и около него, и пуль, извлеченныхъ изъ тѣла князя и трупа собаки. Лѣтняковъ категорически заявилъ, что револьверъ, взятый изъ руки князя не былъ орудіемъ преступленія. Выстрѣлы изъ него были сдѣла-

ны настолько давно, что подъ пороховымъ налетомъ на стѣнкахъ ствола успѣла образоваться ржавчина.

— Иное я могу сказать, — продолжалъ Лѣтняковъ, — про револьверъ, доставленный мнѣ впослѣдствіи и найденный, какъ мнѣ сообщено, въ кустахъ около дома. Я столь же категорически утверждаю, что выстрѣлы какъ въ князя такъ и въ его собаку были произведены именно изъ этого револьвера и никакого другого. Ради эспертизы я произелъ пробные выстрѣлы изъ всѣхъ шести камеръ револьвера. Для того, чтобы на пуляхъ пробныхъ выстрѣловъ не могло получиться слѣдовъ отъ препятствій, встрѣченныхъ пулями на пути ихъ полета, я стрѣлялъ въ воду. Вонъ видите въ углу стоитъ труба вышиной болѣе сажени? Она была наполнена водой, въ которую были произведены выстрѣлы. Пуля, попадая въ подвижную среду, какъ вода, быстро теряетъ свою силу, почему опускается на дно трубы лишь въ силу своей тяжести, не претерпѣвая никакихъ измѣненій отъ встрѣчныхъ предметовъ. Насъ могутъ интересовать только пули, выстрѣленныя изъ трехъ камеръ, оказавшихся при нахожденіи револьвера съ использованными патронами.

— Ихъ я сличилъ съ пулями, извлеченными изъ труповъ князя и собаки. При выстрѣлѣ изъ барабаннаго револьвера пуля проходитъ изъ камеры въ стволъ. Если оси камеры и ствола абсолютно точно не совпадаютъ, то на пулѣ можетъ получиться слѣдъ отъ столкновенія ея съ краемъ ствола, что мы и наблюдаемъ какъ на пулѣ, извлеченной изъ тѣла князя, такъ и на одной изъ пробныхъ пуль. На которой? Въ виду того, что барабанъ револьвера при стрѣльбѣ вращается въ одну сторону, представилось возможнымъ установить, что пуля, извлеченная изъ тѣла князя, была выпущена ранѣе пуль, выстрѣленныхъ въ собаку, т. е. что собака была убита послѣ своего хозяина.

— Производили-ли вы такое же изслѣдованіе револьвера, найденнаго въ рукѣ князя?

— Конечно, при чемъ на пробныхъ пуляхъ не оказалось слѣдовъ подобныхъ мною указанному.

— Но какой нибудь третій револьверъ, не обнаруженный, могъ оставить на пулѣ такіе слѣды?

— Нѣтъ. Эти слѣды характерны и индивидуальны. Отъ другого револьвера могъ бы получиться слѣдъ, но онъ былъ бы нѣсколько иной по размѣру, по формѣ и по очертанію. Кромѣ того я для установленія тождества револьвера не ограничился сказаннымъ. При выдѣлкѣ оружія стволъ высверливается и внутреннія его стѣнки полируются наждакомъ такъ, что получается чуть не зеркальная поверхность. Однако это только лишь для невооруженнаго глаза. Въ дѣйствительности на этой поверхности имѣются микроскопическія неровности, происходящія отъ многихъ причинъ: отъ положенія сверла въ тотъ или иной моментъ работы, отъ свойства крупинокъ наждака и отъ многаго другого. На качество оружія эти неровности не вліяютъ, но онѣ оставляютъ характерные микроскопическіе штрихи на мягкомъ металлѣ пули, проходящей при выстрѣлѣ черезъ стволъ. Насколько характерны эти слѣды для даннаго оружія видно изъ опыта, произведеннаго надъ револьверами сосѣднихъ номеровъ, т. е. выдѣланныхъ одинъ вслѣдъ за другимъ на одной и той же машинѣ. Слѣды получились не тождественные. Такимъ образомъ тождество этихъ штриховъ на двухъ пуляхъ доказываетъ, что обѣ пули выпущены изъ одного и того же оружія. Теперь я васъ попрошу къ аппарату, называемому хатоскопъ.

Лѣтняковъ подвелъ Мурзаева къ микроскопу съ однимъ окуляромъ и двумя объективами, изъ которыхъ подъ однимъ была помѣщена пуля изъ тѣла князя, подъ другимъ пуля пробнаго выстрѣла.

— Смотрите въ окуляръ, — пригласилъ Лѣтняковъ, — Вы видите два соприкасающіяся поля и на нихъ полосы штриховъ. Какъ видите, полосы обоихъ полей совпадаютъ, являясь однѣ какъ бы продолженіемъ другихъ. Теперь я пулю, извлеченную изъ тѣла князя замѣняю пулей, вынутой изъ трупа собаки. Получается та-же картина. Не такъ ли? Для надобностей суда я изготовлю микрофотографическіе снимки. Вы убѣждены?

— Вполнѣ, — отвѣтилъ Мурзаевъ.

— Для еще большей наглядности и убѣдительности взгляните на это, — сказалъ Лѣтняковъ, передавая Мур-

заеву два фотографическихъ снимка, на которыхъ изобразились совершенно схожія системы линій.

— Вы уже успѣли изготовить микрофотографіи, о которыхъ только что упомянули? — спросилъ Мурзаевъ.

— Нѣтъ еще, — отвѣтилъ Лѣтняковъ. — Это результатъ изслѣдованія пуль совершенно инымъ методомъ. На тончайшихъ вылощенныхъ листкахъ олова прокатываются сличаемыя пули. Малѣйшія неровности ихъ отпечатываются на мягкомъ оловѣ. Эти листки фотографируются съ сильнымъ увеличеніемъ и по снимкамъ изслѣдуется сходство узоровъ на обоихъ снимкахъ. Результатъ, какъ видите. тотъ же, что и полученный при помощи хатоскопа.

Идя къ Рыбакову, чтобы узнать, какія свѣдѣнія онъ собралъ относительно Рожнова, Мурзаевъ вновь и вновь перебиралъ въ умѣ всѣ данныя, собранныя по дѣлу. Передъ нимъ стояла трудная задача — разрѣшить, кто изъ трехъ заподозренныхъ лицъ былъ причастенъ къ убійству: Рожновъ, Ярыгинъ или Берлогинъ? Противъ каждаго изъ нихъ имѣлись уличающія данныя. Разъ князь былъ убитъ изъ револьвера, найденнаго въ кустахъ, то убійцей могъ быть только тотъ, по чьимъ намекамъ узнали, куда преступникъ забросилъ револьверъ, совершивъ преступленіе. Кромѣ убійцы никто другой это знать не могъ. Выводъ — виновенъ Берлогинъ. Но похищеніе Рожновымъ изъ лабораторіи яда, какъ разъ такого, какимъ былъ отравленъ князь; и занятіе его фабрикаціей подложныхъ документовъ, указывали на виновность Рожнова. Найденные же цвѣты и перчатка подъ окномъ гостиницы, гдѣ останавливался Ярыгинъ, и недомолвки во время пьяной болтовни уличали его.

— Стакнулись они что ли между собой. — пришла мысль Мурзаеву. — Но это почти невозможно. Всѣ трое живутъ чуть не на разныхъ концахъ Россіи. принадлежатъ къ различнымъ кругамъ общества, и повидимому ничего общаго между собой не имѣютъ, и имѣть не могутъ. Вотъ такъ загадка, — чуть не вслухъ сказалъ Мурзаевъ. — Угадай, моя родная!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИЗОБЛИЧЕНІЕ.

16.

— Завтра, Иванъ Григорьевичъ, я вамъ убійцу какъ на блюдѣ поднесу, — такими словами встрѣтилъ Мурзаева Рыбаковъ. — Остается только съ Прасковьей Васильевой по душамъ поговорить.

— Съ какой Прасковьей Васильевой?

— Есть такая, которая на базарѣ языкъ распустила о томъ, какъ кого то собака укусила.

— Кто же по вашему убилъ — Берлогинъ?

— Оставьте его въ покоѣ своимъ дѣломъ заниматься, благо что князь Олегъ Кириловичъ безъ него, какъ безъ рукъ останется.

— Однако, револьверъ, брошенный имъ въ кусты около дачнаго домика, по экспертизѣ Лѣтнякова оказался несомнѣннымъ орудіемъ преступленія.

— Чего не знаю, того не знаю, а только могу сказать, что Берлогинъ въ этомъ дѣлѣ виноватъ не болѣе насъ съ вами.

— Кто же убійца? Ярыгинъ что ли?

— Этого господина тоже оставьте, если не дѣломъ заниматься, то допиваться до чортиковъ. Онъ тоже ни сномъ ни духомъ ничего не вѣдаетъ про это дѣло.

— А зачѣмъ онъ ядъ въ городѣ доставалъ?

— «Баринъ» выяснилъ. То былъ стрихнинъ — лисъ травить. «Баринъ» смахалъ въ Горки провѣрить. Оказалось, что ту склянку Ярыгинъ нашелъ, изъ за которой шумъ надѣлалъ, когда она затерялась, послѣ чего дѣйствительно по полямъ капканы разставлялъ и отраву

раскладывалъ. Только «Барину» эта вторичная поѣздка въ Горки даромъ не обошлась.

— Что же съ нимъ случилось?

— Да все тотъ же чортушка Ярыгинъ. Сколько лѣтъ, сидя пьяный передъ каминомъ, себѣ за спину стрѣлялъ, а тутъ угораздило его въ сторону выстрѣлить, когда «Баринъ» въ залъ черезъ боковыя двери входилъ. Пуля «Барину» въ лобъ попала. Спасибо, что только оцарапала. Теперь забинтованный ходитъ.

— Пусть съ ядомъ вышло недоразумѣніе, а какъ вы объясните болѣе важную улику — нахожденіе перчатки и княжескихъ орхидей подъ окномъ Ярыгина?

— Ихъ тамъ не было.

— Простите на словѣ, Петръ Петровичъ, какъ вы можете мнѣ въ глаза такой вздоръ говорить, — вспылилъ Мурзаевъ. — Вѣдь не вы и никто другой, а я самъ ихъ тамъ нашелъ, а одинъ цвѣтокъ собственными руками съ земли поднялъ.

— Ошиблись, Иванъ Григорьевичъ. Вы нашли ихъ подъ окнами другого дома, — спокойно возразилъ Рыбаковъ.

— Да что вы разсказываете, Петръ Петровичъ, — волновался Мурзаевъ, — какъ я могъ ошибиться, если на всей Успенской улицѣ единственный домъ, выкрашенный въ желтый цвѣтъ.

— Въ этомъ то ваша ошибка и заключается. Про людей говорятъ — съ переду блаженъ мужъ, а сзаду вскуе шаташася. Тоже и съ домами бываетъ. Прогулялся я вдоль всей Успенской улицы, только не по ней самой, а по ея задамъ, перелѣзая изъ сада въ садъ. Нашелъ такой домъ, который съ передняго фасада, съ улицы, перекрашенъ и всячески пріукрашенъ, а съ задняго фасада, какъ былъ, такъ и остался желтой охрой вымазаннымъ. Не замѣтили ли вы тамъ около угла дома въ саду большой ели съ обломанной вершиной?

— Да, да, — подтвердилъ Мурзаевъ.

— Ну вотъ. А окна дома, гдѣ Ярыгинъ останавливался, хоть и смотрятъ въ садъ, а въ садъ не выходятъ... Промежъ сада и дома узенькій дворикъ проходитъ.

— Эко, какъ я промахнулся, — сконфуженно признался Мурзаевъ. — Въ Ярыгинскую комнату я не могъ тогда попасть, — ее какая то больная старуха успѣла занять.

— А я побывалъ. Старуху на другой день пріѣзда въ больницу свезли.

— Рожновъ что ли по вашему убійца?

— Только лишь пособникъ и большую роль въ этомъ дѣлѣ игралъ, но самъ руки въ крови не запачкалъ, а только въ чернилахъ.

— Что это значитъ?

— Вотъ вамъ два документа, изъятые изъ квартиры Рожнова. Изъ нихъ про чернила поймете, — сказалъ Рыбаковъ, передавая смятую бумагу, извлеченную имъ изъ подъ стола Рожнова и письмо, найденное въ его пиджакѣ.

— Будто я этотъ почеркъ гдѣ то видѣлъ, — сказалъ Мурзаевъ, прочтя письмо.

— Въ томъ то и штука капитана Кука, что видѣли, — ухмыльнулся Рыбаковъ.

— Не томите меня, Петръ Петровичъ, говорите, кого вы за убійцу считаете?

— Боюсь, что вы меня дальше слушать не захотите, какъ только я имя назову.

— Не бойтесь, говорите.

— Даже здѣсь, съ глаза на глазъ, и то только на ушко шепну, — сказалъ Рыбаковъ, наклоняясь къ уху Мурзаева.

Мурзаевъ, выслушавъ его, такъ расхохотался, что долго не могъ остановить смѣхъ.

— Ой, ой, ой, не могу. Уморили. Вы, Петръ Петровичъ, попали въ небо пальцемъ не хуже того, кто вздумалъ навести подозрѣніе на эту клушу Татьяну Панфиловну Павдину, составивъ отъ ея имени подложное письмо, и наименовавъ себя Татой.

— Смѣйтесь, Иванъ Григорьевичъ, коли смѣшно. Мое дѣло было доложить, а дадите вы этому ходъ или нѣтъ — дѣло ваше.

— Петръ Петровичъ, голубчикъ, не обижайтесь, но ужъ очень глупо выходитъ. Какъ я могу дать этому ходъ? Вѣдь мы съ вами сдѣлаемся посмѣшищемъ всего

города. Въ газеты попадемъ, на насъ будутъ карикатуры рисовать. Вѣдь чуть ни полгорода могутъ удостовѣрить алиби заподозрѣннаго вами лица. Простите меня, но это чистѣйшей воды чушь.

— Пусть будетъ такъ, — отвѣтилъ Рыбаковъ, давъ Мурзаеву отсмѣяться, — но смѣю напомнить, что вы сами мнѣ подали эту мысль.

— Я?! Когда?

— Вечеромъ на другой день послѣ обнаруженія убійства, когда заходили ко мнѣ сговариваться о совмѣстной поѣздкѣ. Вы жаловались, что васъ преслѣдуетъ запахъ духовъ и что отъ усталости вамъ въ голову нелѣпыя мысли лѣзутъ, при чемъ упомянули имя того человѣка, котораго теперь я за убійцу считаю. Я тогда подумалъ — чушь то оно чушь, но почему бы и въ эту сторону не направить розыскъ.

— Заставь дурака Богу молиться, онъ себѣ лобъ расшибетъ, — подумалъ Мурзаевъ, но сказалъ, — да, что то было въ этомъ родѣ, но такая нелѣпая мысль только и могла притти въ голову больную отъ безсонной ночи.

— Моимъ словамъ, Иванъ Григорьевичъ, вы можете не вѣрить, поэтому своими глазами поглядите. Началось все съ вашего носа. Мой то носъ давно мохомъ заросъ — не только ароматовъ не ощущаю, а коли съ обозомъ золотарей встрѣчаюсь, и то не отворачиваюсь. А ниточку, изъ за которой весь клубокъ размотался, указало ваше острое обонянье. Вамъ повсюду мерещился какой то запахъ, — благоволите понюхать, — сказалъ Рыбаковъ, развязывая узелъ. — Я то не слышу, а супруга моя говоритъ, что чѣмъ то пахнетъ.

Мурзаеву не нужно было нюхать, чтобы сразу услышать тотъ ароматъ, который онъ когда то ощутилъ въ брошенномъ на дорогѣ автомобилѣ.

— Это очень мало, — сказалъ онъ — многіе могутъ употреблять духи одной и той же марки.

— Точно такъ. Но разсмотрите повнимательнѣе то, что находится въ этомъ узлѣ, и припомните, что мы нашли въ зубахъ собаки, а также въ паутинѣ подъ окномъ, и что росло подъ этимъ окномъ, черезъ которое былъ заброшенъ ключъ внутрь дома. А-а! припо-

минаете? Теперь обративъ вниманіе на пятна отъ смазачнаго масла, не вспомните-ли вы, какъ грязенъ былъ автомобиль, найденный вами на Овражной улицѣ?

— Откуда вы все это достали?

— Изъ того самаго дома, гдѣ живетъ заподозрѣнный мной человѣкъ, и подъ чьими окнами вы нашли перчатку и цвѣты.

— Необходимо точно выяснить, какъ все это могло попасть туда, — сказалъ Мурзаевъ, дѣлаясь болѣе и болѣе серьезнымъ. — Кѣмъ-то цвѣты были подкинуты, такъ какъ личность, вами названная, внѣ всякихъ подозрѣній, хотя бы ужъ по одному тому, что смерть князя находится въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ интересами этой личности. А пока будемъ молчать, чтобы не насмѣшить людей, и не заставить настоящаго преступника насторожиться. Но скажите, пожалуйста, какъ вы все это раздобыли, будучи сами въ отъѣздѣ?

— Собственную свою супругу натаскалъ на наше сыскное дѣло. Оказалась способной. Далъ ей понюхать найденную на мѣстѣ преступленія перчатку и пустилъ ее по слѣду, какъ добръ-пинчара.

— Ей-то какъ удалось разузнать?

— Объ этомъ позвольте мнѣ пока помолчать. Разскажу только въ томъ случаѣ, если мое подозрѣніе окажется не только смѣхотворнымъ, но и правильнымъ. У меня правило своихъ выдумокъ даже передъ начальствомъ не открывать, пока онѣ не приведутъ къ удачѣ Оттого, можетъ быть, я пріобрѣлъ славу удачливаго агента. Что, дескать, не выдумаетъ, все ему удается. А если бы знали люди, сколько разъ я со своими выдумками не солоно хлебалъ.

17

Мурзаевъ пошелъ было къ Громову, но вспомнилъ, что въ этотъ часъ онъ его не застанетъ. Чтобы не терять времени онъ зашелъ къ князю Олегу Кириловичу Кострову, который за эти дни могъ получить отвѣты отъ друзей молодости своего убитаго брата.

— Какъ я и ожидалъ, для сплетни о какомъ то тайномъ бракѣ брата не оказалось даже маленькой искорки, отъ которой могъ бы пойти этотъ нелѣпый и гнусный

дымъ, — отвѣтилъ Олегъ Кириловичъ на вопросъ Мурзаева. — Я запросилъ трехъ лицъ, бывшихъ наиболѣе близкими людьми къ брату въ его молодые годы. Они всѣ хохочутъ отъ удивленія, кому могла притти въ голову такая глупость. Ничего подобнаго по ихъ словамъ не могло быть. Никто никогда не видалъ брата пьянымъ, особенно настолько, чтобы возможно было обвѣнчать его въ нетразвомъ видѣ?

— Но кто могъ знать о вашей дѣтской дружбѣ съ Павдиной, которую вы съ братомъ въ дѣтствѣ называли Тата.

— Во всякомъ случаѣ никто изъ жителей этого города, такъ какъ ни братъ, ни я въ періодъ нашего дѣтства и юности ни разу здѣсь не бывали. Что же касается Павдиной, то думаю, что она во всю свою жизнь не видала здѣшнихъ мѣстъ.

— Вы, кажется, принялись за свое искусство, взялись за кисти и холстъ, — спросилъ Мурзаевъ, указывая на мольбертъ, повернутый къ стѣнѣ, на которомъ находился подрамокъ съ натянутымъ на немъ холстомъ

— О да. Не только принялся, но и увлекся. Пишу портретъ Аріадны Георгіевны. Исключительно интересное и колоритное лицо. Особенно глаза, полные глубочайшей тайны. Взоръ полный мистики.

— Можно взглянуть? — попросилъ Мурзаевъ.

— Прошу, но только портретъ еще далекъ до окончанія. Фигура, костюмъ, не говоря объ аксессуарахъ, пока еще въ углѣ и лишь мѣстами въ подмалевкѣ. Лицо и глаза почти окончены — остается разъ другой пройти кистью. Переверните мольбертъ, а я тѣмъ временемъ дамъ надлежащее освѣщеніе, — сказалъ Олегъ Кириловичъ, раздвигая шире портьеры на окнахъ.

Когда Мурзаевъ, передвигая мольбертъ, хотѣлъ придержать стоявшую на немъ картину, князь предупредилъ:

— Осторожнѣе, не запачкайтесь. Въ правомъ нижнемъ углу полотна проложены свѣжія краски.. Еще не успѣли просохнуть. Вчера Аріадна Георгіевна сама перепачкалась въ краскахъ и запачкала мои карандашные

эскизы, вонъ тѣ, что лежатъ на кругломъ столѣ около палитры.

Лицо портрета было написано великолѣпно. Отъ живыхъ глазъ исходили лучи, проникавшіе въ душу зрителя. Въ нихъ свѣтилась ласка, черезъ которую просвѣчивала доля суровости. Во взорѣ смѣшивались радость съ затаенной печалью. Очертанья рта, не смотря на улыбку, говорили о непоколебимой твердости воли. Въ общемъ обликѣ было что то манящее и приковывающее, но недоступное.

— За такой краткій срокъ вы успѣли такъ много сдѣлать, — удивился Мурзаевъ, восхищаясь мастерствомъ хозяина.

— Вполнѣ понятно почему. Я это лицо такъ хорошо изучилъ, что могу работать надъ нимъ внѣ сеансовъ, когда передо мной нѣтъ натуры. Къ сожалѣнію придется скоро на нѣсколько дней прервать дальнѣйшіе сеансы.

— Почему же?

— Работая надъ портретомъ, я убилъ сразу двухъ зайцевъ. Во-первыхъ, я надѣюсь на одной изъ весеннихъ выставокъ въ Петербургѣ выставить картину, которая заставитъ говорить, если даже не сдѣлается гвоздемъ выставки. А во-вторыхъ, за время сеансовъ мы такъ подружились съ Аріадной Георгіевной, что мнѣ удалось таки уломать ее не противиться исполненію послѣдней воли моего покойнаго брата. Послѣ завтра я ѣду въ Петербургъ и въ Москву для того, чтобы перевести на ея имя сумму равную капиталамъ брата, хранящимся въ банкахъ на его имя.

— Вотъ какъ. Радуюсь, что у нея благоразуміе взяло верхъ надъ щепетильностью,—сказалъ Мурзаевъ.

— А я въ гораздо большей степени радуюсь за самого себя, — отвѣтилъ князь. — Повѣрите ли, что пока эти деньги у меня, я не могу отдѣлаться отъ чувства, что я какъ будто кого то обокралъ. Въ видѣ аванса мнѣ удалось ей всучить около 10.000, такъ какъ, я совѣтую ей уѣхать на нѣкоторое время, пока ея неудавшійся бракъ не перестанетъ быть притчей во языцѣхъ

Разговоръ перешелъ на тему объ искусствѣ, въ чемъ Мурзаевъ былъ немного свѣдущъ. Посмотрѣвъ на часы, онъ увидалъ, что пора итти къ Громову.

— Можно васъ просить объ одномъ одолженіи, — обратился онъ къ князю, прощаясь.

— Все что вамъ угодно, если это въ моихъ силахъ.

— Просьба моя вамъ, какъ художнику, навѣрно привычна. Подарите мнѣ на память какой нибудь вашъ рисунокъ, этюдъ или эскизъ.

— Съ удовольствіемъ, но къ сожалѣнію въ настоящее время у меня съ собой нѣтъ ничего мало мальски заслуживающаго вниманія.

— О, для меня достаточно какого нибудь пустяка, хотя бы въ родѣ тѣхъ эскизовъ.

— Берите хоть всѣ, они мнѣ больше не нужны. У меня въ мысляхъ компануется нѣчто совершенно новое. Но только съ однимъ условіемъ, — позвольте мнѣ считать себя въ долгу и привезти вамъ изъ Петербурга что нибудь получше и позаконченнѣе.

Громовъ встрѣтилъ Мурзаева сообщеніемъ, что отъ директора гимназіи Хохберга полученъ богатѣйшій матеріалъ для экспертизы, каковая почти уже закончена.

— Къ какому же ты пришелъ заключенію? — спросилъ его Мурзаевъ.

— А къ такому, что ты можешь хоть сейчасъ сажать въ каталажку этого самого Рожнова, если не за убійство, о чемъ я ничего не знаю, то за совершеніе подлога, въ чемъ я вполнѣ убѣжденъ. Вотъ полюбуйся, — положилъ Громовъ передъ Мурзаевымъ пачку чертежей.

— Ничего не понимаю, какія то діаграммы. Причемъ тутъ статистическіе пріемы?

— Это новѣйшій графометрическій методъ изслѣдованія почерковъ, основанный, какъ ты правильно замѣтилъ, на статистическомъ массовомъ наблюденіи надъ различными элементами письма. Ты, понятно, знаешь, что каждая буква состоитъ изъ нѣсколькихъ элементовъ, такъ напримѣръ, буква «п» изъ двухъ палочекъ, буква «а» изъ кружка и ножки и т. д. Въ почеркѣ каждаго человѣка, пишетъ ли онъ крупно или мелко, неизмѣнно пропорціональное соотношеніе между величинами различныхъ элементовъ, напримѣръ, — если данный человѣкъ пишетъ въ буквѣ «ш» среднюю палочку ниже чѣмъ сосѣднія съ ней палочки, то онъ всегда будетъ писать

такъ. Или если онъ букву «н» вытягиваетъ выше буквы «п», то это будетъ повторяться всегда въ любой его рукописи. Поддѣлыватель чужого почерка можетъ прекрасно изучить формы буквъ, воспроизвести многія особенности чужого почерка, но соблюсти это пропорціональное соотношеніе элементовъ, свойственное чужому почерку онъ не въ состояніи. Мало того онъ неизбѣжно въ изготовляемый имъ текстъ внесетъ пропорціональное отношеніе величинъ, свойственное почерку его самаго.

— Но вѣдь могу же я случайно при письмѣ своимъ собственнымъ почеркомъ вытянуть какой нибудь штрихъ длиннѣе обычнаго, — возразилъ Мурзаевъ.

— Конечно можешь, — согласился Громовъ, — но это ты сдѣлаешь одинъ два раза на протяженіи длиннаго текста, а тридцать, сорокъ разъ ты напишешь буквы такъ, какъ привыкъ ихъ писать. Поэтому здѣсь примѣняется кропотливое измѣреніе всѣхъ буквъ, составляющихъ текстъ документа. Послѣ этого статистически вычисляется средняя величина каждаго элемента каждой буквы. Всѣ эти элементы выписываются въ восходящемъ порядкѣ ихъ величинъ. Эту работу мы производимъ надъ заподозрѣннымъ въ подлинности текстомъ, а потомъ надъ несомнѣннымъ почеркомъ лица, отъ имени котораго исходитъ изслѣдуемый документъ. Получаемъ два ряда элементовъ. Если порядокъ элементовъ въ обоихъ рядахъ совпадаетъ, то это означаетъ, что изслѣдуемый документъ писанъ тѣмъ самымъ лицомъ несомнѣнный почеркъ котораго мы изслѣдовали, т. е. что документъ правильный. Значительное расхожденіе порядка элементовъ въ двухъ рядахъ доказываетъ подложность документа. Тогда мы приступаемъ къ обработкѣ тѣмъ же методомъ несомнѣннаго почерка лица, заподозрѣннаго въ подлогѣ. И опять таки, если порядокъ элементовъ его почерка будетъ схожъ съ порядкомъ подложнаго документа, то мы смѣло утверждаемъ, что подложный документъ изготовленъ именно этимъ лицомъ. Понятно?

— Да, но что же это за чертежи и діаграммы?

— А это дѣлается для наглядности. На основаніи данныхъ только что мной объясненныхъ вычерчивается діаграмма. Технику вычерчиванія я объяснять тебѣ не

буду. Суть же дѣла въ томъ, что если сравниваемые документы писаны однимъ и тѣмъ же лицомъ, то кривыя діаграммы будутъ очень схожи. Наоборотъ, если кривыя въ своихъ очертаніяхъ будутъ различны, то это послужитъ доказательствомъ, что сравниваемые документы писаны разными лицами.

— Понимаю, — сказалъ Мурзаевъ, — теперь объясни, что это за кривыя, одна черная, другая красная, во всемъ своемъ протяженіи почти совпадающія между собой?

— Черная линія — кривая несомнѣннаго почерка Рожнова, а красная линія — кривая почерка письма отъ имени какой то Таты. Изъ этого видно, что письмо это писано рукой Рожнова.

— А что означаетъ третья линія пунктирная, сопутствующая во всѣхъ частяхъ первымъ двумъ и очень схожая съ ними?

— Эта линія обозначаетъ то, отъ чего ты сейчасъ выпучишь глаза отъ удивленія. Въ числѣ документовъ съ несомнѣннымъ почеркомъ убитаго князя мнѣ доставили его предсмертное письмо къ брату. Эта пунктирная линія является кривой почерка этого письма.

— То есть что же это значитъ? — воскликнулъ Мурзаевъ, дѣйствительно не только расширивъ глаза, но даже немного блѣднѣя.

— Ничего другого, кромѣ того, что это письмо тоже подложно и изготовлено тѣмъ же Рожновымъ. Это тебѣ будетъ яснѣе изъ втораго чертежа. На немъ, какъ видишь, три кривыя: двѣ до крайности похожи одна на другую, а третья ничего общаго съ ними не имѣетъ. Схожія кривыя это кривыя почерка Рожнова и почерка предсмертнаго письма. Третья же кривая, не схожая съ ними, это кривая несомнѣннаго почерка покойнаго князя. Повторяю — предсмертное письмо написано не рукою князя, а рукою Рожнова.

— Боже мой, Боже мой, — хватаясь за голову, съ блѣднымъ лицомъ, говорилъ Мурзаевъ, — это открываетъ совершенно новые горизонты для раскрытія преступленія. Намѣчается виновность лица, бывшаго ранѣе внѣ всякаго подозрѣнія. Что же заключается въ другихъ чертежахъ? Ихъ тутъ порядочно.

— Я тебѣ показалъ чертежи, касающіеся изслѣдованія строчныхъ буквъ. Третій и четвертый чертежъ — изслѣдованіе прописныхъ буквъ, слѣдующая пара — изслѣдованіе такъ называемыхъ угловыхъ величинъ, или иначе наклона различныхъ элементовъ письма и т. д. Результатъ вездѣ одинъ и тотъ же: кривыя почерка Рожнова, письма отъ имени Таты и предсмертнаго письма князя къ брату совпадаютъ, не имѣя ничего общаго съ кривой несомнѣннаго почерка покойнаго.

— А что ты скажешь о краткой предсмертной запискѣ князя, найденной на мѣстѣ его смерти.

— Объясненный мною графометрическій способъ примѣнимъ только къ длиннымъ текстамъ, почему эту записку, состоящую изъ шести семи словъ пришлось изслѣдовать инымъ способомъ. Я пришелъ къ безспорному заключенію, что покойный ее не писалъ. Есть солидныя основанія предполагать, что она изготовлена тоже Рожновымъ.

— На это я самъ имѣю доказательство, — подтвердилъ Мурзаевъ, показывая измятый листъ, найденный въ квартирѣ Рожнова подъ ножкой стола.

— Да, это онъ практиковался писать почеркомъ князя, — сказалъ Громовъ, разсмотрѣвъ листъ.

— Еще одинъ вопросъ, — обратился къ нему Мурзаевъ. — Элементы письма кажутся всѣ равновеликими, только рѣдко можно замѣтить разницу высотъ.

— Эта разница сводится къ незначительнымъ частямъ миллиметра, — объяснилъ Громовъ. — Оттого то поддѣлывателю не возможно воспроизвести этотъ характерный признакъ чужого почерка, и на ряду съ этимъ отрѣшиться отъ этого свойства, присущаго его собственному почерку. Измѣренія производятся не на самомъ документѣ, а на увеличенныхъ фотографическихъ копіяхъ. Это не вліяетъ на результатъ изслѣдованія, такъ какъ важны не сами величины, а ихъ взаимное соотношеніе.

Мурзаевъ ушелъ отъ Громова съ мрачнымъ лицомъ, въ крайне удрученномъ состояніи духа. Домой онъ сразу не пошелъ, а завернулъ въ первое попавшееся по пути кафе, гдѣ машинально выпилъ два стакана крѣпкаго чая. Опустивъ голову на руки, онъ провелъ въ

такомъ положеніи тамъ долгое время въ глубочайшей задумчивости. Долго ли онъ такъ просидѣлъ, онъ самъ не могъ бы опредѣлить, но, очнувшись, онъ спѣшнымъ шагомъ пошелъ въ дактилоскопическое бюро, гдѣ проработалъ до поздняго часа ночи.

18.

Впослѣдствіи Мурзаевъ вспоминалъ про эту ночь, какъ про самую тяжкую и мучительную во всей его жизни. Ни на минуту онъ не могъ сомкнуть глазъ. Чудовищная мысль, когда то на краткій моментъ промелькнувшая у него въ головѣ при нахожденіи перчатки на мѣстѣ убійства, оказалась чудовищной правдой. Минувшій день былъ роковымъ — съ утра на Мурзаева сыпались доказательства виновности такого лица, отстаивая непричастность котораго къ преступленію, онъ былъ бы готовъ взойти на костеръ. Уже не въ кошмарномъ бреду, какъ у Павдиныхъ, а на яву его душилъ запахъ знакомыхъ духовъ. Въ темнотѣ ему мерещились глаза, взоръ которыхъ былъ невыносимъ, какъ гипнотизирующій взглядъ ядовитой, хищной змѣи. Всплыли на память чьи то, кажется Миры Лохвицкой, стихи:

> *«Змѣя, гіена съ карими зрачками,*
> *Поправшая священнѣйшій обѣтъ,*
> *Исчадье ада, дьяволъ блѣдноликій,*
> *Чего глядишь безстыдными глазами?*
> *Что видѣли, что зрѣть могли они,*
> *Чтобы горѣть такимъ бѣсовскимъ свѣтомъ.*
> *Отвѣть, змѣя, что видѣли они?».*

Едва сталъ брезжить свѣтъ, онъ поднялся съ кровати, наскоро одѣлся и уѣхалъ на автомобилѣ къ ближайшей станціи желѣзной дороги, не вдали отъ которой былъ расположенъ дачный домъ князей Костровыхъ. Опросивъ тамъ чуть не всѣхъ окрестныхъ жителей отъ мала до велика, онъ получилъ новыя свѣдѣнія, разъясняющія одно изъ важныхъ обстоятельствъ. Возвратившись въ городъ, онъ проѣхалъ прямо къ Рыбакову. Послѣдній при видѣ пожелтѣвшаго и осунувшагося лица Мурзаева испугался.

— Что съ вами, Иванъ Григорьевичъ. случилось? Вѣдь въ гробъ краше кладутъ, на васъ смотрѣть страшно, — были первыя слова Рыбакова.

Не отвѣчая на вопросъ о своемъ здоровьѣ, Мурзаевъ спросилъ:

— Вы опросили Прасковью Васильеву, о которой вчера поминали?

— Извольте получить протокольчикъ.

Мурзаевъ впился глазами въ бумагу, переданную ему Рыбаковымъ. По мѣрѣ чтенія складки между бровей у него углублялись.

— Это послѣднее звено кандальной цѣпи, уготованной для убійцы, — сказалъ онъ, окончивъ чтеніе. — Теперь, Петръ Петровичъ, мнѣ необходимо знать, при помощи какой выдумки вамъ удалось выяснить все то, что вы вчера мнѣ сообщили.

— Боюсь опять васъ разсмѣшить,—кольнулъ Рыбаковъ.

— Простите мнѣ вчерашній смѣхъ. Вы въ своихъ предположеніяхъ о личности виновнаго оказались правы. Помимо данныхъ, добытыхъ вами, теперь виновность названнаго вами лица установлена сличеніемъ отпечатковъ пальцевъ.

— Все, вчера мною вамъ доложенное, разузналъ не я, а моя жена.

— Я хотѣлъ бы съ ней поговорить.

— Къ сожалѣнію ея сейчасъ нѣтъ дома.

— Гдѣ она?

— Да все тамъ же. Стоитъ на стойкѣ, какъ лягашъ надъ дупелемъ, чтобы дичинка не вздумала вспорхнуть и улетѣть. Я могу безъ нея доложить всѣ мельчайшія подробности.

Пока Рыбаковъ разсказывалъ, Мурзаевъ молчалъ, внимательно слушая, лишь изрѣдко приговаривая: «такъ», «такъ» «такъ» и кивая головой.

— Вещи вчера вами мнѣ показанныя, здѣсь у васъ? — спросилъ онъ, когда Рыбаковъ кончилъ докладъ.

— Здѣсь. Вотъ, все бережно завернуто, чтобы запахъ сохранился и паутинка не стерлась, — указалъ Рыбаковъ на свертокъ.

— Я его беру съ собой. Вы говорили, что найдено это было въ запертомъ шкапу?

— Совершенно вѣрно. Пришлось оттуда изъять.

— Гдѣ былъ ключъ отъ шкапа?

— Тамъ же, гдѣ и теперь находится, на шнуркѣ на шеѣ заподозрѣннаго лица.

— Какъ же удалось проникнуть въ шкапъ?

— Обучилъ свою супругу обращаться съ отмычками. Она и въ этомъ оказалась способной ученицей.

— Никто не хватился исчезнувшаго?

— До сегодняшяго дня не хватились.

— Тамъ окна, выходящія въ садъ, открываются или есть фортка?

— Фортки нѣтъ. Зимой комната провѣтривается черезъ вентиляторъ въ дымоходѣ. Третьяго дня вставили зимнія рамы, а до того оба окна въ садъ свободно открывались.

— Попросите вашу супругу оставаться на своемъ сторожевому посту. Еще не больше одного дня. Завтра убійца будетъ за тюремнымъ замкомъ. Тогда ваша супруга можетъ покинуть это логовище ехидны. Передайте ей мою глубочайшую благодарность. Безъ ея помощи мы до сихъ поръ бродили бы въ потьмахъ, и могли бы наложить руку на неповиннаго человѣка. Я сейчасъ ѣду къ брату убитаго. Онъ долженъ первый узнать истину. Пока же никому ни слова, чтобы не спугнуть змѣю, ранѣе чѣмъ она попадетъ въ капканъ.

— Помолчимъ — на томъ стоимъ, — отвѣтилъ Рыбаковъ. — Наше дѣло заставлять другихъ языки распускать, а самимъ помалкивать.

Олегъ Кириловичъ, какъ и наканунѣ, принялъ Мурзаева въ той же комнатѣ, преобразованной имъ въ мастерскую. Мурзаевъ замѣтилъ, что работа портрета со вчерашняго дня значительно продвинулась впередъ. Были проложены краски по всему полотну.

— Послѣ того, какъ вы вчера ушли, я засѣлъ за работу и просидѣлъ, пока позволилъ свѣтъ, — началъ разсказывать Олегъ Кириловичъ, — а сегодня съ утра я вновь съ палитрой и кистями въ рукахъ. Изъ вчерашняго разговора я понялъ, что вы далеко не профанъ въ

живописи. Мнѣ интересно ваше мнѣніе — хорошо ли сочетается тонъ костюма съ тономъ лица и волосъ?

Мурзаевъ глядя на картину, не давалъ отвѣта. Его лихорадило. Губы невольно складывались въ страдальческую складку.

— Вы больны? — воскликнулъ, вглядѣвшись въ него, Олегъ Кириловичъ, пораженный болѣзненнымъ его видомъ. — Слушайте, дорогой, такъ нельзя переутомляться и пренебрегать своимъ здоровьемъ. У васъ какое то серьезное заболѣваніе. Я васъ отъ себя не выпущу и сейчасъ же протелефонирую врачу.

— Подождите звать врача. Онъ можетъ понадобиться намъ обоимъ, — процѣдилъ сквозь зубы Мурзаевъ, не отрывая взгляда отъ портрета.

— Мнѣ то зачѣмъ? Я, слава Богу, чувствую себя прекрасно, какъ новорожденный младенецъ.

— Боюсь, что побесѣдовавъ со мной, вы захвораете той же болѣзнью, но пуще меня, — также тихо проговорилъ Мурзаевъ, опуская голову.

— Вы предполагаете у себя какую нибудь острозаразную болѣзнь? Я этого не боюсь. Я не мнительный, не заражусь, — засмѣялся князь.

— Не будьте самонадѣянны. Бываютъ въ жизни случаи, отъ тяжкихъ послѣдствій которыхъ, не можетъ считать себя застрахованнымъ ни одинъ человѣкъ. Особенно вы, послѣ того какъ выслушаете меня, — возразилъ Мурзаевъ, окидывая князя скорбнымъ, сочувственнымъ взглядомъ.

— Что за ужасное собираетесь вы мнѣ сообщить?

— У васъ Лермонтовъ есть? — спросилъ Мурзаевъ вмѣсто отвѣта.

— Лермонтовъ?? Онъ то тутъ при чемъ? Конечно есть, какъ у большинства образованныхъ русскихъ людей. Вонъ онъ стоитъ на полкѣ.

— Дайте мнѣ. Тотъ томъ, гдѣ мелкія стихотворенія.

Олегъ Кириловичъ, искоса поглядывая на Мурзаева, прошелъ къ книгамъ, досталъ одинъ изъ томовъ сочиненій Лермонтова, и передалъ Мурзаеву.

— Вотъ вамъ Лермонтовъ. Но, Иванъ Григорьевичъ, у васъ жаръ, у васъ мысли какъ то странно скачутъ съ

одного предмета на другой. Хотѣли мнѣ что то разсказать и вдругъ схватились за стихи.

Мурзаевъ, не слушая, перебиралъ страницы книги. Найдя что то въ серединѣ ея и заложивъ страницу пальцами лѣвой руки, началъ рыться въ концѣ книги.

— Слушайте, — обратился онъ къ князю, — я буду читать по первоначальному варіанту — больше подходитъ. Вы слушаете?

— Слушаю, слушаю, — недоумѣвая, успокоилъ его князь. — Только всетаки, Иванъ Григорьевичъ, не вызвать ли врача?

— Ахъ, оставьте, — съ раздроженіемъ крикнулъ Мурзаевъ, — говорятъ вамъ, что скоро докторъ будетъ нуженъ для васъ больше чѣмъ для меня. Слушайте же.

Олегъ Кириловичъ замолчалъ, съ тревогой наблюдая Мурзаева. Тотъ началъ:

— „Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя на черной скалѣ.
Въ той башнѣ угрюмой и тѣсной
Царица Тамара жила,
Прекрасна, какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ коварна и зла“.

— Слышите?! Слышите?! — крикнулъ съ рыданьемъ въ голосѣ Мурзаевъ, глядя на князя воспаленными глазами, и медленно съ разстановкой повторилъ:

— „Прекрасна какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ коварна и зла“.

Задумавшись на нѣкоторое время, онъ продолжалъ:

— „И тамъ сквозь туманъ полуночи
Блисталъ огонекъ золотой
Кидался онъ путнику въ очи,
И звалъ онъ на отдыхъ ночной.
И слышался голосъ Тамары,
Онъ весь былъ желанье и страсть,
Въ немъ были всесильныя чары,
Была непонятная власть“.

Мурзаевъ опять остановился, а затѣмъ, вслушиваясь въ свой собственный голосъ, какъ будто ища въ его звукахъ разгадку чего то рокового, медленно повторилъ послѣднія слова:

„. . . . . *были всесильныя чары.*
Была непонятная власть“.

Пробѣжавъ молча глазами нѣсколько строкъ, онъ съ трепетомъ страха, прижавъ руку къ виску, сказалъ:

— Вы вдумайтесь въ дальнѣйшее:

„*Ждала она гостя. Шипѣли*
Предъ нею два кубка вина“.

— Вы внимательно слушаете?! Вы обратили вниманіе?! Слышите? Два!! Два кубка! Какъ и тамъ! Съ чѣмъ? Съ виномъ?! Нѣтъ, съ отравой!! Понятно, лишь одинъ — для гостя!

Онъ опять пропустилъ нѣсколько строкъ.

— Вотъ, вотъ:

„*Какъ будто въ ту башню пустую*
Сошлися . . . .
На праздникъ большихъ похоронъ“.

— И что же дальше?! Да то, что должно было совершиться, и что какъ тамъ, такъ и тутъ совершилось:

„*Глубокое смерти молчанье*
Опять воцарилося тамъ“.

— Вникаете?! Передъ моими глазами стоитъ картина того, что мы тамъ нашли, что увидали въ вашемъ дачномъ домѣ:

„*Глубокое смерти молчанье*“.

Мурзаевъ тихимъ, ослабѣвшимъ голосомъ закончилъ чтеніе:

„*Волна на волну набѣгала,*
Волна погоняла волну,
И съ воплемъ безгласное тѣло
Спѣшили онѣ унести“...

Книга выпала изъ его рукъ. Онъ осунулся всѣмъ тѣломъ. По щекамъ бѣжали крупныя слезы. Олегъ Ки-

риловичъ, подойдя къ нему, дружески похлопалъ его по плечу.

— Иванъ Григорьевичъ, голубчикъ, у васъ нервы никуда не годяться. Ну развѣ можно въ наши съ вами годы такъ волноваться изъ за поэтическаго произведенія, хотя бы самого Лермонтова. Согласитесь, что мы съ вами уже немного опоздали проливать слезы надъ книгой.

— „Какъ ангелъ небесный прекрасна,
Какъ демонъ коварна и зла." —

повторилъ Мурзаевъ, глядя передъ собой ничего не видящими глазами и сдерживая рыданья .

— Да про что вы? какую нашли вы царицу Тамару среди нашихъ болотъ и лѣсовъ? — допытывался князь.

— Нашлась такая тварь, — злобно отвѣтилъ Мурзаевъ, — только много хуже лермонтовской царицы Тамары. Той руководила страсть. Сердце ея было способно любить пусть уродливой, изломанной, безобразной, разнузданной, развратной, но все же любовью. Помните конецъ:

„Вь окнѣ тогда что то бѣлѣло,
Звучало оттуда „прости".
И было такъ нѣжно прощанье,
Такъ сладко тотъ голосъ звучалъ".

— У нашей же Тамары только гнусная алчба денегъ. Не только нѣжнаго, но никакого прощанья съ ея устъ слетѣть не могло. Ей было некогда заниматься такими романтическими глупостями. Она спѣшила заметать слѣды, и съ запахомъ крови въ ноздряхъ, съ необсохшими отъ крови руками она даритъ направо и налѣво веселыя, невинныя улыбки.

— Что съ вами дѣлается? У васъ же припадокъ! Нѣтъ, какъ хотите, а я звоню къ доктору, — въ волненіи воскликнулъ Олегъ Кириловичъ, направляясь къ аппарату.

— Стойте! Не надо доктора, — остановилъ его Мурзаевъ. — Вы спрашиваете, что со мной? Со мной то, что будетъ сейчасъ и съ вами, какъ только я найду силы высказать то, ради чего пришелъ.

— Да что же это такое? что могло васъ такъ поразить? преодолѣйте себя — выскажитесь.

— Что?! Вотъ что! Въ жизни человѣка, въ его молодые годы, иногда судьба пошлетъ ему такое событіе, такое свѣтлое, святое переживаніе, что память о немъ всю жизнь горитъ въ его душѣ яркимъ огнемъ и согрѣваетъ его сердце. Весь жизненый путь его озаренъ этимъ благодатнымъ свѣтомъ. Такимъ событіемъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ первая любовь, которая не ржавѣетъ, какъ говоритъ народная мудрость. У меня было такое воспоминаніе. Я вѣрилъ, что этотъ святой огонь, этотъ немеркнущій свѣточь донесу въ тайникахъ своей души до гробовой доски. Я вѣрилъ, что это воспоминаніе уйдетъ изъ моего сознанія лишь вмѣстѣ съ послѣднимъ вздохомъ и облегчитъ мой смертный часъ. Эта вѣра нужна была для меня болѣе воздуха. И вдругъ вчера я узнаю, что то, что я хранилъ въ своей душѣ какъ величайшую святыню, оказалось не живоноснымъ источникомъ свѣта, а комкомъ грязной, зловонной слякоти, — закончилъ Мурзаевъ, рыдая.

— Что же такое? Повѣдайте мнѣ. Раскройте свою душу. Это облегчитъ ваше страданіе, — уговаривалъ Олегъ Кириловичъ, матерински гладя Мурзаева по волосамъ.

— Вашъ братъ былъ убитъ, — продолжалъ Мурзаевъ, подавивъ рыданье, — но если бы онъ узналъ что либо подобное тому, что я сообщу вамъ, то тогда дѣйствительно онъ умеръ бы отъ собственной руки. Онъ не захотѣлъ бы одного дня пережить послѣ такого извѣстія.

— Но что же? что же это? Что за ужасная тайна, не могущая сойти съ вашихъ устъ? — въ тревогѣ спрашивалъ князь.

— Я боюсь за васъ. Я боюсь за человѣка, преклонившагося передъ чѣмъ то, какъ передъ чашей Святого Граля, и внезапно прозрѣвшаго, узнавъ, что онъ благоговѣйно простерся ницъ лишь передъ сосудомъ, полнымъ нечистотъ, гадовъ и всяческой скверны.

— Мучаясь сами, не мучьте меня, Иванъ Григорьевичъ, — съ тоской произнесъ Олегъ Кириловичъ.

Послѣ минуты молчанія, собравъ силы, Мурзаевъ сказалъ:

— Человѣкъ, виновный въ убійствѣ вашего брата, обнаруженъ и изобличенъ.

— Кто же онъ? Кто? — затаивъ дыханіе, прошепталъ князь.

— Да ужъ конечно не Берлогинъ, какъ имѣлъ я глупость одно время думать, и не Ярыгинъ, какъ думали также и вы.

— Такъ кто же? кто же? да говорите же, — простоналъ Олегъ Кириловичъ.

— Сядьте, чтобы не упасть, — тономъ приказа сказалъ Мурзаевъ.

Олегъ Кириловичъ сѣлъ, устремивъ нетерпѣливый взглядъ ожиданія на Мурзаева, продолжавшаго молчать.

— Назовите убійцу.

Мурзаевъ съ трудомъ поднялъ руку и, протянувъ ее, выдавилъ изъ себя одно слово:

— Она!

Князь посмотрѣлъ по направленію протянутой руки Мурзаева. Брови его нахмурились. Въ глазахъ сверкнулъ гнѣвъ.

— Кто «она»? назовите убійцу по имени, — потребовалъ онъ, возвысивъ голосъ.

Мурзаевъ, набравъ въ грудь воздухъ, отчетливо, отдѣляя слово отъ слова произнесъ:

— Аріадна Георгіевна Махарадзе.

19.

Князь Олегъ Кириловичъ быстро всталъ съ побагровѣвшимъ, искаженымъ злобою, лицомъ. Въ этомъ мягкомъ по своей натурѣ и привычкамъ человѣкѣ внезапно проснулся духъ его прадѣда, запарывавшаго своихъ крѣпостныхъ рабовъ, о свирѣпомъ нравѣ котораго еще живы были легенды. Обычно мягкія движенія Олега Кириловича смѣнились рѣзкими до грубости жестами.

— Вонъ! — закричалъ онъ, указывая Мурзаеву на дверь. — Чтобы духа вашего тутъ не было. Сыскной идіотъ! Я не допущу, чтобы стѣны моего дома оскверняпись произнесеніемъ такой гнусности. Какъ вы осмѣлились въ моемъ присутствіи, прямо мнѣ въ глаза, сказать подобную подлую клевету про невѣсту моего брата? Про невѣсту князя Кострова! Понимаете ли—князя

Кострова?! Я вамъ и всей вашей сыскной шпанѣ покажу, что такое князья Костровы! Всѣ свои связи, всѣ свои средства пущу въ ходъ и раздавлю васъ, какъ вошь!

Мурзаевъ молчалъ, глядя на князя, въ ожиданіи, когда пройдетъ этотъ припадокъ необузданнаго гнѣва.

— Что же вы сидите, какъ пень? — продолжалъ неистовать Олегъ Кириловичъ. — Вамъ сказано, чтобы вы убирались къ чорту! Или ждете, чтобы васъ отсюда вытолкали пинками, какъ паршивую, злую собачонку. Вы слышите, что вамъ сказано?! Я требую, чтобы вы немедленно взяли обратно свои паскудныя слова о святой женщинѣ, о невѣстѣ моего брата!

— Вашъ братъ убитъ своей невѣстой, — утомленно, но настойчиво произнесъ Мурзаевъ.

— Это чортъ знаетъ, что такое! Онъ еще повторяетъ! — закричалъ князь, бросаясь на Мурзаева со сжатыми кулаками. Однако сдержалъ себя, но, чтобы сорвать на чемъ либо свой гнѣвъ, схватилъ попавшійся подъ руку стулъ, и со всей силой ударилъ его объ полъ. Стулъ разломался на куски. Оставшуюся въ рукахъ спинку отъ стула, онъ отбросилъ въ сторону. Въ своемъ полетѣ она опрокинула другой стулъ, на которомъ лежалъ свертокъ, принесенный Мурзаевымъ.

— Какую гадость вы съ собой притащили? — крикнулъ князь тѣмъ же оскорбительно-злобнымъ тономъ, но уже чуть спокойнѣе послѣ срыва гнѣва на сломанномъ стулѣ.

— Это платье, въ которомъ была одѣта убійца во время совершенія своего преступленія,—отвѣтилъ Мурзаевъ.

Олегъ Кириловичъ, схватилъ свертокъ, началъ его развертывать нервными, спѣшными движеніями.

— Осторожнѣе, — предупредилъ его Мурзаевъ, — не повредите на платьѣ слѣдовъ, безпорно уличающихъ виновную.

Лишь только платье было развернуто, Олегъ Кириловичъ воскликнулъ:

— Да вѣдь это платье Аріадны Георгіевны!

— Я вамъ только что докладывалъ, что это платье убійцы, — подтвердлъ Мурзаевъ. — Но почему вы могли

узнать, что это ея платье? Она въ немъ нигдѣ ни разу не показывалась.

— Не мудрено было мнѣ узнать, если я самъ по порученію брата выслалъ изъ Петербурга эту стеклярусную отдѣлку. Но вы то откуда могли его достать?

— Изъ запертаго шкапа убійцы.

— Перестаньте повторять эту пошлость, — опять вспылилъ князь. — Какимъ образомъ вы могли его добыть изъ чужого запертаго шкапа? Значитъ—украли?

— Изъяли, а не украли, такъ какъ взяли его не ради собственныхъ интересовъ, а ради цѣлей правосудія, — сдержанно, дѣловымъ тономъ возразилъ Мурзаевъ.

— Тупоумныя ищейки! Страхъ беретъ за честь, свободу и жизнь честныхъ гражданъ при подобныхъ органахъ сыска, — началъ выкрикивать князь въ новомъ приливѣ гнѣва. — Тупоумныя и толстокожія! Я васъ третирую, какъ послѣднюю дрянь, а вы спокойно сидите, и въ усъ себѣ не дуете. Плюнь вамъ въ глаза, все скажете, — божья роса. Луженная совѣсть и честь! А еще дворянинъ!

— Эхъ, Олегъ Кириловичъ, — грустнымъ, соболѣзнующимъ тономъ началъ говорить Мурзаевъ. — Переношу я съ виду спокойно ваши оскорбленія и ругань, потому что понимаю, что не вы, а вашъ гнѣвъ говоритъ, которому я отчасти радъ. Поругавшись, отведете душу и спокойнѣе узнаете ужасную истину, которую я вамъ докажу. Съ собраннымъ матеріаломъ я могъ бы раньше васъ отправиться къ судебному слѣдователю или прокурору. Тогда бы въ настоящую минуту Аріадна Георгіевна была бы уже подъ стражей. Но я разсудилъ, что вы первый должны узнать правду. Я понимаю порывъ вашего гнѣва, ваше возмущеніе, а потому вамъ ваши оскорбительныя слова прощаю. За вчерашній день и за послѣднюю ночь, мучительную ночь, я самъ пережилъ большія страданія, узнавъ то, что собираюсь сообщить вамъ.

— Отъ кого вы узнали?

— Отъ моего помощника — Петра Петровича Рыбакова.

— Болванъ!

— Вчера, какъ и вы, я обругалъ его дуракомъ, хотя и не вслухъ, но правота его словъ была подтверждена

массой доказательствъ, изъ которыхъ важнѣйшее я получилъ самъ и ни отъ кого другого, какъ отъ васъ самихъ.

— Отъ меня? Что за вздоръ! Какое доказательство я могъ вамъ дать?

— Въ свое время до этого дойдетъ рѣчь, если вы сможете спокойнѣе меня выслушать.

Подъ вліяніемъ умиротворяющаго, полнаго тоски и горя, тона Мурзаева гнѣвъ мало по малу покидалъ Олега Кириловича. Образъ прадѣда - крѣпостника расплывался. Князь ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ. Переборовъ свое волненіе, онъ сѣлъ на диванъ и сказалъ, хотя уже не гнѣвнымъ, но презрительно - ироническимъ тономъ:

— Я васъ слушаю.

— Начну съ самаго начала, — сталъ разсказывать Мурзаевъ. — Начну съ предположенія, мелькнувшаго у меня на краткій моментъ, но сейчасъ же отброшеннаго и забытаго, какъ абсурдное. Однако оно превратилось въ непреклонное убѣжденіе, въ непреложную, чудовищную правду. Началось все съ запаха. Вы ощущаете ароматъ, исходящій отъ этого платья?

— Не только ощущаю, но и хорошо его знаю. Это духи, которые употребляетъ Аріадна Георгіевна.

— Поэтому и мнѣ этотъ запахъ знакомъ очень давно, — продолжалъ Мурзаевъ. — Я случайно натолкнулся на автомобиль, угнанный убійцей ради поѣздки на убійство и потомъ имъ брошенный на краю города. Около мѣста шофера ощущался этотъ запахъ. Тогда мнѣ не пришло еще въ голову, кто пользуется такими духами. На слѣдующій день вечеромъ я былъ у Махарадзе въ гостяхъ, откуда меня вызвали на мѣсто убійства, гдѣ я ощутилъ тотъ же запахъ отъ перчатки, оставленной преступникомъ. Такъ какъ я только что передъ этимъ былъ въ обществѣ Аріадны Георгіевны, то мнѣ тогда впервые пришло на умъ ея имя ,но это мнѣ показалось не только абсурднымъ, но и кощунственнымъ.

— Неужто вы допускаете, что молодая женщина способна ночью безъ дороги, безъ огней ѣхать на автомобилѣ, имъ управляя? —иронически прервалъ Олегъ Кириловичъ.

— Та, о которой идетъ рѣчь, способна, — убѣжденно отвѣтилъ Мурзаевъ. — Она смѣлая спортсменка и всѣмъ извѣстно, какъ она прекрасно управляетъ машиной и любитъ бѣшенную ѣзду. На слѣдующій день я вновь подъ вечеръ былъ у Махарадзе. Возвращаясь отъ нихъ, я вновь вспомнилъ этотъ запахъ, и вновь у меня въ головѣ мелькнуло то же имя. Я сказалъ Рыбакову, что у меня отъ усталости до того разболѣлась голова, что лѣзутъ мысли противныя здравому смыслу, при чемъ упомянулъ имя Аріадны Георгіевны. Послѣ этого я самъ позабылъ эту свою бредовую мысль, а Рыбаковъ по собственному почину направилъ розыскъ въ этомъ направленіи.

— Обрадовался болванъ, — вновь прервалъ Мурзаева князь. — Хороши же у васъ доказательства, служащія вамъ матеріаломъ для опороченія дѣвушки, чище и святѣе которой я не встрѣчалъ во всю свою жизнь. Такъ вы полгорода можете посадить въ тюрьму. Хотите, я сегодня же вамъ достану чуть не ведро такихъ духовъ? Думаете ли вы, что они изготовляются по спеціальному заказу Аріадны Георгіевны, и для нея одной?

— Тоже самое я вчера сказалъ Рыбакову при началѣ его доклада, — согласился Мурзаевъ. — Запахъ не улика, но лишь то, что навело на правильный слѣдъ. Говорю же я вамъ о немъ, чтобы объяснить, почему сыскъ былъ направленъ въ сторону квартиры Махарадзе. Вечеромъ въ день похоронъ вашего брата я выѣхалъ въ тотъ городъ, гдѣ раньше жили Махарадзе и теперь продолжаетъ жить Рожновъ. Тамъ при выходѣ съ вокзала я ощутилъ тотъ же запахъ, а вечеромъ еще явственѣе услыхалъ его около двери въ квартиру Рожнова, гдѣ на мои звонки мнѣ не отперли, хотя въ квартирѣ были люди.

— Послѣ чего вы, надѣюсь, окончательно излѣчились отъ своей бредовой идеи, разъ услыхали тотъ же запахъ за сотни верстъ отъ здѣшнихъ мѣстъ, — продолжая иронизировать, замѣтилъ князь.

— Есть серьезныя основанія предполагать, что она была тамъ.

— На чемъ же эти предположенія основаны?

— Прежде всего на лжи Аріадны Георгіевны.

— Она не способна лгать.

— Насколько способна она къ этому вы увидите изъ дальнѣйшаго. По ея словамъ она выѣхала въ день похоронъ въ Козьмо-Демьянскъ на богомолье въ монастырь, гдѣ игуменьей ея тетка. Вернувшись, она подробно мнѣ разсказала о своемъ трехдневномъ пребываніи тамъ. За послѣднія сутки я успѣлъ снестись съ Козьмо-Демьянскомъ срочными телеграммами. Ея не только тамъ не было, но въ монастырѣ впервые узнали о существованіи на бѣломъ свѣтѣ такой дѣвицы. Это же нашло подтвержденіе въ моемъ разговорѣ съ Берлогинымъ.

— Съ Берлогинымъ? Его то гдѣ вы могли видѣть? и что онъ можетъ имѣть общаго съ Аріадной Георгіевной.

— Что общаго между ними, къ этому придется вернуться. Видѣлъ я его въ вашей нижегородской конторѣ. Она мнѣ говорила, что въ Козьмо-Демьянскѣ въ теченіи трехъ дней ежедневно имѣла съ нимъ продолжительныя свиданія, онъ же категорически утверждаетъ, что тамъ ее не видалъ.

— Но если ея не было тамъ, то почему она должна была находиться въ томъ городѣ, гдѣ живетъ Рожновъ, а не въ какомъ нибудь третьемъ? — возразилъ князь, оставляя свой прежній ироническій тонъ.

— Изъ недомолвокъ захмѣлѣвшаго Рожнова было ясно, что одновременно со мной въ тотъ городъ пріѣхало какое то лицо, сулившее Рожнову сотни тысячъ и переѣздъ въ Италію. Для этого требовали отъ него лишь согласія на что то. Онъ однако отказался, боясь подвергнуться участи вашего брата. Въ тѣ же дни видѣли Рожнова въ сопровожденіи дамы подъ густой вуалью по фигурѣ очень похожей на Аріадну Георгіевну.

— Слушайте, Иванъ Григорьевичъ, — прервалъ князь, — все, что вы говорите, — лишь предположенія, предположенія и предположенія и больше ничего. Но согласитесь, что смерть брата никоимъ образомъ не могла входить въ интересы Аріадны Георгіевны. У нея не могло быть никакихъ мотивовъ къ этому преступленію. Зачѣмъ бы понадобилась ей эта смерть. Завладѣть капиталами? — такъ отъ нихъ она настойчиво отказывалась.

— Однако въ концѣ концовъ согласилась, — возразилъ Мурзаевъ, — и даже какой то авансъ отъ васъ приняла.

— Да, но сколько стоило мнѣ труда ее уломать. Я часами ее убѣждалъ, умолялъ, угрожалъ, но все было тщетно. Переломилъ ее упорство, только заклиная исполнить послѣднюю волю моего покойнаго брата и ея жениха, изложенную въ его письмѣ на мое имя.

— Это письмо подложно, — оборвалъ Мурзаевъ.

— Что-о-о??

— Говорю, что это письмо подложно и написано тѣмъ же Рожновымъ, который сфабриковалъ и краткую предсмертную записку и письмо отъ мифической Таты.

— Позвольте, вы увлекаетесь, — заволновался Олегъ Кириловичъ. — Вѣдь это письмо найдено не въ дачномъ домѣ и не вами, а мной самимъ въ этомъ городскомъ домѣ въ ящикѣ письменнаго стола. Какимъ образомъ оно могло бы попасть въ запертый ящикъ, да еще быть подсунуто внизъ подъ другія бумаги.

— Это платье тоже было въ запертомъ шкапу, а мы его достали. Такимъ же способомъ и письмо могло быть положено въ запертый столъ. Для этого существуютъ отмычки и подобранные ключи.

— Во первыхъ трудно допустить, чтобы она умѣла обращаться съ подобными инструментами, — горячился князь, — а во-вторыхъ у нея для этого не было времени. При жизни брата было невозможно это сдѣлать. Что было бы, если бы самъ братъ при жизни нашелъ подобное письмо? Послѣ же его смерти она до моего пріѣзда здѣсь не бывала.

— Была, — возразилъ Мурзаевъ. — Въ день своего ангела, т. е. на другой день убійства она провела полчаса одна одинешенька въ кабинетѣ. Время вполнѣ достаточное для этой манипуляціи.

— Нѣтъ, всетаки вы ошибаетесь, — настаивалъ князь. — Я прекрасно знаю почеркъ брата. Это письмо писано имъ самимъ.

— Подложность письма не является лишь моимъ предположеніемъ, а установлена экспертизой Громова.

Олегъ Кириловичъ, дѣлаясь болѣе и болѣе задумчивымъ, нѣкоторое время молчалъ.

— Не могу я допустить, чтобы человѣкъ былъ способенъ въ теченіи ряда дней разыгрывать передо мной такую комедію неутѣшной вдовы, — воскликнулъ онъ. — Не Рожновъ ли все это самъ одинъ совершилъ вплоть до убійства, разъ онъ здѣнь замѣшанъ.

— Нѣтъ, онъ здѣсь не былъ и изъ своего города не выѣзжалъ. Что же касается комедіи, то, какъ увидите, эта актриса безъ амплуа и способна разыграть не хуже и трагическую сцену. Роль же Рожнова сводилась лишь къ изготовленію бутафоріи для инсценировки картины самоубійства. Онъ изготовилъ подложные документы, а также добылъ ядъ, подсыпанный убійцей въ гоголь-моголь.

— Такъ ядъ досталъ онъ? Откуда?

— Похитилъ изъ лабораторіи гимназіи, гдѣ тогда еще учительствовалъ.

— Послушайте, Иванъ Григорьевичъ, разъ онъ досталъ ядъ, то по всей вѣроятности онъ же самъ употребилъ его въ дѣло.

— Нѣтъ, Олегъ Кириловичъ, онъ былъ только пособникомъ, что удостовѣрено собственноручно убійцей.

— Собственноручно?

— Да, у него руки только въ чернилахъ, а въ крови онѣ у того, кто писалъ это письмо, адресованное Рожнову, — сказалъ Мурзаевъ, передавая письмо, найденное Рыбаковымъ и Скальскимъ въ пиджакѣ Рожнова.

— Это ея почеркъ! — прохрипѣлъ съ судорогой въ горлѣ князь, лишь только прочелъ переданное ему письмо. Поблѣднѣвъ, какъ полотно, онъ упалъ лицомъ на диванъ.

— Ея-ли почеркъ намъ скажетъ въ свое время тотъ же экспертъ Громовъ, — сказалъ Мурзаевъ. сѣвъ рядомъ съ княземъ и стараясь его успокоить.

— Ея, ея!! — судорожно всхлипывалъ Олегъ Кириловичъ, — я знаю, какъ она пишетъ. Не далѣе какъ сегодня утромъ я получилъ отъ нея записку о томъ, что она запоздаетъ на сеансъ. Боже мой, Боже мой, какая улика!

— Безспорныя улики еще впереди, — сказалъ Мурзаевъ. — Соберите ваши силы, чтобы слушать меня дальше.

— А можетъ быть дѣйствительно случайное сходство почерковъ, — робко произнесъ князь, хватаясь за эту мысль, какъ утопающій за соломинку.

— Можетъ быть, — не сталъ спорить Мурзаевъ, — но слушайте далѣе. Въ день смерти вашего брата она покупаетъ въ магазинѣ Бурмистрова перчатки. Одну изъ нихъ правую забываетъ въ комнатѣ убійства, лѣвую же. . .

— Но вѣдь такія перчатки могли быть у кого нибудь другого, — также неувѣренно возразилъ князь въ слабой надеждѣ, что окажется лишь тяжкимъ кошмаромъ то, въ чемъ онъ начиналъ убѣждаться.

— То, что она въ этотъ день что то покупала у Бурмистрова, я знаю отъ нея самое. Въ магазинѣ за этотъ день была продана лишь одна пара перчатокъ такого сорта, такой длины и такого номера. Продававшій приказчикъ хорошо знаетъ въ лицо Аріадну Георгіевну. Но суть не въ томъ. Лѣвая перчатка отъ той же пары найдена около дома на Успенской улицѣ, въ которомъ живутъ Махарадзе. Перчатка была выброшена въ глухой, заросшій и запертый садъ вмѣстѣ съ цвѣтами изъ окна ея комнаты.

— Какіе цвѣты?

— Орхидеи изъ вашей оранжереи, срѣзанныя вашимъ братомъ передъ самымъ отъѣздомъ въ дачный домикъ, очевидно, для того, чтобы поднести ихъ той, съ кѣмъ назначена была тамъ встрѣча. Одинъ цвѣтокъ я нашелъ въ брошенномъ на дорогѣ автомобилѣ, остальные пять вмѣстѣ съ перчаткой — подъ ея окномъ. Тождество сорта всѣхъ шести установлено профессоромъ ботаники здѣшняго университета.

— Позвольте, у меня начинаетъ болѣть голова. Я не могу схватить мысли — какой выводъ вы изъ этого дѣлаете?

— Ясно, что управлялъ машиной и ѣхалъ на ней тотъ, кто получилъ цвѣты въ дачномъ домѣ отъ вашего брата. Это былъ тотъ, изъ чьего окна они были выброшены въ садъ. Можно думать, что ранѣе они были заткнуты за поясъ этого платья, гдѣ видны какіе то слѣды.

— Значитъ, она была давно въ подозрѣніи, если былъ обысканъ садъ, прилегающій къ ея дому?

— Нѣтъ. Помогъ случай. Скажите, Олегъ Кириловичъ, не замѣтили ли вы, что она, идя за гробомъ на кладбище, немного прихрамывала.

— Даже очень сильно. Очевидно, это былъ результатъ усталости и нервнаго потрясенія.

— Такъ же объяснили многіе, замѣтившіе неровность ея походки, въ томъ числѣ я самъ, — сказалъ Мурзаевъ, — однако причина хромоты была иная.

— Неужто и здѣсь кроется какая нибудь улика? — съ тревогой спросилъ Олегъ Кириловичъ.

— Даже очень серьезная. Это означаетъ, что на тѣлѣ преступницы наложено позорное клеймо, ее уличающее.

— Какое клеймо? Кто могъ ее заклеймить? — недовѣрчиво сказалъ князь.

— Вѣрный другъ вашего брата, за его жизнь отдавшій свою.

— Кто?

— Его собака, догъ Рабо, убитый одновременно съ хозяиномъ, но успѣвшій укусить убійцу за икру правой ноги немного ниже колѣна.

— Какимъ образомъ вы это установили? Не могли же вы видѣть ея голыя ноги.

— Видѣлъ не я ,а горничная, у нихъ служившая, нѣкая Прасковья Васильева. По ея словамъ барышня въ тотъ роковой день одѣлась въ это самое платье, чтобы ѣхать къ генеральшѣ Цѣлинской. Одѣлась она около шести часовъ вечера, сказавъ, что поѣдетъ къ парикмахеру, еще куда то и оттуда прямо къ Цѣлинской, не заѣзжая домой. Однако неожиданно для свидѣтельницы въ началѣ десятаго часа вечера она вернулась домой, чтобы перемѣнить платье. Прасковья Васильева хотѣла помочь ей переодѣться, но была выслана вонъ. Вспомнивъ, что съ вечерней почтой пришло письмо на имя барышни, она вернулась въ ея комнату съ письмомъ и увидала, что Аріадна Георгіевна въ одномъ бѣльѣ сидитъ около поставленнаго на полъ таза, замывая рану на правой ногѣ. Барышня очень разсердилась и немедленно вновь выгнала, чуть не вытолкала, изъ комнаты горничную. Но послѣдняя успѣла замѣтить на столѣ приготовленные бинты, а на правой ногѣ барыш-

ни большую кровосочащую рану овальной формы, какая можетъ получиться отъ укуса собаки крупной породы. Черезъ нѣкоторое время барышня вышла изъ своей комнаты переодѣтая въ другое платье и уѣхала на балъ. Прасковья Васильева прошла въ ея комнату, чтобы ее прибрать, но къ своему удивленiю работы для себя тамъ не нашла. Все было прибрано и приведено въ порядокъ. Даже тазъ оказался пустой, какъ и ведро для грязной воды. Очевидно, что вода изъ таза была выплеснута въ садъ черезъ окно. Сегодня Рыбаковъ тамъ подъ окнами нашелъ нѣсколько кусковъ ваты со слѣдами крови. Платье, скинутое барышней, тоже оказалось прибраннымъ въ шкапъ, который былъ запертъ, а ключъ вынутъ. Съ того вечера этотъ ключъ виситъ на шеѣ Арiадны Георгiевны, а къ шкапу никто не допускается, даже ея мать.

— Какъ же было добыто оттуда платье?

— Жена моего помощника Дарья Степановна Рыбакова преобразилась въ прислугу и поступила на мѣсто уволенной Прасковьи Васильевой. Замѣтивъ, что Арiадна Георгiевна черезчуръ ревностно охраняетъ одно изъ отдѣленiй шкапа, она его вскрыла подобраннымъ ключемъ и взяла оттуда это платье съ важными на немъ слѣдами.

— Но если все это такъ, то что же выходитъ? Будто она, совершивъ убiйство, тотчасъ же отправляется на балъ, гдѣ танцуетъ чуть не до утра. Это не мыслимо. До такой черствости ни одинъ человѣкъ дойти не можетъ. Согласитесь, что это былъ бы не человѣкъ, а демонъ.

— Согласенъ. Въ томъ то и ужасъ, что на своемъ жизненномъ пути вашъ братъ, вы и я встрѣтились съ исчадьемъ ада подъ личиной святости и непорочности. Вы правы, что никто изъ людей на можетъ быть способенъ на такое безразличное пролитiе крови, на такое демоническое комедiанство, однако кромѣ той, которая «какъ демонъ коварна и зла».

— Но возможно ли выдержать роль веселой безпечности въ теченiи нѣсколькихъ часовъ, зная, что въ это время стынетъ трупъ убитаго ею человѣка? — съ угрюмымъ недоумѣнiемъ произнесъ князь.

— Что вы говорите, Олегъ Кириловичъ, о нѣсколькихъ часахъ, если этотъ діавольскій спектакль тянется по сію пору и протянулся бы до того времени, пока капиталы вашего брата не оказались бы въ ея рукахъ. Я говорилъ вамъ, что она способна разыграть роль высшаго трагизма. При такомъ трагическомъ актѣ я присутствовалъ на ея именинахъ. Нужно было видѣть на ея лицѣ ужасъ отъ якобы неожиданнаго извѣстія о смерти князя Всеволода Кириловича. А этотъ раздирающій крикъ! А какъ естественно она впала въ обморокъ и въ истерику. И все-то это была комедія, одурачившая всѣхъ присутствующихъ, а меня, можетъ быть, больше другихъ. Изо всей большой компаніи лишь одинъ верхоглядъ и благеръ подмѣтилъ маленькій штрихъ, который могъ бы выдать игру. Я же тогда на него за это разсердился.

— Кто такой, и что онъ подмѣтилъ?

— Товарищъ прокурора Раковскій. Онъ замѣтилъ, что она, хоть и потеряла сознаніе, но всетаки успѣла, падая, одернуть приподнявшуюся было юбку. Теперь ясно почему — нужно было скрыть забинтованную ногу.

— Нѣтъ, нѣтъ. Это слишкомъ чудовищно, — говорилъ подавленный Олегъ Кирилловичъ, растирая себѣ грудь противъ сердца. — Я никакъ не могу осмыслить такое предательство, такое безсердечіе. Быть можетъ вашъ Раковскій выдумалъ это ради благерства, а горничной рана лишь показалась похожей на укусъ собаки.

— Это подтверждается другими данными.

— Какими? тоже чьими нибудь наблюденіями, которыя могутъ быть субъективны, а потому ошибочными.

— На это мы имѣемъ вещественныя доказательства, объясняющія за чѣмъ ей понадобилось смѣнить платье и отправиться на одинъ изъ лучшихъ вечеровъ въ году въ костюмѣ, въ которомъ она уже нѣсколько разъ показывалась въ обществѣ. Мы доходимъ до этого платья съ отдѣлкой, присланной вами изъ Петербурга. Оно было смѣнено, потому что было разорвано зубами собаки, защищавшей своего хозяина.

— Развѣ нельзя допустить, что она могла какъ нибудь иначе разорвать платье?

— Въ зубахъ собаки была обнаружена одна бисеринка изъ стеклярусной отдѣлки платья. Другія двѣ бисеринки указали на трюкъ, выдуманный ею для созданія впечатлѣнія, что князь покончилъ самоубійствомъ, а не былъ убитъ посторонней рукой.

— Какой трюкъ? гдѣ нашли эти бисеринки? — съ тоской спросилъ князь.

— Какъ вамъ извѣстно, мертвое тѣло вашего брата было обнаружено въ запертомъ изнутри домѣ. Убійца, выйдя черезъ парадную дверь и заперевъ ее снаружи, ключь отъ нея забросила внутрь дома черезъ окно. Она, не замѣтивъ паутины, бывшей подъ этимъ окномъ, оставила на ней двѣ бисеринки отъ разорванной отдѣлки своего платья. Часть этой паутины прицѣпилась къ платью. Посмотрите на нее. Вы видите ,что запуталось въ паутинѣ?

— Это — крупное семя какого-то цвѣтка. Кажется, высохшій огурчикъ настурціи, — отвѣтилъ Олегъ Кириловичъ.

— Совершенно вѣрно. Подъ окномъ по стѣнѣ вилась настурція. Паукъ прикрѣпилъ свои нити къ ея стеблямъ и къ стѣнѣ дома. На этомъ же платьѣ имѣются слѣды, доказывающіе, что убійца, одѣтая въ него, ѣхала на томъ самомъ автомобилѣ, который я нашелъ на Овражной улицѣ.

— Боже мой, Боже мой. Какъ я усталъ. — простоналъ князь. — Вы своими словами, какъ молотомъ бьете по моей головѣ. Гдѣ же они? Какіе еще слѣды?

— Вотъ они на подолѣ платья. Въ чемъ онъ запачканъ?

— Какая то маслянистая грязь.

— Понюхайте.

— Есть какой то слабый непріятный запахъ, можетъ быть, выдохшійся, — отвѣтилъ князь, нагнувшись надъ платьемъ и втягивая носомъ воздухъ. — Похоже на машинное масло съ примѣсью керосина.

— Это будетъ предметомъ особой экспертизы, но вы опять правы. Только здѣсь не керосинъ, а бензинъ. Тотъ автомобиль содержался крайне неопрятно. Въ ногахъ у шофера было болото грязи. Скажите, гдѣ въ другомъ мѣстѣ кромѣ этой грязной машины, могла бы Арі-

адна Георгіевна запачкать такъ свое платье и при томъ столь сильно. Не въ фешенебелной же парикмахерской и не на полу квартиры у кого либо изъ своихъ знакомыхъ. Не такъ ли?

Олегъ Кириловичъ молчалъ. Было слышно лишь его прерывистое дыханье. Мурзаевъ, пристально взглянувъ на него, увидалъ безумные глаза на бѣломъ, какъ листъ писчей бумаги, лицѣ. Безкровныя губы что то беззвучно шептали. Преклонивъ ухо, Мурзаевъ услыхалъ:

— „Прекрасна какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ коварна и зла“.

— Олегъ Кириловичъ! Князь — окликнулъ Мурзаевъ, но князь продолжалъ сидѣть въ той же неподвижной, окаменѣвшей позѣ, не переставая что то бормотать.

— Какъ ни какъ, хоть тяжело и жалко, а надо его освѣдомить до конца, — подумалъ Мурзаевъ, подсѣлъ поближе къ князю, сжалъ ему руку и громко окрикнулъ:

— Олегъ Кириловичъ! я продолжаю.

— А?? а?? что такое — внезапно очнулся князь. — Какъ? вы еще не кончили? О, какъ вы меня мучаете? Неужто сказаннаго недостаточно для того, чтобы понять какую ехидну братъ пригрѣлъ на своей груди.

— Главнѣйшее впереди, — отвѣтилъ Мурзаевъ.

— Боже мой, Боже мой! Развѣ мало вами сообщеннаго. Говорите, но ради Бога кончайте скорѣе, иначе у меня не хватитъ силъ переносить долѣе эту пытку.

— Полковникъ Лѣтняковъ установилъ, что князь былъ убитъ изъ револьвера, найденнаго въ кустахъ. Кто указалъ, гдѣ надо было его искать? Она же при попыткѣ навести подозрѣніе на Берлогина, изъ недомолвокъ котораго она якобы поняла, куда онъ забросилъ оружіе послѣ совершенія своего преступленія. Но мною уже было сказано, что въ Козьмо-Демьянскѣ она не была и съ Берлогинымъ встрѣчи не имѣла. Кто же кромѣ убійцы могъ знать, гдѣ имъ оставленъ револьверъ? Если убилъ не Берлогинъ, то убила она.

— А вдругъ какъ онъ. . — схватился князь за эту мысль въ жаждѣ разубѣдить самого себя въ ужасной

дѣйствительности. — Онъ могъ это сдѣлать ради сокрытія 80 000, полученныхъ отъ брата.

— Полно, Олегъ Кириловичъ, грѣшить на честнѣйшаго человѣка, какъ впрочемъ я самъ грѣшилъ изъ за навѣта этой змѣи. Берлогинъ получилъ отъ покойнаго деньги только не 80 000, а 30 000, а остальныя 50 000 пропали вмѣстѣ съ Берлогинской роспиской.

— Вы хотите сказать, что эти деньги украдены ею? что она ко всему прочему воровка?

— А то какъ же иначе. Почему васъ это удивляетъ? Мотивомъ то убійства было не желаніе ли завладѣть капиталами вашего брата?

— Но откуда она могла ихъ похитить? и когда она могла бы подбросить револьверъ въ кусты? — схватился князь за новую мысль. — Инсценируя самоубійство, она не могла это сдѣлать тогда же. Случайное нахожденіе оружія разрушило бы всѣ ея планы. Она должна бы была это понимать.

— Какъ и всякій другой убійца, почему револьверъ ею былъ подкинутъ впослѣдствіи, когда версія самоубійства провалилась. Откуда она похитила деньги — не знаю. Можетъ быть изъ того же стола, куда подсунула подложное письмо на ваше имя, можетъ быть съ мертваго тѣла изъ кармана.

— Но могла-ли она вновь побывать на мѣстѣ убійства? Вѣдь это было бы очень рисковано.

— Побывала. Риска она не боится, что видно хотя бы изъ ея ночной поѣздки на автомобилѣ. Сегодня утромъ я выѣзжалъ на станцію желѣзной дороги, что вблизи вашего дачнаго дома. Тамъ, опросивъ массу лицъ, нашелъ двухъ, видѣвшихъ, какъ она вылѣзала изъ поѣзда, идущаго со стороны того города, гдѣ живетъ Рожновъ. Лишнее доказательство, что она ѣздила туда, а не въ Козьмо-Демьянскъ. Это было какъ разъ въ утро того дня, когда она возвратилась изъ своей поѣздки.

— Но они могли ошибиться. Навѣрное она приняла бы мѣры, чтобы не быть узнанной.

— И приняла, но порывъ вѣтра испортилъ дѣло, откинувъ вуаль, когда она, сходя съ вагона, держалась за поручни. Кромѣ того ея остановка на глухой станціи

находитъ подтвержденіе въ сообщеніи госпожи Рыбаковой.

— Что она говоритъ?

— То, что изъ своей поѣздки Аріадна Георгіевна возвратилась въ такое время дня, когда никакихъ поѣздовъ дальняго слѣдованія въ нашъ городъ не приходитъ, а прибываютъ лишь поѣзда мѣстнаго, пригороднаго движенія.

Подавленный цѣпью неопровержимыхъ доказательствъ виновности Аріадны Георгіевны, Олегъ Кириловичъ сжалъ руками голову, какъ тисками, и могъ только простонать:

— Теперь, надѣюсь все?

— Есть еще одно доказательство и при томъ важнѣйшее.

— Что же такое? — взглянулъ князь на Мурзаева взглядомъ собаки, избиваемой хлыстомъ.

— Пальцевые отпечатки. На краткой предсмертной запискѣ были проявлены отпечатки пальцевъ человѣка, державшаго ее въ рукахъ. На рулѣ автомобиля былъ слѣдъ пальца человѣка, управлявшаго машиной. Отпечатки на запискѣ и на рулѣ тождественны. Они — слѣдъ руки убійцы. Эта рука была рукой Аріадны Георгіевны.

— Но какъ вы могли получить отпечатки ея пальцевъ? откуда?

— Отъ васъ.

— Отъ меня? Ничего подобнаго не было. Вы ошибаетесь. Когда это могло быть? — запротестовалъ Олегъ Кириловичъ.

— Вчера. Долженъ признаться, что я передъ вами слукавилъ. Все — или точнѣе сказать — почти все, доложенное мною вамъ, мнѣ самому было уже извѣстно, когда я къ вамъ приходилъ. Мнѣ нужно было узнать — продолжаетъ ли она отказываться отъ капиталовъ вашего брата. Если бы это было такъ, то не смотря на массу уликъ, обвиненіе ея въ убійствѣ было бы шатко за отсутствіемъ мотива. Я шелъ къ вамъ съ тайной надеждой услыхать, что она продолжаетъ упорствовать въ своемъ безкорыстіи. Я ждалъ вашего слова, отъ котораго чудовищное подозрѣніе могло бы разсѣяться. Я

былъ пораженъ, какъ громовымъ ударомъ, узнавъ, что она согласилась вступить во владѣніе капиталами и приняла отъ васъ авансъ.

— Да, да, да. . . — прервалъ Олегъ Кириловичъ, — но гдѣ же ея пальцы? гдѣ тѣ отпечатки ихъ, которыми будто я васъ снабдилъ.

— Вы мнѣ разсказали, что она испачкала руки въ краскахъ и запятнала ваши эскизы. Бросивъ на нихъ взглядъ, я увидалъ тамъ отпечатки пальцевъ. Упросивъ васъ подарить мнѣ эти рисунки на память, я прямо отъ васъ прошелъ въ дактилоскопическое бюро. Тамъ было установлено полное тождество отпечатковъ: на запискѣ, на рулѣ автомобиля и на вашихъ эскизахъ. Теперь все. Я самъ усталъ до изнеможенія послѣднихъ силъ, — закончилъ Мурзаевъ, откинувшись на спинку дивана, опустивъ голову и закрывъ глаза.

Долгое время въ комнатѣ была полная тишина. Слышно было лишь, какъ бабочка, ожившая подъ позднимъ, осеннимъ, солнечнымъ лучемъ билась о стекло, будто чья то душа стремилась вырваться къ свѣту изъ подавившей ее тьмы. Двое мужчинъ сидѣли неподвижно, не шевеля ни единымъ мускуломъ передъ портретомъ женщины, смотрѣвшей на нихъ ласкающимъ взоромъ. Прокравшійся лучъ солнца ярко освѣтилъ ея лицо. Казалось, что подъ этимъ лучомъ губы красавицы шевелились, складываясь въ манящую, зачаровывающую улыбку и беззвучнымъ шопотомъ навѣвали сладкія грезы. На краю губъ мазокъ кармина переливался, какъ капля свѣжей крови.

Мурзаевъ вздрогнулъ и быстро открылъ глаза отъ раздавшагося надъ его ухомъ крика.

— Вампиръ! — зычнымъ голосомъ, пронесшимся по анфиладѣ комнатъ, крикнулъ князь.

Мурзаевъ, взглянувъ на него, ужаснулся. Передъ нимъ стоялъ буйнопомѣшанный. Лицо князя было перекошено злобной гримасой. Изъ глазъ, неподвижно устремленныхъ впередъ, сыпались искры. Нижняя губа была прикушена до крови. На лбу выступили крупныя капли пота. Жилы на вискахъ вздулись. Обликъ разгнѣваннаго прадѣда крѣпостника, прошедшій передъ глазами Мурзаева въ началѣ разговора, по срав-

нію съ тѣмъ, что онъ видѣлъ теперь, могъ бы показаться лишь лицомъ раскапризничавшагося ребенка.

Изогнувшись всѣмъ тѣломъ какъ тигръ, готовящійся сдѣлать прыжокъ на добычу, князь сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ столу. Тамъ лежалъ складной, закругленный, крѣпкой стали ножъ, Нервными, быстрыми движеніями Олегъ Кириловичъ схватилъ его, и раскрывъ, зажалъ рукоятку въ крѣпко стиснутомъ кулакѣ. Сдѣлавъ еще нѣсколько подкрадывающихся, ползучихъ шаговъ, онъ съ дикимъ воплемъ поднялъ ножъ на высоту вытянутой руки. Мурзаевъ подобралъ ноги на диванъ, прижался къ его спинкѣ и приготовился къ защитѣ и прыжку. . . .

20.

— Сгинь! — хрипло прорычалъ Олегъ Кириловичъ.

Съ полнаго размаха руки онъ вонзилъ остріе ножа въ полотно портрета. Раздался свистящій трескъ разрѣзаемаго ножомъ холста. Портретъ былъ разрѣзанъ съ угла на уголъ во всю вышину. Прорѣзъ прошелъ по лицу отъ лѣваго виска между глазъ къ правому углу губъ. Олегъ Кириловичъ пошатнулся, выронивъ ножъ изъ рукъ на полъ, и упалъ бы во весь ростъ передъ мольбертомъ, еслибы не Мурзаевъ, подоспѣвшій его поддержать.

Мурзаевъ уложилъ князя на диванъ. Тотъ истерически рыдалъ. Много труда пришлось потратить Мурзаеву, чтобы привести его въ чувства и хоть немного успокоить. Постепенно рыданья перешли во всхлипываніе. Князь спустилъ ноги съ дивана и съ жадностью выпилъ стаканъ воды, поданный Мурзаевымъ. Локтями оперся на колѣни и съ опущенной на руки головой замолкъ. Мурзаевъ, присѣвъ рядомъ, обнялъ его за талію.

— Мнѣ стыдно смотрѣть вамъ въ глаза, Иванъ Григорьевичъ, послѣ нанесенныхъ мною вамъ оскорбленій, — были первыя слова Олега Кириловича, когда къ нему вернулась способность рѣчи. — Я понимаю, что забыть мною сказаннаго нельзя, но я готовъ просить прощенья на колѣняхъ. Простите безумнаго слѣпца.

— Полно, полно, Олегъ Кириловичъ, поминать то, что миновало. Вѣрьте моему честному слову, что все вами наговоренное не только прощено, но и забыто.

Могу ли я обижаться, если я самъ до вчерашняго дня не менѣе васъ слѣпотствовалъ.

— Дайте мнѣ вашу руку, — попросилъ князь.

— Да хоть обѣ, и вѣрьте — отъ чистаго сердца, — воскликнулъ Мурзаевъ, пожимая протянутую ему руку. — Я не огорченъ происшедшимъ, а восторгаюсь при видѣ глубины вашего братскаго чувства къ убитому Всеволоду Кириловичу.

— Не только это, Иванъ Григорьевичъ, не только братская любовь говорила во мнѣ.

— А что же еще?

— Вы ее когда то любили? — спросилъ Олегъ Кириловичъ вмѣсто отвѣта.

— Да, и не только — «когда то».

— Какъ? вы и теперь ее любите?

— Теперь ненавижу, а до вчерашняго дня любилъ, — глубоко вздохнулъ Мурзаевъ. — Любовью тихой, замкнутой, незримой ни для нея самое, ни для людей. Той любовью, которая ничего не ищетъ для себя, а лишь жаждетъ счастья любимаго человѣка. Поэтому мнѣ было очень тяжело, когда выборъ ея палъ на Рожнова, который не создалъ бы ей счастья. Потому же радостью сквозь слезы переполнилось мое сердце при извѣстіи о предстоящемъ бракѣ ея съ вашимъ братомъ.

— Господи, Боже мой, — воскликнулъ Олегъ Кириловичъ, — но какой ужасъ вы должны были пережить за вчерашній день, когда вамъ пришлось провѣрять и самому устанавливать уличающія ее данныя.

— Что я пережилъ? Трагедію, — отвѣтилъ Мурзаевъ. — Вѣдь чуть не классическое опредѣленіе трагедіи, какъ переживаніе борьбы между чувствомъ и долгомъ. Я не говорю про долгъ служебный, а про долгъ передъ тѣмъ, чему я сознательно, по собственной охотѣ посвятилъ свою жизнь — борьбѣ съ преступностью. Если бы вы знали, какіе мучительные до жуткости часы я пережилъ за послѣднюю ночь. Долженъ сознаться, что до утра я не могъ бы сказать, кто побѣдитъ въ моей душѣ — долгъ или чувство. Нѣсколько разъ за эту ночь я самъ былъ близокъ къ преступленію, желая уничтожить доказательства, собранныя Рыбаковымъ, а отчасти и мною самимъ. Но долгъ побѣдилъ.

— Сердечное, глубокое спасибо за искренность признанія, — сказалъ князь, — за то, что вы довѣрили мнѣ сокровенную тайну вашего сердца. Такое довѣріе можетъ быть оплачено лишь той же цѣной. Поэтому теперь я вамъ могу отвѣтить на вашъ вопросъ, оставшійся безъ отвѣта.

— Какой?

— Что говорило во мнѣ кромѣ любви къ брату.

— Что же?

— Тоже что было и въ вашей душѣ. Любовь къ ней. Ея внѣшній обликъ, ея чарующій голосъ, ея ласковость взора, ея мягкая задушевность и ея глубокая сердечность, оказавшіяся столь лживыми, сдѣлали то, что я уже со второй, третьей встрѣчи былъ всецѣло во власти ея чаръ. Благодаря бесѣдъ во время сеансовъ зародившееся въ душѣ моей чувство созрѣло въ прочную, глубокую любовь. Я позналъ высшую, чистую любовь, названную Микель-Анджело крыльями, на которыхъ человѣкъ можетъ подняться до Господа Бога. О, если бы вы слышали, съ какимъ неизбывнымъ горемъ она вспоминала моего несчастнаго брата, какъ негодующе звучалъ ея голосъ, какой священной местью сверкали ея глаза по адресу убійцы, котораго не удается обнаружить. Если бы вы видѣли, съ какой материнской лаской она меня утѣшала въ моемъ горѣ о погибшемъ братѣ. Если бы вы видѣли ея святыя слезы, цѣлившія мою наболѣвшую душу.

— О, кровавая комедіантка, — проскрежеталъ сквозь зубы Мурзаевъ.

— А послушали бы вы ее съ какимъ презрительнымъ пренебреженіемъ она относилась къ богатству, котораго лишилась изъ за смерти брата. Съ какой горячностью, чуть не съ гнѣвомъ она отказывалась отъ денегъ, ради которыхъ убила человѣка.

— Прекрасна какъ ангелъ небесный,

Какъ демонъ коварна и зла, — прошепталъ Мурзаевъ.

— Да, и это коварство и зло не показали себя наружу ни раза, — подтвердилъ Олегъ Кириловичъ, — ни въ голосѣ, ни во взглядѣ, ни въ какомъ либо жестѣ, никогда ни на единый кратчайшій моментъ. Въ моихъ

глазахъ передо мной былъ идеалъ человѣка, идеалъ женщины, чуть не небожитель, и я возмечталъ. . .

— О чемъ? — спросилъ Мурзаевъ.

— Замѣстить около нея моего брата. Не теперь, о нѣтъ, а когда нибудь въ будущемъ, когда все исцѣляющее время зарубцуетъ ея сердечную рану. Тогда, когда не только съ ея чела спадетъ трауръ, но когда и въ ея сердцѣ горе о погибшемъ женихѣ претварится лишь въ благоговѣйное о немъ воспоминаніе. Я мечталъ о томъ далекомъ будущемъ, когда возможнымъ станетъ сложить къ ея стопамъ и княжескую корону, и милліоны и самаго себя, какъ всепокорнаго раба.

— *„Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта*
Уже не любятъ. Какъ одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена.
Всегда, вездѣ одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль,“ —

сочувственно улыбаясь, продекламировалъ Мурзаевъ изъ «Евгенія Онѣгина».

— Какъ и вы? — спросилъ Олегъ Кириловичъ.

— Какъ и я, — отвѣтилъ Мурзаевъ.

— Любовь двухъ мущинъ къ одной женщинѣ весьма часто порождаетъ вражду между ними, — помолчавъ, вдумчиво сказалъ Олегъ Кириловичъ, — но иногда это можетъ ихъ связать тѣснѣйшей дружбой на всю жизнь.

— Особенно когда она оказалась недостойной не только ихъ любви, но и чьей либо, — отвѣтилъ Мурзаевъ.

Вновь настала тишина. Вновь въ молчаніи сидѣли двое передъ портретомъ женщины, которую оба любили. Солнечный лучъ давно покинулъ полотно портрета. На него легли тѣни. Выше прорѣза холостъ остался туго натянутымъ на подрамокъ, а ниже слегка его покоробило. Глазъ, оказавшійся выше прорѣза сохранилъ свой взоръ полный ласки и любви, другой же глазъ изъ за изгиба полотна пріобрѣлъ выраженіе лукавой злобы. Губы изогнулись въ змѣиную, презрительную улыбку. Аб-

рисъ подбородка приковывалъ вниманіе своимъ нѣжнымъ, изящнымъ контуромъ. Тѣнь на лбу придала всему лицу мрачный, загадочный видъ. Олегъ Кириловичъ, случайно бросивъ взглядъ на портретъ, вздрогнулъ, прижался къ Мурзаеву и, протянувъ руку, въ мистическомъ страхѣ прошепталъ:

— Змѣя, змѣя. Смотрите. Двуликая. Она и на портретѣ издѣвается надъ нами. Ожила діаволица. Она можетъ ожить. Я слишкомъ много вложилъ своей души въ это ея изображеніе. Не менѣе Пигмаліона, подъ рѣзцомъ котораго ожила его мраморная Галатея. Она сейчасъ выйдетъ изъ рамы, чтобы отомстить мнѣ за ударъ.

Выраженіе лица портрета поразило и Мурзаева, посмотрѣвшего по направленію протянутой руки князя, съ которымъ вновь начался нервный припадокъ. Мурзаевъ всталъ, сдернулъ съ однаго изъ столовъ бархатную скатерть и накинулъ ее на мольбертъ съ портретомъ.

— Не разстраивайте въ конецъ свои нервы, Олегъ Кириловичъ, возьмите себя въ руки, — уговаривалъ онъ князя, вновь подавая ему воду. — Разъ мы узнали этого человѣка, каковъ онъ есть, то не стоитъ изъ за него такъ себя мучить. Создали мы съ вами въ своихъ мечтахъ ангела, а на лицо оказался діаволъ .Ну и пусть себѣ идетъ въ свое мѣсто, если не въ преисподню, то въ каторжную тюрьму.

— Куда? Куда?... На каторгу?! Невѣста князя Кострова?! Какой позоръ! У меня что то было объ этомъ въ головѣ, когда она мнѣ помѣшала своимъ взглядомъ, — говорилъ князь, вставъ и начиная ходить вдоль по комнатѣ. — Вы говорите — довольно мучиться. Да знаете ли вы, отъ чего я страдаю. Этимъ ударомъ ножа я убилъ сразу двухъ: себя, вырывая изъ сердца любовь, и художника, уничтожая свое твореніе, лучшее изо всего, что я создалъ. Вы говорите — каторга, публичный судъ, свора любителей кровавыхъ процессовъ, погоня репортеровъ за сенсаціей, копанье въ сокровеннѣйшихъ тайникахъ сердца покойнаго брата. Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ надо подумать.

Онъ продолжалъ мѣрить широкими шагами комнату, глубоко задумавшись, Мурзаевъ, сидя на диванѣ, наблюдалъ за нимъ. Князь прошелъ въ сосѣдній съ ма-

стерской кабинетъ. Слышно было, какъ онъ тамъ что то отпиралъ и выдвигалъ какіе то ящики. Вернувшись, онъ положилъ на столикъ около окна футляръ, и снова началъ ходить изъ угла въ уголъ.

— Госпожа Аріадна Георгіевна Махарадзе изволила пожаловать, — раздался голосъ вошедшаго лакея.

— Пусть ждетъ, — почти грубо приказалъ Олегъ Кириловичъ, остановясь среди комнаты.

По уходѣ лакея онъ, подойдя къ Мурзаеву, спросилъ:

— Иванъ Григорьевичъ, кто кромѣ насъ двоихъ въ настоящее время знаетъ все то, что вы мнѣ сегодня сообщили?

— Еще два лица — Рыбаковъ и отчасти его жена.

— Только? и никто больше? А эта Прасковья Васильева?

— Кромѣ насъ четверыхъ никто пока ничего не знаетъ, а Прасковьѣ Васильевой неизвѣстно въ связи съ чѣмъ ее опрашивали объ укусѣ собаки.

— Когда вы намѣрены весь собранный матеріалъ передать судебнымъ властямъ?

— Намѣревался пройти сейчасъ же отъ васъ къ судебному слѣдователю.

— Въ такомъ случаѣ когда госпожа Махарадзе можетъ быть арестована?

— Сегодня вечеромъ, самое позднее завтре утромъ.

Олегъ Кириловичъ замолчалъ, видимо не рѣшаясь сказать что то Мурзаеву. Сдѣлавъ еще два конца по комнатѣ, онъ къ нему обратился:

— Я къ вамъ съ просьбой и при томъ съ очень большой и очень важной. Я хотѣлъ бы во имя только что заключеннаго между нами дружескаго союза просить объ одномъ одолженіи.

— Все, что только угодно вамъ, Олегъ Кириловичъ, я исполню.

— Не спѣшите съ обѣщаньемъ. Боюсь, что услышавъ меня, вы откажетесь на отрѣзъ, такъ какъ придется поступиться долгомъ.

— Не могу себѣ представить, что вы могли бы отъ меня требовать несогласнаго съ долгомъ честнаго человѣка.

— Я просилъ бы васъ повременить двое сутокъ съ передачей судебной власти собраннаго вами матеріала. Ровно двое сутокъ. Сегодня понедѣльникъ, сейчасъ три часа. Обѣщайте мнѣ, что вы не отправитесь ни къ слѣдователю, ни къ прокурору ранѣе трехъ часовъ дня Среды, а до того не скажете никому ни слова изъ того, что сообщили мнѣ.

— Зачѣмъ вамъ это? — въ нерѣшительности спросилъ Мурзаевъ.

— Это вы узнаете въ Среду. Что бы тамъ ни было, въ этотъ день, лишь только часы пробьютъ три удара, вы можете переступить порогъ зданія судебныхъ установленій, не заходя ко мнѣ. Я прошу отсрочки ровно на сорокъ восемь часовъ, ни часомъ болѣе.

— Что вы хотите дѣлать? — спросилъ Мурзаевъ, вглядываясь въ князя.

— То, что вы не одобрите, какъ службистъ, но съ чѣмъ будете солидарны, какъ человѣкъ, познавшій несчастную любовь.

— Изъ чего вы выводите свое послѣднее предположеніе?

— Изъ повѣренной мнѣ вами сокровенной тайны вашего сердца. Исполните мою просьбу ради нашей дружбы и ради нашей общей поруганной любви къ одной женщинѣ. Да? вы согласны? не такъ ли? по рукамъ? — просилъ князь, стоя передъ Мурзаевымъ съ протянутой рукой.

— Хорошо, согласенъ, — подалъ руку Мурзаевъ послѣ долгаго раздумья и колебанія. — Срокъ ровно 48 часовъ, по истеченіи котораго я немедленно исполняю свой служебный долгъ.

— Благодарю, благодарю, — говорилъ князь, тряся руку Мурзаева. — Этой услуги я никогда не забуду и всю жизнь буду считать себя въ долгу передъ вами, какъ вѣрный другъ. Еще одинъ вопросъ, — вспомнилъ онъ, — можно надѣяться, что за этотъ срокъ сохранятъ тайну господа Рыбаковы?

— Будьте покойны, за нихъ ручаюсь.

— А теперь, Иванъ Григорьевичъ, простите, но позвольте съ вами проститься. Я попрошу васъ оставить меня одного съ ней.

— Ну нѣтъ, Олегъ Кириловичъ, я не уйду Я боюсь. Я только что видѣлъ вашъ припадокъ, во время котораго вы потеряли самообладаніе. Я боюсь не за нея, а за васъ.

— Не тревожьтесь, — твердо отвѣтилъ Олегъ Кириловичъ. — Какова бы она ни была, но она женщина. Я никогда себя не допущу при какихъ бы то ни было условіяхъ поднять руку на женщину. Разговоръ же съ ней мнѣ будетъ удобнѣе вести съ глаза на глазъ.

— Я всетаки предпочелъ бы, если не присутствовать при разговорѣ, то находиться на всякій случай поблизости, — настаивалъ Мурзаевъ. — Если вы ручаетесь за себя, то возможно ли поручиться за нее что она не вздумаетъ устранить брата-обличителя.

— Я худшаго мнѣнія о ней чѣмъ вы, — отвѣтилъ князь. — По моему мнѣнію она способна на коварныя дѣйствія — подсыпать яду, инсценировать самоубійство, замести слѣды, но не пойдетъ на открытыя дѣйствія, въ которыхъ можетъ быть легко изобличена. Къ тому же она пойметъ, что не я самъ раскрылъ всѣ улики, а есть еще кто нибудь, у кого въ рукахъ обличительный матеріалъ. Пожалуй, я согласенъ, чтобы вы были рядомъ. Это даже къ лучшему. Я не хочу черезъ край насиловать вашу совѣсть, почему предоставляю вамъ право отказаться отъ вашего обѣщанія послѣ того, что вы услышите, сидя рядомъ въ кабинетѣ.

Мурзаевъ прошелъ въ кабинетъ, гдѣ сѣлъ въ кресло около двери, которую оставилъ открытой, опустивъ лишь портьеру. Онъ услышалъ звонокъ, данный княземъ, и вскорѣ послѣ того его голосъ:

— Пригласите сюда госпожу Махарадзе.

21.

— Я такъ виновата, такъ виновата, дорогой князь, за свое опозданіе, — еще въ дверяхъ заговорила Аріадна Георгіевна съ ласковой, добродушной улыбкой, — но вы простите меня, узнавъ, что меня задержало. Сегодня — понедѣльникъ, т. е. тотъ день недѣли, въ который скончался мой любимый, незабвенный князь Всеволодъ, — начала она плакать. —

Простите, у меня всякій разъ прерывается голосъ и выступаютъ на глаза слезы, какъ только заговорю объ этой смерти. Они тамъ всѣ вмѣстѣ съ добрѣйшимъ Иваномъ Григорьевичемъ заснули, что до сихъ поръ не могутъ обнаружить этого ужаснаго убійцу.

— Я слышалъ, что они будто бы напали на слѣдъ, — прервалъ ее Олегъ Кириловичъ. — Такъ вы начали говорить про понедѣльникъ?

— Напали на слѣдъ? кто же онъ? серьезныя улики? какія? — посыпались вопросы Аріадны Георгіевны.

— Не знаю больше ничего. Кажется, что то романическое. Мурзаевъ какъ воды въ ротъ набралъ. Такъ что же васъ задержало?

— Я каждый понедѣльникъ служу панихиду о новопреставленномъ князѣ Всеволодѣ. Сегодня батюшку отозвали на какую то спѣшную требу, почему пришлось его долго ждать. Теперь же, пожалуй, мало свѣта для вашей работы?

— Не излишне ли вы себя обременяете заботами по устройству моего брата въ Царствіи Небесномъ, — загадочно улыбнулся Олегъ Кириловичъ. — Да, сегодня не стоитъ начинать писать. Побесѣдуемъ безъ дѣла.

— Для такого человѣка, какъ вашъ братъ, безъ моихъ молитвъ уготованы райскія селенія. Молюсь я не столько ради него, сколько потому, что въ молитвахъ хоть немного меньше чувствую горечь утраты. Кромѣ того, — хоть это можетъ быть не по христіански — я молю Бога, чтобы онъ покаралъ изверга, посягнувшаго на жизнь человѣка, выдающагося изъ ряда вонъ по своей добротѣ и благородству.

— Мнѣ почему то кажется, что Богъ скоро услышитъ ваши молитвы, но не будемъ вновь останавливаться на этомъ печальномъ и грозномъ событіи... Я давно хотѣлъ васъ спросить — понравилась вамъ отдѣлка къ платью, высланная мною по порученію брата изъ Петербурга?

— О да, я была восхищена.

— А какъ она выглядѣла въ платьѣ?

— Я его еще не шила.

— Вотъ какъ, а мнѣ какая то дама, пользующаяся

одной съ вами портнихой, болтала, что видѣла сшитое платье и тоже очень хвалила отдѣлку.

— Успѣли таки высмотрѣть и разболтать, — съ неудовольствіемъ усмѣхнулась Аріадна Георгіевна. — Это — вѣрно, оно у меня сшито, но я никогда его не надѣну, такъ какъ у меня было рѣшено показаться въ немъ первый разъ передъ обществомъ въ день объявленія нашей помолвки.

— Что, кажется, предполагалось сдѣлать на именинахъ Цѣлинской?

— Да, но я получивъ извѣстіе отъ покойнаго Всеволода, что онъ по случаю болѣзни горла не будетъ на этомъ вечерѣ ,надѣла другое платье.

— А мнѣ кто то сплетничалъ, что вы въ ожиданіи его пропустили, не танцуя, третью кадриль. А гдѣ же это платье?

— Какъ гдѣ? — понятно, въ моемъ шкапу.

— Заперто?

— Что это у васъ сегодня, Олегъ Кириловичъ, за странный интересъ къ моему гардеробу? Навѣрно заперто — это дѣло не мое, а моей горничной.

— По неволѣ интересуешься вкусами и даже мелкими интересами того, къ кому имѣешь симпатію. А въ жизни женщины, особенно красивой, вопросы ея костюма играютъ далеко не послѣднюю роль. Не далѣе какъ сегодня утромъ я вспомнилъ про васъ, проходя по оранжереѣ, гдѣ расцвѣли новые цвѣты. Вы любите орхидеи?

— Не особенно, — отвѣтила Аріадна Георгіевна съ мелькнувшимъ въ глазахъ безпокойствомъ.

— А братъ ихъ очень любилъ. Даже уѣзжая на роковое свиданіе, увезъ съ собой нѣсколько штукъ. Но что странно, это то, что эти цвѣты найдены были частью въ брошенномъ убійцей автомобилѣ, а частью въ глухомъ саду, куда ихъ, очевидно, выбросили черезъ окно.

— Нашли? гдѣ же? подъ чьими окнами? на какой улицѣ? — вновь сорвался съ устъ Аріадны Георгіевны градъ вопросовъ. Она съ трудомъ скрывала испугъ въ зажегшихся мрачнымъ огнемъ глазахъ.

— Чего не знаю, того не знаю. Гдѣ то на Успенской улицѣ, значитъ, — гдѣ-то въ вашихъ краяхъ, — спо-

койно отвѣтилъ князь. — Мурзаевъ обмолвился, а потомъ изъ него нельзя было слова выбить. Навѣрно чепуха. Эти наши сыщики способны додуматься чортъ знаетъ до чего, въ родѣ какъ у Чехова со шведской спичкой. Напримѣръ — задумались, не подложно ли письмо брата ко мнѣ. Сыскался какой-то горе-экспертъ, утверждающій, что оно писано не братомъ. Мнѣ то не знать его почерка!

— Но вѣдь оно находилось здѣсь, въ этомъ домѣ, въ письменномъ столѣ, — сорвалось у Аріадны Георгіевны.

— Я вамъ значитъ разсказывалъ, какъ я его нашелъ? Я и позабылъ про это.

— Но какъ же письмо попало къ эксперту? зачѣмъ? — съ интересомъ разспрашивала Аріадна Георгіевна съ плохо скрываемой тревогой.

— Я имъ его передалъ, какъ образецъ несомнѣннаго почерка Всеволода. А они вонъ что выдумали. Не даромъ идутъ нареканія на постановку у насъ предварительнаго слѣдствія. Они способны меня самаго заподозрить въ убійствѣ или любого, кто случайно когда либо бывалъ у брата въ дачномъ домикѣ. Вы не видали этого убѣжища брата отъ шумнаго свѣта?

— Никогда. Слышала, что это гдѣ то въ глухомъ лѣсу.

— Вы лжете, — оборвалъ князь, измѣнивъ тонъ.

— Что такое? Я, кажется, ослышалась, — вздрогнувъ, съ вспыхнувшимъ лицомъ крикнула Аріадна Георгіевна. — Я вообще сегодня васъ не узнаю, князь. Какой то холодный тонъ, какая то въ голосѣ иронія, если не насмѣшка, и наконецъ брошенное въ лицо оскорбленіе.

— За то я сегодня васъ хорошо узналъ, — усмѣхнулся Олегъ Кириловичъ. — Прошу извиненія за грубое слово.

— Положительно вы сегодня самъ не свой, такъ у васъ растрепаны нервы, — сказала Аріадна Георгіевна, вставая. — Я васъ покидаю и прощаю вашу обиду, учитывая ваши переживанія, связанныя съ нашимъ общимъ горемъ. Прощайте. Вы мнѣ сообщите, когда надумаете возобновить сеансы.

— Сеансовъ больше не будетъ.

— Почему?

— Портретъ оконченъ.

— Какъ? Такъ скоро? Безъ моей позировки. Я хочу посмотрѣть, — сказала Аріадна Георгіевна, подходя къ мольберту. — Разрѣшите?

— Взгляните. Надѣюсь, что понравится, — ядовито усмѣхнулся князь.

Аріадна Георгіевна сдернула скатерть съ мольберта. Взглянувъ на портретъ, она со страхомъ перевела глаза на князя.

— Что это? — могла она только сказать.

— Sfregio, — суровымъ голосомъ отвѣтилъ онъ.

— Я васъ спрашиваю, что вы сдѣлали съ моимъ портретомъ?

— То, что слѣдовало бы сдѣлать съ оригиналомъ.

— Боже мой, да говорите толкомъ, что это значитъ?

— Что значитъ sfregio? — такъ называютъ въ Италіи клеймо, накладываемое кинжаломъ на лицо предателя.

— Что вы говорите? что вы сказали? я не понимаю, — начиная блѣднѣть, говорила сдавленнымъ голосомъ Аріадна Георгіевна. Въ ея глазахъ забѣгали злобные огоньки.

— Я говорю, что мой братъ былъ предательски убитъ вами, — стальнымъ голосомъ отвѣтилъ князь.

— Олегъ Кириловичъ, дорогой, вы ли это? какъ вы могли повѣрить этой гнусной клеветѣ? кто тотъ низкій клеветникъ, нашептавшій вамъ такую кошмарную ложь? — со слезами въ голосѣ восклицала Аріадна Георгіевна съ лицомъ невинно страдающей жертвы, успѣвъ силой воли погасить злобный огонь въ глазахъ.

— Кто? — Начальникъ сыскной полиціи Иванъ Григорьевичъ Мурзаевъ.

— Онъ лжетъ, — закричала на весь домъ Аріадна Георгіевна. — Онъ мнѣ мститъ за то, что я отвергла его домогательства на мою любовь. Онъ — лживый въ своей неудачѣ ревнивецъ.

— Если это клевета, то вамъ очень легко ее опровергнуть.

— Какъ?! Я на все готова, хотя бы на испытаніе огнемъ и желѣзомъ, — трагически произнесла она.

— Гораздо проще. Приподнимите немного, только лишь до колѣна, вашу юбку и опустите правый чулокъ.

— Къ чему это? — дѣлаясь мрачнѣе ночи, спросила Аріадна Георгіевна. — Мнѣ стыдно обнажаться передъ постороннимъ мущиной.

— Почему вы такъ застыдились? — иронически спросилъ Олегъ Кириловичъ. — Ранѣе вы были согласны позировать мнѣ когда нибудь въ античномъ одѣяніи. Пришлось бы въ большей степени обнаружить ваши прекрасныя формы, и быть не только безъ чулокъ, но даже безъ обуви.

— Но то было бы ради искусства. Я позировала бы передъ художникомъ. А теперь ни съ того ни съ сего, среди разговора столь далекаго отъ искусства. Нѣтъ, я не могу.

— Не можете показать клеймо убійцы, — сказалъ князь.

— Какое клеймо? вы начинаете бредить, — злобно проговорила она.

— Клеймо, наложенное зубами собаки, защищавшей брата, когда вы его убивали. Вы увѣрены, что платье, о которомъ вы лгали, то что оно не сшито, то что оно не надѣвано, находится по сіе время въ вашемъ шкапу?

— А гдѣ же иначе? — впилась въ князя глазами Аріадна Георгіевна.

— Шкапъ пустъ, ключъ отъ него у васъ на шеѣ, а платье въ рукахъ полиціи. На немъ слѣды, доказывающіе, что вы были укушены собакой на мѣстѣ преступленія и то, что ключъ отъ парадной двери вы забросили внутрь дома черезъ окно. Орхидеи, полученныя вами отъ брата, найдены подъ вашимъ окномъ вмѣстѣ съ перчаткой, пару отъ которой вы оставили на мѣстѣ убійства. Гдѣ убійца положилъ орудіе преступленія, узнано отъ васъ, когда вы пытались оклеветать Берлогина. Вы лгали, что ѣздили къ нему въ Козьмо-Демьянскъ, тогда какъ были у Рожнова, изготовителя подложныхъ документовъ. Онъ же досталъ вамъ ядъ, которымъ вы отравили брата.

По мѣрѣ словъ Олега Кириловича лицо Аріадны Георгіевны преображалось. Поднявъ на нее глаза, онъ невольно почувствовалъ ужасъ. Отъ облика — «ангела небеснаго» не осталось слѣда. На него готовилась броситься бѣшенная тигрица со злобнымъ лицомъ разъяренной фуріи. Она внезапно изогнулась гибкимъ станомъ къ полу, протягивая руку къ валявшемуся тамъ открытому круглому ножу. Князь ударомъ носка отбросилъ его въ уголъ комнаты.

— Оставьте! Это не ваше амплуа, — сказалъ онъ презрительно, — ваша спеціальность — ядъ и выстрѣлъ въ лежачаго, а не открытое нападеніе.

— Ложь, ложь, ложь, — могла она только шипѣть въ бѣшенствѣ.

— Не ложь ли и то, что у васъ руки въ крови, какъ вы собственноручно удостовѣрили это въ вашемъ письмѣ къ Рожнову.

— Это откуда извѣстно? — вырвалось у нея.

— Изъ этого самаго письма, находящагося также въ рукахъ властей. Не ложь ли и то, что отпечатки вашихъ пальцевъ оказались на предсмертной запискѣ и на рулѣ автомобиля, угнаннаго вами ради поѣздки на убійство.

— Никто съ моихъ пальцевъ отпечатковъ не снималъ.

— Вы были столь любезны, что оставили ихъ на моихъ рисункахъ, — усмѣхнулся князь.

Она, смѣривъ его яростнымъ взглядомъ, повернулась и пошла къ дверямъ.

— Разговоръ не конченъ, — заявилъ Олегъ Кириловичъ. — Въ вашихъ интересахъ его продолжать. Иначе вы, не дойдя до вестибюля, будете арестованы.

— Кѣмъ? — бросила она черезъ плечо.

— Представителемъ сыскной полиціи, находящимся въ домѣ.

— Мурзаевымъ?

— Имъ.

— Я слушаю. Разрѣшите сѣсть?

— Сядьте.

Она сѣла на ближайшій стулъ и начала отбивать носкомъ о полъ, напрятая всѣ свои силы, чтобы сдерживать бѣшенство.

— Завтра съ поѣздомъ, отходящимъ въ два съ половиной часа дня, вы уѣдете за границу, — началъ приказывать князь, отчеканивая слова. — Ѣдете, нигдѣ не останавливаясь кромѣ времени необходимаго для пересадки съ поѣзда на поѣздъ. Такимъ образомъ вы переѣдете границу въ Среду около четырехъ часовъ дня. Знайте, что въ этотъ самый часъ на квартиру вашихъ родителей явятся власти, чтобы бросить васъ въ тюрьму, и будутъ разосланы телеграммы по всей Россіи и во всѣ пограничныя пункты о вашемъ задержаніи. Я самъ выхлопочу вамъ заграничный паспортъ и доставлю его вамъ завтра къ 12 часамъ дня. Согласны выполнить мой приказъ?

На ея лицѣ скользнула животная радость звѣря, успѣвшаго уйти отъ своры гончихъ, гнавшихся по его слѣду.

— Согласна. Я ѣду сегодня вечеромъ.

— А паспортъ?

— Не нуженъ.

— Почему? Помните, что къ вечеру Среды вы обязаны быть внѣ предѣловъ Россіи.

— У меня паспортъ есть.

— На ваше имя?

— Нѣтъ.

— Подложный?

— Да.

— Издѣліе той же фирмы, что и подложныя письма?

— Да.

— Тѣмъ лучше. Слушайте дальше мои условія. Возврата въ Россію для васъ нѣтъ. Никогда. Во всю свою жизнь ни одному человѣку вы не напишете въ Россію ни одной строки, не дадите знать, гдѣ вы. Вы должны пропасть. Васъ больше нѣтъ. Вы умерли. Малѣйшее сношеніе съ кѣмъ либо изъ живущихъ въ Россіи, и я переверну всю Европу, отыщу васъ, чтобы сгноить васъ на каторгѣ. Вы обязаны избѣгать за границей встрѣчъ съ русскими. Благо что обзавелись подложнымъ паспортомъ, вы будете жить подъ чужимъ именемъ. О томъ, куда и зачѣмъ вы уѣзжаете, никто не долженъ знать. Даже ваши родители. Съ этого часа у

нихъ дочери нѣтъ. Единственную условную телеграмму вы пришлете мнѣ изъ ближайшаго заграничнаго пункта, чтобы я зналъ, что мой приказъ вами выполненъ. Все!

— Исполню. Какая телеграмма должна быть прислана?

— Въ одно слово, — князь задумался, — ну хоть... вотъ: «Тамара».

— «Тамара»? Почему такъ?

— Да ужъ конечно не изъ «Демона»,—усмѣхнулся Олегъ Кириловичъ. — Къ вамъ не подходитъ. Та «Тамара», про которую тотъ же поэтъ сказалъ:

„Прекрасна какъ ангелъ небесный.
Какъ демонъ коварна и зла“.

— Могу итти?

— Нѣтъ еще. Я не хочу бывшую невѣсту своего брата, хотя бы преступную, бросать въ нищету и наталкивать на путь разврата, что такъ легко для васъ при вашей внѣшности и порочной душѣ. У васъ на рукахъ 50 000 похищенныхъ у брата, 10 000 вы получили отъ меня. Вотъ вамъ еще 40 000 . . . не приближайтесь, — остановилъ брезгливо князь, бросая пачку процентныхъ бумагъ на столъ. — Итого 100 000. Это дастъ вамъ возможность прожить безбѣдно всю вашу жизнь. Теперь ступайте, но помните — въ Среду вы или внѣ предѣловъ Россіи или на безсрочной каторгѣ.

Она пошла было къ дверямъ, но остановилась и, обернувшись въ полоборота, съ долей наигранной надменности, усмѣхаясь, спросила:

— Все сказанное я принуждена исполнить. Но не удостоите ли удовлетворить мое любопытство — что за причина такого «сверхъ христіанскаго» милосердія?

— Милосердія здѣсь нѣтъ, какъ нѣтъ никакой жалости къ вамъ. Я не желаю сенсаціоннаго процесса на которомъ трепалось бы имя князей Костровыхъ. Безъ главной героини процессъ пройдетъ безшумно. Кромѣ того, — прибавилъ князь послѣ краткаго молчанія, — я вѣрю, что рано или поздно, вы за свое злодѣяніе понесете такую кару, что каторга будетъ вамъ казаться верхомъ благополучія. Есть и другія причины. . .

— Какія?

—Не ваше дѣло. Уходите.

Она была уже въ дверяхъ, когда онъ ее остановилъ.

— Подождите. Видите у окна лежитъ футляръ. Возьмите его. Это свадебный подарокъ брата для своей невѣсты. Эти жемчуга пахнутъ кровью. Берите.

Олегъ Кириловичъ махнулъ рукой, указывая на дверь, и отвернулся. Она, схвативъ футляръ, вышла быстрыми шагами. Въ вестибюлѣ на поклонъ слугъ она кивнула съ такой спокойной улыбкой, что никому изъ нихъ не могло притти въ голову, что она переступаетъ порогъ этого дома въ послѣдній разъ.

Мурзаевъ слышалъ весь разговоръ отъ слова до слова. Когда князь предложилъ Аріаднѣ Георгіевнѣ побѣгъ, онъ поднялся было, чтобы вмѣшаться въ разговоръ, но вновь сѣлъ, продолжая слушать. Онъ вновь переживалъ мучительную борьбу. Онъ слышалъ, какъ Олегъ Кириловичъ отпустилъ съ миромъ женщину, обагрившую свои руки кровью его любимаго брата, ту женщину, любовь къ которой у самаго Мурзаева изуродована, осквернена, но не изжита. Захваченный примѣромъ князя, онъ не находилъ въ себѣ силы наложить на нее руку. Но зовъ долга властно ему приказывалъ то, что онъ былъ обязанъ сдѣлать. На своемъ жизненомъ и служебномъ пути онъ впервые натолкнулся на такое коварное преступленіе и на преступника со столь извращенной душой. Онъ долженъ былъ или пресѣчь преступницѣ возможность уклониться отъ правосудія, или отречься отъ того, чему посвятилъ свою жизнь. На память пришли страницы изъ Miserables Виктора Гюго о томъ, какъ герой полицейскаго долга Жаверъ, не будучи въ силахъ вынести подобный душевный разладъ, окончилъ жизнь самоубійствомъ. Онъ самъ былъ близокъ къ такому исходу. Былъ моментъ, когда онъ протянулъ уже руку къ карману, въ которомъ лежалъ браунингъ, но какое то громкое слово, сказанное княземъ, измѣнило ходъ его мысли. Въ теченіи всего разговора между княземъ и Аріадной Георгіевной онъ неоднократно порывался встать, созвать слугъ и связать преступницу, но вновь и вновь прислушиваясь къ разговору, впадалъ въ глубокую думу. Безъ всякой связи съ тѣмъ, что волно-

вало его мысль и сердце, всплыло воспоминаніе изъ далекаго прошлаго. Онъ шелъ по горамъ Крыма, гдѣ немного ниже яйлы часто встрѣчаются сочные луга. Заунывно-плачущая пѣсня привлекла его вниманіе. Онъ пошелъ по направленію доносившихся до него звуковъ. На лугу паслось стадо. Пѣлъ татаринъ пастухъ. По лицу его текли слезы. «О чемъ плачешь?» — спросилъ Мурзаевъ. — «Бычка жалко. Хозяинъ велѣлъ сегодня зарѣзать. Хорошъ бычокъ. Только больно сердитъ сталъ. Бодаетъ всѣхъ. Меня на рога посадилъ, ногу распоролъ. Жалко рѣзать.» — «Такъ чего же такого жалѣть?» — съ удивленіемъ спросилъ Мурзаевъ. — «Больно жалко. Самъ его съ рожка вспоилъ, самъ его выростилъ. Хорошъ бычокъ. Не могу на него ножъ поднять. Пусть бы жилъ, а хозяинъ велитъ», — залился слезами татаринъ и вновь затянулъ свою за сердце хватающую пѣсню.

— Олегъ Кириловичъ тоже не смогъ, — подумалъ Мурзаевъ, — а смогу ли я поднять на нее руку?

Съ опущенной головой онъ былъ погруженъ въ свою тяжкую думу. Голоса въ сосѣдней комнатѣ давно замолкли. Наступили сумерки, а онъ не могъ выйти изъ оцѣпенѣнія, приковавшаго его къ креслу. Въ душѣ его звучала тоскующая, надрывная пѣснь крымскаго пастуха.

— Вы слышали все? — раздался около него голосъ Олега Кириловича.

— Все, — отвѣтилъ Мурзаевъ, не поднимая головы.

— Когда вы отправитесь къ судебному слѣдователю?

Послѣ долгой паузы тихимъ, но твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ Мурзаевъ произнесъ:

— Въ Среду, какъ обѣщено.

22.

Солнечная погода къ вечеру смѣнилась ненастьемъ. Все небо заволокло тучами. Сквозь пелену холоднаго, осенняго дождя огни фонарей слабо мерцали, плохо освѣщая улицы. Порывы вѣтра грохотали вывѣсками, Рѣдкихъ прохожихъ обдавало струями сѣкущаго дождя. Изъ водосточныхъ трубъ хлестали каскады, за-

ливая тротуары широкими лужами воды. Мурзаевъ, идя отъ князя, не замѣчалъ, что творится въ природѣ, переживая не меньшую бурю внутри себя.

Вода стекала потоками съ пальто Мурзаева, когда онъ вошелъ къ Рыбакову. Послѣдній возился съ примусомъ, разогрѣвая на немъ какую то ѣду.

— Милости прошу къ моему столу, — пригласилъ Рыбаковъ гостя, — хотя трапезой похвастать не могу. Безъ жены, что безъ шапки. Живучи одной головкой и обѣдъ варить не ловко. Безъ хозяйки туговато приходится.

— Можето вашу супругу освободить отъ принятыхъ ею на себя обязанностей.

— Ой-ли? а ежели птичка улетитъ?

— Пусть полетаетъ — на себя новыя данныя дастъ. Я къ ней особеннаго агента приставилъ.

— Кого?

— Князя Кострова. Обѣщалъ ее изъ вида не упускать.

—Ну, этотъ со своей мошной лучше насъ убережетъ.

Мурзаевъ, отказавшись отъ обѣда, попросилъ только стаканъ горячаго чая, такъ какъ его начинало знобить. Только что они сѣли за столъ, прибѣжала Дарья Степановна.

— Бѣда! Краля то наша собирается уѣзжать.

— Какъ такъ? — съ тревогой спросилъ Рыбаковъ, взглянувъ на Мурзаева.

— Вернулась она домой, когда папенька съ маменькой уже обѣдать начали. Сердитая, на всѣхъ огнемъ изъ глазъ брызжетъ, а на меня полымемъ. Только я съ миской за дверь, слышу она говоритъ: «сегодня вечеромъ я уѣзжаю». Маменька закудахтала: «да куда ты? да дома посиди, ты же вовсе больна, посмотри на себя въ зеркало». Пошелъ промежъ нихъ споръ. Я схватила блюдо съ жаркимъ — назадъ въ столовую. Маменька продолжаетъ голосить, а Аріадна Георгіевна сверкнула глазами и говоритъ: «диванъ доместикъ». А я хоть только въ сельской школѣ обучена и по иностранному не знаю, а этотъ «диванъ» понимаю. Въ барыни то я выползла, только за полу Петра Петровича державшись, а раньше въ Питерѣ въ прислугахъ жила. Служила я у

однихъ господъ, гдѣ часто народъ собирался — все больше студенты. Соберутся и заспорятъ, да такъ что дымъ коромысломъ идетъ. А барыня только приговариваетъ: «диванъ доместикъ да диванъ доместикъ». Думала я тогда, про какой диванъ она поминаетъ, и не слыхала, чтобы мебель доместикомъ крыли. Потомъ одинъ знакомый лакей объяснилъ мнѣ, что этотъ «диванъ доместикъ» значитъ: «помалкивай при прислугѣ». О чемъ они гвалтъ поднимали того я не поняла, а доспорились до того, что сынка забрали жандармы и въ Вятку увезли.

— Еще что у Махарадзе не узнала ли? — прервалъ Рыбаковъ воспоминанія прошлаго.

— Какъ не узнать, — заговорила вновь Дарья Степановна. — Собрала я лишнія тарелки со стола, сунула ихъ на кухню, а сама къ дверямъ и ухо приложила. Въ Кіевъ уѣзжаетъ — къ подругѣ. Фамилія какая то — не по нашему. Не то «шили», не то «швили». Маменька спрашиваетъ надолго ли она уѣзжаетъ, а та въ отвѣтъ: «долго ли, не долго ли ,а прошу не безпокоиться, если задержусь». Папаша все время молчалъ, только подъ конецъ сказалъ: «на твои поѣздки у меня сейчасъ денегъ нѣтъ». Аріадна Георгіевна что то шваркнула на столъ, вскочила, крикнула: «не ваша забота!» и шасть къ дверямъ, да такъ быстро, что я отъ двери едва успѣла отскочить. Заперлась у себя въ комнатѣ, а я бѣгомъ сюда

— Какъ быть? — спросилъ Рыбаковъ Мурзаева, который, нахмурившись, все время молчалъ.

— Дальше Рожнова не уѣдетъ, — процѣдилъ сквозь зубы Мурзаевъ. — Тамъ вмѣстѣ ихъ накроемъ, лишняя улика.

— Прикажете заготовить сообщеніе слѣдователю?

— Послѣ завтра сообщимъ. Если не расхвораюсь, думаю завтра проѣхать за городъ окрестныхъ жителей еще кое о чемъ разспросить.

— Не таранти, дорогой, нынѣ годъ не такой, — подумалъ Рыбаковъ, — знаю какихъ жителей поѣдешь допрашивать. По ея слѣду пойдешь.

— Ой, не охота, а бѣжать надо, — сказала Дарья Степановна. — Сама напросилась, теперь и пляшу.

— У васъ тамъ ваши вещи остались? — спросилъ Мурзаевъ.

— Никакихъ.

— Въ такомъ случаѣ оставайтесь дома. Ваше дѣло окончено.

— Вотъ спасибо, — обрадовалась Дарья Степановна, — а то не въ моготу стало. Занесъ меня чортъ на этотъ дырявый мостъ. Свой домъ запустила. А вдругъ они тамъ хватятся того платья, что въ шкапу было, да заявку о пропажѣ сдѣлаютъ?

— Будьте покойны — не хватятся, а если и хватятся, такъ помолчатъ.

Вернувшись домой, Мурзаевъ почувствовалъ себя на столько плохо, что весь слѣдующій день не могъ подняться съ постели. Въ Среду утромъ онъ съ трудомъ всталъ и пошелъ къ князю Кострову. Олегъ Кириловичъ, поздоровавшись, молча протянулъ телеграфный бланкъ. Мурзаевъ прочелъ единственное слово: „Тamara“. Телеграмма значилась поданной въ Эйдкуненѣ.

— Простите, Иванъ Григорьевичъ, что я третьяго дня, обращаясь къ вамъ съ просьбой, не учелъ того, что вамъ могутъ грозить большія непріятности по службѣ, — сказалъ князь.

— Едва ли. Къ тому же это меня мало безпокоитъ, такъ какъ я подаю въ отставку. Сейчасъ неудобно, а такъ — къ веснѣ.

— Что такъ?

— То, что для сыскного дѣла у меня оказался излишекъ романтики.

— Чѣмъ же думаете заняться?

— Пока не рѣшилъ. Личныя средства, хотя очень скромныя, у меня есть. Временно проживу безъ службы. По всей вѣроятности уйду въ теоретическое изученіе преступности. Экзамена на практика не выдержалъ — даю излишнюю волю сердцу.

— Если займетесь теоріей, вамъ нужно ѣхать за границу. Чуръ, вы — мой стипендіатъ.

— Объ этомъ, можетъ быть, поговоримъ когда нибудь послѣ. Теперь не время. Послѣ этой телеграммы могу я дать дознанію дальнѣйшій ходъ?

— О да. Можете не ожидать трехъ часовъ дня.

Утромъ въ Четвергъ Мурзаевъ былъ увѣдомленъ, что слѣдователь по даннымъ дознанія привлекъ къ дѣлу въ качествѣ обвиняемой Аріадну Георгіевну, и въ 12 часовъ дня выѣзжаетъ на квартиру Махарадзе для обыска, допроса на мѣстѣ и ареста обвиняемой. Мурзаевъ, чувствуя себя плохо, прибылъ туда съ опозданіемъ, когда мать была уже освѣдомлена о причинахъ прибытія властей и о преступленіи своей дочери. Она сидѣла по серединѣ комнаты на первомъ попавшемся подъ руку стулѣ, съ безсознательными глазами, видимо, потерявъ способность понимать окружающее. Либо отвѣчала не впопадъ, либо молчала, либо начинала говорить скороговоркой что то, до смысла чего трудно было добраться. Выяснивъ, что Аріадна Георгіевна уѣхала еще въ понедѣльникъ вечеромъ, приступили къ осмотру ея комнаты, гдѣ ничего интереснаго для дѣла не нашлось. Осталось осмотрѣть запертое отдѣленіе большого шкапа, который пришлось вскрыть безъ ключа, такъ какъ такового нигдѣ найти не удалось. Шкапъ былъ пустъ. На его полу былъ виденъ слабый мазокъ какой то маслянистой грязи.

— По всей вѣроятности отъ подола платья, запачканнаго автомобильнымъ масломъ, — сказалъ слѣдователь, низко наклонившись надъ пятномъ.

Онъ хотѣлъ уже подняться, когда замѣтилъ, что въ щели между поломъ и стѣнкой разборнаго шкапа что то бѣлѣлось. Осторожно онъ вынулъ оттуда кусокъ бумаги. Взглянувъ на него, онъ сказалъ:

— Господа, новое доказательство большой важности. Расписка Берлогина отъ 17 Сентября въ полученіи отъ покойнаго князя 35 000..

— На всякую старуху бываетъ проруха, — молвилъ Рыбаковъ. — Все подстроила, все предусмотрѣла, а расписку въ карманъ сунула, а уничтожить позабыла. Росписка, видимо, выскользнула изъ кармана, когда она, торопясь, прятала въ шкапъ платье.

— Вообще я въ ней разочаровался, — сказалъ Раковскій. — Красива, изобрѣтательна, а всетаки дура. Какъ можно было зарѣзать курицу, которая несла бы ей всю жизнь золотыя яйца.

— Положимъ объ одномъ яичкѣ чуть не въ милліонъ она позаботилась.

— Что такое — милліонъ, если она могла бы обладать чуть не десяткомъ ихъ, да еще красивымъ мужемъ въ придачу, не говоря о томъ, что сопричислилась бы къ рюриковичамъ вмѣсто того, чтобы оставаться какой «адзе».

Мурзаевъ во все время не проронилъ ни одного слова, не принялъ никакого участія въ осмотрѣ, а лишь наблюдалъ дѣйствія другихъ. Передъ уходомъ ему попалась на глаза та самая Библія, которую Аріадна Георгіевна вырвала у него изъ рукъ во время разговора о Берлогинѣ. Замѣтивъ, что многія страницы были заложены бумажными закладками, онъ заинтересовался — на какихъ текстахъ Священнаго Писанія могло остановиться вниманіе человѣка, только что обагрившаго свои руки человѣческой кровью. Развернувъ книгу на одной изъ заложенныхъ страницъ, онъ отъ удивленія раскрылъ широко глаза.

На отмѣченной карандашомъ строкѣ онъ прочелъ: «у кого пропало, у того во лбу торчало, а кто нашелъ, тому на здоровье». Перекинувъ нѣсколько страницъ до слѣдующей закладки, онъ нашелъ двѣ отмѣченныя строки. Одна гласила: «не скобленъ, не точенъ, а тамъ же брошенъ», а другая: «не искали бы въ селѣ, а искали бы въ кустѣ». Онъ открылъ заглавный листъ, на которомъ значилось: «Пословицы русскаго народа, Сборникъ Даля». Мурзаевъ началъ перебирать всѣ заложенныя страницы, гдѣ вычиталъ другія присказки, которыя по словамъ Аріадны Георгіевны она якобы записала со словъ Берлогина въ Козьмо-Демьянскѣ. Рядомъ лежали романы «Хлѣбъ» Мамина Сибиряка и «Въ лѣсахъ» Андрея Печерскаго, на страницахъ которыхъ были также отмѣчены характерныя народныя выраженія.

— Даже и это она предусмотрѣла, для разговора со мной спеціально готовилась, знакомясь съ языкомъ народа, — удивлялся Мурзаевъ.

Когда всѣ, кончивъ дѣло, вышли на улицу. Раковскій, прощаясь съ Мурзаевымъ, сказалъ:

— А я вѣдь былъ правъ, когда вамъ говорилъ, что покойный князь Костровъ затѣялъ опасную штуку,

вздумавъ жениться на дѣвицѣ «съ того погибельнаго Кавказа».

— Да, да, вы всегда во всемъ были правы, — отрѣзалъ ему въ отвѣтъ Мурзаевъ, — даже тогда, когда отстаивали, что князь окончилъ жизнь самоубійствомъ.

Въ тотъ же день во всѣ концы Россіи полетѣли телеграммы о розыскѣ и задержаніи дѣвицы Аріадны Георгіевны Махарадзе. Вслѣдъ за ними разосланы были ея фотографическіе портреты. Время шло, но со всѣхъ сторонъ приходили отвѣты, что разыскиваемой не обнаружено. Пограничные пункты сообщили, что лицо съ такимъ именемъ границы не переѣзжало. Рожновъ былъ арестованъ, но на допросахъ ни разу не упомянулъ имени Аріадны Георгіевны. Онъ призналъ, что всѣ подложные документы изготовлены имъ, не отрицалъ похищенія яда изъ лабораторіи, но категорически отказался объяснить, по чьему порученію онъ это совершилъ. На всѣ вопросы, въ которыхъ упоминалось имя Аріадны Георгіевны, онъ неизбѣжно отказывался отвѣчать.

Весной подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья Мурзаевъ вышелъ въ отставку и временно поселился въ небольшомъ отцовскомъ имѣніи, чтобы быть подальше отъ городскихъ пересудовъ и шумихи, вызываемой ожиданіемъ сенсаціоннаго процесса. Въ обществѣ чего нибудь точнаго и опредѣленнаго о ходѣ предварительнаго слѣдствія на знали. Ходили лишь разнорѣчивые слухи, въ которыхъ трудно было разобрать, что было правдой, а что вымысломъ досужихъ вѣстовщиковъ. Олегъ Кириловичъ использовалъ свои связи на то, чтобы данныя предварительнаго слѣдствія проникали въ общество въ возможно маломъ размѣрѣ. Онъ пытался добиться того, чтобы предстоящій процессъ былъ проведенъ при закрытыхъ дверяхъ, чего ему обѣщать не могли, такъ какъ не было никакихъ законныхъ основаній къ закрытію дверей. Ему пришли на помощь міровыя событія, благодаря которымъ процессъ по обвиненію Рожнова въ пособничествѣ убійству князя Всеволода Кострова прошелъ совершенно безшумно, не привлекая общественнаго вниманія. Вслѣдствіи затянувшихся тщетныхъ розысковъ главной виновницы про-

цессъ былъ назначенъ къ слушанію на осеннюю сессію, а лѣтомъ по всей Европѣ заговорили пушки. Грянула міровая война. Кровавый туманъ заволокъ горизонты всего міра. Въ то время, когда каждый день приносилъ извѣстія о тысячахъ жертвъ войны, никого не могла интересовать смерть одного человѣка, при какихъ бы обстоятельствахъ она ни наступила. Столбцы газетъ, ранѣе отдававшіеся судебно-уголовной хроникѣ, сокращались и оставались не прочитанными даже любителями уголовныхъ сенсацій. То, что ранѣе заполняло газеты въ теченіе мѣсяца, теперь сообщалось въ нѣсколькихъ строкахъ двухъ трехъ номеровъ.

Рожновъ на судѣ заговорилъ. Узнавъ, что всѣ розыски Аріадны Георгіевны оказались безрезультатными, онъ призналъ себя виновнымъ во всѣхъ предъявленныхъ ему обвиненіяхъ и разсказалъ исторію своей любви къ ней . Присяжные засѣдатели его пожалѣли, учитывая непреодолимое вліяніе на него любимой женщины такого демоническаго облика. Они дали рядъ ограничительныхъ отвѣтовъ, почему судъ его приговорилъ лишь къ тремъ годамъ арестантскихъ отдѣленій.

Новыя извѣстія съ фронта заставили все общество черезъ пару дней позабыть про этотъ процессъ, ранѣе ожидавшійся всѣми съ захватывающимъ интересомъ. Послѣдній разъ вспомнили о кошмарномъ убійствѣ князя Кострова по поводу похоронъ старухи Махарадзе, скончавшейся отъ повторнаго удара. Князь Олегъ Кириловичъ и Мурзаевъ вступили въ ряды арміи и вскорѣ потеряли другъ друга изъ вида. Наступившая революція, а особенно октябрскій переворотъ окончательно изгладили изъ памяти людей имена князя Кострова и невѣсты его Махарадзе.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

КАРА.

„Въ безднѣ грѣховной валяяся, неисчерпаемую милосердія Твоего призываю бездну".

(Ирмосъ на службѣ объ усопшихъ).

23.

Соборъ Святого Петра, Храмъ S. Maria Maggiore, базилика Апостола Павла «за стѣнами», соборъ Іоанна Крестителя въ Латеранѣ, какъ и многіе другіе храмы Рима поражаютъ всякаго вступившаго подъ ихъ своды своимъ торжественнымъ величіемъ и красотой. Мраморныя колонны разнообразнѣйшихъ оттѣнковъ, узорчатые потолки, мозаичные изъ порфира и серпантина полы, изваянія и полотна величайшихъ мастеровъ скульптуры и живописи зачаровываютъ посѣтителя. Душа его трепещетъ передъ божественнымъ величіемъ Творца вселенной, во славу Котораго созданы эти храмы, и восторгается передъ геніальнымъ творчествомъ человѣка, ихъ создавшаго. Но есть въ Римѣ храмъ, сводомъ для котораго служитъ темно-лазурное небо Италіи, гдѣ вмѣсто колоннъ тянутъ къ небу свои стройные стволы вѣковыя пиніи съ развѣсистой кроной, купающейся въ лучахъ южнаго, яркаго, жгучаго солнца. Не звуки органа, не церковныя пѣснопѣнія слышатся тамъ, а радующій душу гомонъ голосовъ дѣтворы. Когда сядешь на скамью въ одной изъ аллей, или просто на мягкій коверъ опавшей хвои,

„Тогда смиряется души твоей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье можешь ты постигнуть на землѣ
И въ небесахъ ты видишь Бога".

То на холмѣ Пинчіо, одномъ изъ семи римскихъ холмовъ, паркъ виллы Боргезе. Эти могучія пиніи, густолиственные дубы, лавры и мирты, въ чьей тѣни спасаешься отъ палящаго солнца въ Giardino di Lago, быть можетъ, выросли во многовѣковой смѣнѣ поколѣній отъ семянъ деревьевъ, видѣвшихъ подъ своими вѣтвями, за сто лѣтъ до Рождества Христова, оргіи прославившагося своими пирами Лукула, сады котораго здѣсь разстилались.

По Испанской площади шелъ, направляясь сюда, прихрамывающій человѣкъ съ сѣдой бородой, опираясь на палку. Миновавъ фонтанъ Баркачіо, и цвѣточный базаръ, у подножья грандіозной лѣстницы о полутораста ступеняхъ, ведущей къ храму Св. Троицы, который своими двумя колокольнями и обелискомъ врѣзался въ синеву неба, онъ повернулъ на право, гдѣ начиналась узкая и крутая улица Санъ-Себастьянело, подымающаяся на Пинчіо. Справа тянулась отвѣсная стѣна горы, съ вѣнца которой бросали тѣнь деревья виллы Медичи, а слѣва, ниже дороги, громоздились крыши домовъ. На половинѣ подъема росло нѣсколько старыхъ деревьевъ. Земля около ихъ корней была вытоптана до ямъ, тутъ же лежавшіе большіе камни были вылощены людьми, проводившими на нихъ ночи. Это было мѣсто ночлега тѣхъ, у кого не было крова. Днемъ здѣсь кромѣ прохожихъ обычно не бываетъ народа, почему сѣдой человѣкъ обратилъ вниманіе на группу людей, разсѣвшихся около деревьевъ. Всѣ они были въ лохмотьяхъ. Ихъ взоры въ ожиданіи чего то были обращены на сквозныя желѣзныя ворота, расположенныя подъ горой, немного ниже дороги. Въ сторонѣ отъ прочихъ около громадной агавы сидѣла женщина съ лицомъ, закрытымъ тряпкою, бывшей когда то вуалью, изъ-подъ которой выбилась прядь черныхъ волосъ съ сильной просѣдью. Въ изгибѣ ея спины, въ наклонѣ низко опущенной головы, въ вытянутыхъ между колѣнъ рукахъ отражалось столько страданія, что у сѣдого человѣка невольно защемило сердце.

Толпа ожидающихъ зашевелилась. Два монаха, появившіеся у желѣзныхъ воротъ, начали раздавать пищу. Они видимо уже ранѣе приглядѣлись къ той женщинѣ, такъ какъ одинъ изъ нихъ махнулъ ей рукой и на-

дѣлилъ ее одной изъ первыхъ. Она подошла къ воротамъ, низко поклонилась поясным поклономъ и, принявъ ѣду, отошла въ сторону. Тамъ она сѣла такъ, чтобы не было видно ея лица, откинула слегка вуаль, наскоро съѣла полученную порцію овощей, и только вновь закрывъ лицо, поднялась и ушла внизъ по дорогѣ.

Сѣдой человѣкъ пошелъ своимъ путемъ, медленно поднимаясь на Пинчіо, гдѣ остановился около парапета площадки,царившей надъ Римомъ. Далеко внизу подъ его ногами растилалась круглая, красивѣйшая изъ всѣхъ площадей Рима Народная площадь, оберегаемая со всѣхъ угловъ храмами во имя Святой Дѣвы Маріи, и обрамленная съ противоположной отъ Пинчіо стороны зеленью деревьевъ за мраморной оградой, идущей уступами. Отъ центра, отмѣченнаго громаднымъ обелискомъ съ лежащими у его подножья львами, разбѣгались радіусами улицы — Корсо, Бабуино, Рипето, Фламиніо, и Коло-де-Ріенцы. Широчайшій горизонтъ замыкался величественномъ силуэтомъ Собора Святого Петра и абрисомъ горъ Монто-Маріо. Лѣвѣе виднѣлись склоны Яникульскаго холма, на вершинѣ котораго точкой маячила конная сатуя Гарибальди. Спокойно-любовнымъ и властнымъ взоромъ смотрѣлъ онъ на свой Римъ, распростершійся у его подножья. Краска стыда залила лицо сѣдого человѣка, взоръ его затуманился грустью, столь часто свойственной глазамъ русскихъ эмигрантовъ, когда онъ, вспомнивъ надпись на памятникѣ величайшаго патріота: „Roma o morte“, перенесся мыслями на свою родину. Дыханье вѣчнаго Рима мощной волной взмывало къ вершинамъ его семи холмовъ, на которыхъ его руинами, его храмами, его дворцами была начертана лѣтопись міра болѣе, чѣмъ за двадцать вѣковъ. Ни оргіи временъ упадка Имперіи, ни наплывъ варварскихъ ордъ, ни внѣшнія войны, ни внутренніе раздоры, ни фанатизмъ среднихъ вѣковъ, ни безудержъ Ренесанса, ни алчный эгоизмъ капитализма, ни растлѣвающій скепсисъ матеріализма, ни безбожіе послѣдняго времени не могли поколебать значенія этого саркофага, полнаго скрытыхъ силъ и вѣчной жизни, таящейся въ священныхъ реликвіяхъ ушедшаго прошлаго. Чувствовалось что въ этой почвѣ прозябають не умирающія семена животво-

рящаго творчества духа, готовыя дать новые, свѣжіе ростки той античной мудрости, которой живутъ до нашихъ дней культурные народы. Тайна обоянія этого города, этого вѣчно живого покойника завладѣвала душой сѣдого человѣка, пробуждала въ немъ вѣру въ побѣду жизни надъ смертью, а тѣмъ самымъ и въ грядущее воскресеніе Россіи. Раны сердца у него меньше болѣли, Онъ вспомнилъ, какъ кто то, чуть ли не Байронъ, звалъ въ Римъ всѣхъ, кто страдаетъ душой. На сѣдую бороду упала слеза. Иванъ Григорьевичъ Мурзаевъ быстро, стыдливо ее отеръ и пошелъ по аллеѣ, украшенной бюстами великихъ людей всѣхъ вѣковъ въ Giardino di lago.

Тамъ онъ сѣлъ подъ сѣнь дуба не вдалекѣ отъ озера, около котораго толпились дѣти, кормившія рыбъ, и задумался, уйдя въ воспоминанія прошлаго. Вотъ онъ молодой судебный слѣдователь, полный юношескихъ силъ и радужныхъ надеждъ. Этотъ періодъ жизни былъ озаренъ образомъ дѣвушки, которую онъ любилъ, какъ можно любить только первой, благоговѣйной любовью. Внезапно это свѣтлое воспоминаніе смѣнилось другимъ мрачнымъ, заставившимъ его не только сморщить лобъ, но даже слегка простонать. Память перескочила черезъ нѣсколько лѣтъ. Онъ вспомнилъ, какъ, работая надъ дѣломъ объ убійствѣ князя Кострова, онъ неожиданно обнаружилъ, что та, которая была «прекрасна какъ ангелъ небесный», оказалась «какъ демонъ коварна и зла». Гдѣ то она? Что сдѣлалось съ ней за эти пятнадцать лѣтъ. Жива ли или нашла вѣчный покой въ чужой землѣ? А если жива, то продолжаетъ ли пользоваться радостями жизни, не тревожимая совѣстью, или же совершилось пророчество князя Олега Кириловича, что настанетъ часъ, когда она будетъ сожалѣть о каторгѣ, отъ которой ей удалось ускользнуть.

Отогнавъ это тяжкое воспоминаніе онъ перенесъ свои мысли на послѣдующіе годы, но тамъ не нашлось ничего, что могло бы вызвать на его лицо улыбку. Война, окопы, громъ орудій, искалѣченные люди, трупы, кровь, кровь и кровь... Потомъ позорный развалъ арміи, подвалъ чека, удачный побѣгъ изъ подъ разстрѣла, страда бѣлой арміи, крымская трагедія, Галиполи, и долгіе годы эмигрантскихъ скитаній. «Охъ, тяжело ходить по

ступенямъ чужихъ лѣстницъ», вздохнулъ онъ словами великаго поэта Данте Алигіери, прикоснувшагося къ горькой чашѣ эмигрантскаго бытія.

Изо всего этого долгаго періода согрѣло его сердце лишь воспоминаніе о трехъ недѣляхъ. На третій годъ войны онъ былъ раненъ въ ногу, послѣдствіемъ чего осталась его хромота. Сосѣдомъ по лазаретной койкѣ оказался князь Олегъ Кириловичъ Костровъ. Цѣлодневныя бесѣды, затягивавшіяся до глубокой ночи, связали ихъ узами братства. Но война сурова, она не терпитъ покоя. Мирныя дружескія бесѣды звучатъ диссонансомъ съ ея грозной пѣснью. Она вновь ихъ раскидала на разные фронты и они вновь потеряли другъ друга, на этотъ разъ на всегда. Тамъ же наканунѣ выписки изъ лазарета у Мурзаева была другая встрѣча. Въ сосѣднюю палату принесли тяжело раненнаго солдата. Онъ былъ безъ памяти, по всѣму тѣлу пробѣгала судорожная дрожь, изъ горла вырывался стонъ, часто переходившій въ крикъ. Проходившему мимо него по палатѣ Мурзаеву показалось, что раненный что то говоритъ. Въ палатѣ не случилось въ это время ни сестры, ни сидѣлки. Думая, что раненный что то проситъ, Мурзаевъ наклонился къ нему. Черты обросшаго исхудалаго и измученнаго лица, показались Мурзаеву какъ будто знакомыми. Раненный ничего не просилъ, онъ только бредилъ. Преклонивъ къ нему ухо, Мурзаевъ услыхалъ:

— Рида, Рида, дорогая Рида...

Мурзаевъ разыскалъ палатную сестру милосердія.

— Скажите, сестрица, какъ фамилія того тяжело раненнаго солдата, что сегодня былъ доставленъ въ 7-ую палату?

— Рожновъ.

— А имя? — въ волненіи спросилъ Мурзаевъ.

— Какое то не часто встрѣчающееся. Позвольте... кажется, Варламъ.

— Какое раненіе?

— Спинной хребетъ.

— Надежда есть?

— Никакой. Едва ли доживетъ до вечера.

На другое утро Мурзаевъ, покидая лазаретъ, зашелъ въ 7-ую палату. Койка Рожнова была пуста.

Случай помогъ Мурзаеву добраться до Рима. На освященныхъ древностью камняхъ этого вѣчнаго града, этой вѣчной столицы культурнаго міра, а потому родной для всякаго культурнаго человѣка, Мурзаевъ впервые нашелъ хоть долю покоя для своей наболѣвшей души. Надъ нимъ сбылась правда словъ Гете, сказавшаго, что тотъ, кто видѣлъ Римъ, больше никогда не будетъ всецѣло несчастенъ. Увлеченіе Мурзаева въ молодости италіанской антропологической школой уголовнаго права, оказало ему теперь нѣкоторую услугу. Оно дало ему знаніе италіанскаго языка, что помогло ему легче другихъ устроиться съ заработкомъ. Не важнымъ, но достаточнымъ для того, чтобы не стоять у монастырскихъ воротъ въ ожиданіи подачки, и не обременять эмигрантскій комитетъ просьбами. Свободное время онъ отдавалъ ознакомленію съ плѣнившимъ его городомъ. Проживая не далеко отъ фонтана Треви, для котораго использованы были воды античной Aqua Virgo, онъ часто наблюдалъ, какъ покидающіе Римъ туристы приносили жертву Океану, бросая въ водоемъ многоструйнаго фонтана деньги, какъ залогъ того, что судьба ихъ вновь приведетъ въ Римъ. По самому себѣ Мурзаевъ зналъ, что многіе изъ нихъ къ этому повѣрію относились не только какъ къ шуткѣ, а совершали этотъ обрядъ въ обаяніи чаръ города, единственнаго въ мірѣ по своей притягательной силѣ. Онъ ощущалъ, что кто хоть разъ прикоснулся устами къ краямъ этой чаши вѣчнаго бытія, того всю жизнь она будетъ властно влечь къ себѣ. Вспоминая слова на цоклѣ памятника Гарибальди, онъ ихъ для себя перефразировалъ: — „Rusia o Roma o morte“.

Тѣнь дубовъ отошла въ сторону. Жаркіе солнечные лучи оторвали Мурзаева отъ его думъ. Онъ поднялся и вышелъ изъ Giardino di Lago на вѣнецъ горы. Внизу подъ горою былъ расположенъ дворецъ современнаго искусства, гдѣ устраивались художественныя выставки, одна изъ которыхъ имѣла мѣсто теперь. Онъ, спустившись съ горы, прошелъ туда. Въ вестибюлѣ дворца онъ услышалъ фразу, сказанную однимъ изъ встрѣтившихся ему итальянцевъ.

— Большіе таланты встрѣчаются среди русскихъ.

— Кто это своимъ произведеніемъ заставилъ помянуть добрымъ словомъ нашего брата, — подумалъ Мурзаевъ и прошелъ, не останавливаясь, нѣсколько залъ.

Передъ одной изъ картинъ собралась значительная группа посѣтителей выставки. Сердце Мурзаева учащенно забилось, лишь только онъ бросилъ взглядъ на большое полотно.

Первый лучъ восходящаго солнца освѣщалъ горы, у подножья которыхъ струилась рѣчка, розовѣющая отблескомъ зари. Подъ вѣтвями прибрежныхъ ивъ, среди бѣлыхъ чашечекъ ненюфаръ водная гладь манила броситься въ воду. Но эти завораживающія своей лаской струи внезапно ввергались въ мрачную черную клокочущую пучину. Надъ рѣчкой высилась черная скала, на отвѣсномъ склонѣ которой повисла угрюмая башня съ полуразрушенными зубцами стѣны. Подъ лучами восходящаго солнца сильнѣе вѣяло мрачной тоской отъ черной скалы и отъ мхомъ поросшихъ стѣнъ. Мурзаевъ вспомнилъ:

— „Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя на черной скалѣ.
Но только что утра сіянье
Кидало свой лучъ по горамъ
Глубокое смерти молчанье
Опять воцарялося тамъ“.

Тамъ гдѣ рѣчка, вбѣгая въ тѣснину, теряла розовый цвѣтъ и зеркальную гладь, виднѣлось подъ струями водъ лицо мертвеца, уносимаго въ бездну.

„Волна на волну набѣгала,
Волна погоняла волну,
И съ плачемъ безгласное тѣло
Спѣшили они унести“, —

пронеслось въ головѣ Мурзаева, вздрогнувшаго при видѣ знакомыхъ чертъ мертваго лица.

Это были лишь аксессуары. Центръ картины занимала фигура женщины, стоявшей на грубо высѣченныхъ въ горѣ ступеняхъ крутой лѣстницы. Только большой

художникъ могъ создать лицо такой красоты и воплотить въ немъ титаническую борьбу чувствъ и страстей, бушевавшихъ въ груди изображенной женщины.

„И слышался голосъ Тамары:
Онъ весь былъ желанье и страсть,
Въ немъ были всесильныя чары,
Была непонятная власть".

Непорочная ласковость взгляда, струившаяся изъ очей красавицы, непреодолимо влекла пасть ницъ къ ея стопамъ и взирать на нея какъ на небожительницу.

„Такъ сладко тотъ голосъ звучалъ,
Какъ будто восторги свиданья
И ласки любви обѣщалъ".

Но изъ за покрова нѣжнаго, невиннаго взора сверкала необузданная, чуть не животная страсть.

„Сплетались горячія руки,
Уста прилипали къ устамъ,
И странные, дикіе звуки
Всю ночь раздавалися тамъ".

Не только въ лицѣ, но во всей фигурѣ, въ ея движеніи видно было, что подъ личиной божественной благости таилась сатанинская злоба.

Долго стоялъ безъ движенія Мурзаевъ, не имѣя силъ оторвать глазъ отъ картины. Онъ узналъ лицо, бывшее ему когда-то столь дорогимъ, и теперь еще не ушедшее изъ памяти, больно тревожа его усталое сердце. Трясущимися руками онъ перелистывалъ страницы каталога. Отыскавъ № экспоната, онъ прочелъ:

— Principe Oleg Costrov — La regina Tamara.

Теперь онъ вспомнилъ, кто былъ мертвецъ, уносимый въ бездну коварной рѣкой. То было лицо убитаго князя Всеволода Кириловича Кострова.

Спѣшно прошелъ Мурзаевъ въ контору выставки, чтобы узнать адресъ автора картины. Ему сообщили, что князь Костровъ живетъ не въ Римѣ, а километрахъ въ тридцати отъ него, гдѣ то между городкомъ Тиволи и виллой д'Эстэ.

24

Большую часть изъ того, на что мы глядимъ, — мы не видимъ, и изъ того что доходитъ до нашего уха, мы не слышимъ. Ежесекундно масса образовъ отражается на сѣтчатой оболочкѣ нашего глаза, масса звуковъ приводитъ въ дѣйствіе сложный механизмъ нашего уха. Но большинство образовъ и звуковъ, не дойдя до нашего сознанія, имъ не воспринятое, пропадаютъ для насъ безслѣдно, какъ никогда не имѣвшіе мѣста. Такъ и при встрѣчахъ съ людьми. Мы можемъ ежедневно въ теченіе долгаго времени встрѣчаться на улицѣ съ человѣкомъ, но онъ для насъ не существуетъ, какъ любой изъ людей, живущихъ на другомъ концѣ земного шара. Но вотъ одинъ изъ встрѣчныхъ случайно привлекъ хотя бы на краткій моментъ наше вниманіе чѣмъ либо, иногда пустякомъ, въ родѣ профиля носа, абриса бровей, ничтожной особенности походки или мелкой детали костюма. Съ этого времени мы, пропуская мимо глазъ тысячи встрѣчныхъ, всякій разъ замѣчаемъ человѣка, видъ котораго однажды былъ воспринятъ нашимъ сознаніемъ. Мы говоримъ, что этотъ человѣкъ намъ сталъ встрѣчаться лишь съ нѣкотораго времени, тогда какъ и ранѣе мы его встрѣчали не рѣже, но мы на него лишь глядѣли, не видя его.

Такъ случилось съ Мурзаевымъ въ отношеніи той женщины, которую онъ увидѣлъ у воротъ монастыря при подъемѣ на Пинчіо, когда она впервые привлекла его вниманіе своей позой глубокаго страданія. Можетъ быть и раньше онъ ее встрѣчалъ многократно, но только теперь она стала ему попадаться часто на глаза, Однако не было случая, чтобы онъ ее увидѣлъ хоть разъ на улицахъ полныхъ свѣта и хорошо одѣтой толпы или въ величавыхъ, торжественныхъ храмахъ. Онъ ее встрѣчалъ либо въ лабиринтѣ узкихъ улицъ, не знающихъ солнечнаго свѣта, тамъ, гдѣ тѣснится бѣднота, либо въ темноватыхъ, древнихъ церквяхъ, куда помимо молящихся лишь изрѣдко забредетъ какой нибудь любитель древнѣйшихъ христіанскихъ реликвій. Однажды, зайдя въ церковь Святого Петра «въ веригахъ» ради гигантской статуи Моисея работы Микель Анжело, Мурзаевъ

замѣтилъ ее распростершуюся ницъ на полу передъ чудотворной мозаичной иконой VII вѣка Св. Севастьяна. Другой разъ на противоположномъ концѣ Рима за Тибромъ, на склонѣ Яникульскаго холма, сидя около мѣста, когда то излюбленнаго поэтомъ Торквато Тассо, онъ почувствовалъ устремленный на него чей то взглядъ. Оглянувшись, онъ увидалъ ту же женщину, шедшую изъ церкви монастыря Св. Онуфрія, въ одной изъ келій котораго скончался авторъ «Освобожденнаго Іерусалима».

Въ утро своей поѣздки въ Тиволи къ князю Олегу Кириловичу Кострову онъ надумалъ осмотрѣть Латеранскій соборъ во имя Іоанна Крестителя, мѣсто пребываніе римскихъ Папъ въ доватиканскій періодъ. Выйдя изъ собора, онъ пересѣкъ площадь, оглашаемую голосами дѣтей, играющихъ на обширной соборной паперти, и вошелъ въ сравнительно небольшую церковь «Святая Святыхъ». Тамъ главной святыней была Scala Sacra — лѣстница, вывезенная изъ Іерусалимскаго дворца Пилата, по которой проходилъ Христосъ, когда его водили на судъ къ Понтію. Изъ притвора шли на верхъ пять лѣстницъ. Къ четыремъ боковымъ доступъ былъ свободный, пятая же «Святая» о 28 ступеняхъ была за рѣшеткой. По ней тоже можно было подняться къ часовнѣ «Святая Святыхъ», но только лишь на колѣнахъ. У подножья лѣстницы находились двѣ бѣлаго мрамора группы: слѣва — Христосъ и Пилатъ, справа — поцѣлуй Іуды. На цоклѣ послѣдней была высѣчена надпись: „osculo filium hominis tradis“, («лобзаніемъ ли предаешь Сына Человѣческаго»). Богомольцы, не останавливаясь около этихъ изваяній, открывали рѣшетку, и ставъ на колѣни, начинали свой трудный подъемъ. Одна лишь женщина задержалась у правой группы, прильнувъ грудью къ къ цоклю съ распротертыми по его верхнимъ гранямъ руками, и склонивъ голову къ перстамъ правой ноги Христа, выступавшей изъ подъ хитона.

Узнавъ ее, Мурзаевъ началъ за ней наблюдать. Оторвавшись отъ стопы Христа, она вошла за рѣшетку и начала крайне медленно подниматься на колѣняхъ вверхъ, долго простаивая на каждой ступени. Хотя богомольцы, позднѣе ея вступившіе на лѣстницу, прочитывали на каждой ступени молитву или псаломъ, но

они уже успѣли достигнуть среднихъ ступеней, а она оставалась еще на нижнихъ. Благоговѣйное настроеніе всѣхъ здѣсь находившихся проникло въ душу Мурзаева. Онъ открылъ рѣшетку и присоединился къ восходящимъ. Уже со второй или третьей ступени онъ почувствовалъ, какъ это было трудно и больно. За полторы тысячи лѣтъ милліонами колѣнъ вѣрующихъ ступени были выщерблены. Отъ ихъ неровной поверхности мучительно болѣли колѣни, еще болѣе берцовыя кости, особенно когда нужно было переносить всю тяжесть тѣла на одну ногу, чтобы занести другую на слѣдующую ступень. Вернуться, отказавшись отъ подъема, было уже поздно, такъ какъ для этого пришлось бы прикоснуться подошвой къ святымъ ступенямъ, что было недопустимо. Въ вышинѣ надъ поднимающимися богомольцами царило въ полусвѣтѣ изображеніе распятаго Христа. Казалось, что Онъ распростертыми руками призываетъ въ свои объятія стремящихся къ Нему. По мѣрѣ подъема молитвенное настроеніе возрастало въ душѣ Мурзаева, почему онъ, преодолѣвая верхнія ступени, уже не такъ сильно ощущалъ боль, но, кончивъ подъемъ, онъ съ большимъ трудомъ всталъ на окочанѣвшіе ноги. Кинувъ взглядъ внизъ, онъ увидалъ, что той женщинѣ оставалось пройти еще около десяти ступеней. Осмотрѣвъ часовню «Святая Святыхъ», Мурзаевъ прошелъ въ боковую капеллу, гдѣ просидѣлъ, отдыхая, съ полчаса. Спустившись внизъ по одной изъ боковыхъ лѣстницъ, при выходѣ изъ церкви онъ съ удивленіемъ увидалъ ту женщину вновь на нижнихъ ступеняхъ лѣстницы. Она начинала совершать новый трудный подъемъ, отъ котораго у Мурзаева продолжали еще ныть ноги.

Трамвай быстро доставилъ его на площадь Пятисотъ къ вокзалу, и черезъ часъ съ небольшимъ онъ былъ въ Тиволи, гдѣ скоро разыскалъ виллу, занимаемую Олегомъ Кириловичемъ Костровымъ.

— Кого я вижу? Воскрешій изъ мертвыхъ! Ты же былъ разстрѣленъ, — радостно восклицалъ Олегъ Кириловичъ, узнавъ вошедшаго къ нему Мурзаева. — Ты не помолодѣлъ. Съ этой сѣдой бородой ты выглядишь глубокимъ старцемъ, а вѣдь прошло не болѣе полутора десятка лѣтъ съ послѣдней нашей встрѣчи. Нѣтъ, нѣтъ,

скажи откровенно — это ты самъ или твой астралъ, явившійся изъ затробнаго міра? Я же служилъ о тебѣ панихиду. Мнѣ опредѣленно было сообщено, что ты былъ разстрѣленъ одновременно съ генераломъ Ратькомъ Дмитріевымъ, — говорилъ Олегъ Кириловичъ, не давая Мурзаеву вставить слово. — Неужто ты живъ? Какъ я радъ, какъ я радъ!

— Ей Богу же живъ, — засмѣялся Мурзаевъ. — Былъ разстрѣленъ, но только на половину. Удалось удрать, когда насъ вели на разстрѣлъ. Стрѣляли мнѣ въ спину, поранили руку, но уйти всетаки удалось. Заползъ я въ кусты, гдѣ обезсилилъ отъ потери крови. Тамъ меня нашелъ какой то старикъ съ видомъ Тараса Бульбы. У него я прожилъ, пока не набрался силъ, чтобы отправиться въ путь.

— Что же дальше съ тобой было?

— То же что и со многими другими. Вновь воевалъ сперва въ арміи Деникина, потомъ у Врангеля. О дальнѣйшемъ можешь спросить у большинства русскихъ воиновъ, оказавшихся за рубежомъ: Крымъ, Галиполи, Сербія, эмигрантская страда, пока не добрался до Рима, гдѣ, повидимому, обосновался на всегда.

— Какъ я радъ, — повторялъ Олегъ Кириловичъ, — ты не повѣришь, какъ часто я вспоминалъ тебя и наши бесѣды, когда мы лежали на сосѣднихъ лазаретныхъ койкахъ. Но какъ ты меня то разыскалъ?

— Не мудрено отыскать художника, передъ картиной котораго толпятся посѣтители выставки.

— А-а, былъ на выставкѣ? видѣлъ? ну какъ?

— Видѣлъ, видѣлъ, даже усмотрѣлъ нѣчто помимо художественнаго произведенія.

— Что же еще?

— То, что не смотря на время, не смотря на кошмарныя воспоминанія далекаго прошлаго, въ душѣ художника не померкъ образъ той, которую онъ успѣлъ полюбить за краткій срокъ знакомства съ ней.

— А въ твоей душѣ?

— Повиненъ и я въ этомъ. Но передъ моимъ мысленнымъ взоромъ стоитъ не образъ красавицы въ полномъ расцвѣтѣ ея красоты, какой зналъ ее ты, а обликъ

молоденькой дѣвушки, только что разставшейся съ коричневымъ платьемъ гимназистки.

— Что то съ ней сталось? Она повидимому выполнила условія, мною ей поставленныя. Съ тѣхъ поръ ни въ Европѣ, въ русскихъ кругахъ, ни въ Россіи мнѣ ни разу не приходилось слышать ея имя.

— Зигзаги жизненнаго пути такого человѣка не угадаешь, особенно въ переживаемое нами сумбурное время. Возможно, что помимо остатковъ того, что ты ей вручилъ при прощаньи, былъ пущенъ въ оборотъ и другой капиталъ, которымъ она обладала.

— Какой?

— Ея внѣшность. При ея моральныхъ устояхъ легко пойти по этой дорожкѣ.

— Возможно, — согласился Олегъ Кириловичъ. — Кстати, лѣтъ шесть тому назадъ я былъ испуганъ сходствомъ съ ней одной дамы полусвѣта, грѣмѣвшей тогда на весь Парижъ. Но та оказалась гречанкой. Съ предметомъ же нашихъ общихъ воспоминаній могло случиться и хуже.

— Что же?

— Карьера и судьба Мата-Хари и ей подобныхъ. Для шпіонажа она обладала всѣми нужными качествами: обворожительная внѣшность, комедійный талантъ, изобрѣтательность, твердость характера, смѣлость, и все это вмѣстѣ со способностью не особенно считаться съ моралью.

— Допустимо, но въ такомъ случаѣ, на чьей сторонѣ она могла бы работать?

— Какъ ни тяжело сказать, а это тоже не угадаешь, — вздохнулъ Олегъ Кириловичъ.

— Въ такомъ случаѣ возможно, что ея прахъ давно истлѣлъ на опушкѣ какого нибудь лѣса, гдѣ было мѣсто разстрѣловъ. Занятіе не безъ опасности.

— Съ ея характеромъ всякое могло случиться—можетъ быть проживаетъ гдѣ нибудь уважаемой матроной, если сумѣла сохранить деньги, мной ей данныя, а можетъ быть въ какомъ нибудь строжайшемъ католическомъ монастырѣ бичуетъ себя денно и нощно въ экстазѣ покаянія.

— Ты ей что то подобное предрекалъ, — замѣтилъ Мурзаевъ.

— Я и теперь продолжаю вѣрить, что для нея настанетъ или уже насталъ часъ возмездія. Сколько лѣтъ ей въ настоящее время?

— Во время трагической смерти твоего брата ей было 23 — 24 года, стало быть теперь около сорока.

— При ея склонности къ спорту, она въ эти годы должна хорошо сохраниться.

Разговоръ перешелъ на картину Олега Кириловича.

— Не одно лишь зрительное воображеніе помогло мнѣ создать образы, которые ты видѣлъ на моемъ полотнѣ, — сказалъ онъ. — Я искалъ образцовъ. То, что мнѣ помогло создать центральную фигуру, я покажу тебѣ въ Римѣ, гдѣ мы прогуляемся по двумъ музеямъ и завернемъ въ одну церковь. Мотивы для окружающей обстановки я частью почерпнулъ здѣсь. Послѣ завтрака покажу тебѣ воды, послужившія мнѣ оригиналомъ какъ для мирной глади рѣчки, такъ и для клокочущей, мрачной бездны.

На Виллѣ д'Эстэ они попали въ царство фонтановъ. Перекрещивающіяся аллеи дубовъ и кипарисовъ были полны музыкой плеска струй. По обѣимъ сторонамъ дорожекъ повсюду тянулись ряды фонтановъ разнообразнѣйшихъ формъ и размѣровъ — отъ малыхъ, спокойно льющихъ свои струи въ мраморные водоемы, до грандіозныхъ, стремящихся взметнуть свой водяной столбъ на высоту вѣковыхъ деревьевъ. Въ правомъ углу парка съ высоты обрушивалась закругленная водная стѣна, переливающаяся цвѣтами радуги. То былъ фонтанъ «Царица». Водная пыль орашала густыя заросли дубовъ, лавровъ и миртъ. Сочетаніе мощной зелени съ движущейся повсюду водой, неумолочный напѣвъ струй и зеленоватые на нихъ отблески свѣта зачаровывали видомъ царства Морского Царя.

— Это нужно было тебѣ посмотрѣть и послушать, — сказалъ Олегъ Кириловичъ, — но не отъ фонтановъ я черпалъ нужное мнѣ настроеніе, а вотъ отъ этой зеркальной глади прудовъ и водоемовъ. Ты видишь, какъ спокойно неподвижно отражаются въ этой глади дубы, какъ довѣрчиво въ тихихъ водахъ купаютъ свои листья

и цвѣты прибрежныя растенія и вѣтви деревьевъ. Отсюда я почерпнулъ мотивъ верхняго теченія моей рѣчки, такъ заманчиво зовущей окунуться въ ея воды. Отдохнувъ, перейдемъ въ Тиволи на Виллу Грегоріано. Тамъ увидишь ту бездну, куда увлекается тѣло моего убитаго брата.

Если Вилла д'Эстэ является сплошь творчествомъ человѣка, лишь использовавшаго дары природы, какъ матеріалъ, то Вилла Грегоріано даетъ картину дикой, буйной, не лишеной мрачности природы. Здѣсь человѣкъ приложилъ свою руку только для того, чтобы проникнуть внутрь этого заколдованнаго міра. У подножья полуразрушеннаго, круглаго, колоннаднаго храма таинственной Сивилы разверзается громадныхъ размѣровъ глубочайшій провалъ. Его почти отвѣсныя стѣны и дно покрыты густой зарослью могучихъ деревьевъ, вѣтви которыхъ, переплетаясь между собой и съ колючими кустами, образуютъ тѣнь, мѣстами непроницаемую даже для лучей южнаго, яркаго солнца. Слышится иногда въ гущѣ зарослей подозрительное шуршаніе, заставляющее вспомнить о змѣяхъ. Рѣка Аніо низвергается въ эту таинственную, гигантскую чашу каскадами и водопадами, шумъ которыхъ оглашаетъ окрестность. Изъ этого шума выдѣляется гулъ главнаго водопада, падающаго съ высоты 60 саженей. Воздухъ насыщенъ влагою отъ разбивающейся въ мелкую пыль воды. Невольно ощущаешь, что вокругъ творятся волшебныя чары какихъ то невидимыхъ духовъ и силъ. По скользкимъ ступенямъ спускаешься осторожно внизъ на дно этой громадной купели, гдѣ воды стремятся къ мрачной пещерѣ. Тамъ въ полусумракѣ адъ. Волны теченія сталкиваются другъ съ другомъ, все клокочетъ и кипитъ бѣлой пѣной. Стѣны пещеры дрожатъ. Вся масса клокочущей воды проваливается въ черную бездну, откуда несется демоническій вой. Кто вступилъ вблизи этого мѣста въ воды Аніо, тому нѣтъ возврата. Онъ будетъ затянутъ въ пещеру и тамъ поглащенъ пучиной.

— Узнаешь?! — крикнулъ Олегъ Кириловичъ.

Мурзаевъ кивнулъ головой, не имѣя силы оторвать взоръ отъ непреодолимо влекущаго къ себѣ мрачнаго входа въ преисподню.

25.

Въ теченіи нѣсколькихъ дней послѣ возвращенія изъ Тиволи Мурзаевъ ни разу не встрѣтилъ заинтересовавшую его нищую женщину. Только въ Субботу вечеромъ онъ ее увидалъ тамъ, гдѣ никакъ не ожидалъ ее встрѣтить. Было уже темно, когда онъ подходилъ на улицѣ Палестро къ русской православной церкви, подъ которую была приспособлена одна изъ квартиръ четырехъэтажнаго дома. Надъ подъѣздомъ горѣлъ крестъ изъ электрическихъ лампочекъ, бросавшій слабый свѣтъ на противоположную сторону улицы. Тамъ въ тѣни онъ замѣтилъ знакомую фигуру женщины, взиравшей на крестъ. При его приближеніи она скрылась въ темнотѣ улицы. По окончаніи всенощной онъ разсказалъ священнику отцу Сергію о странномъ видѣніи. Тотъ сообщилъ Мурзаеву, что онъ не первый видитъ эту женщину, стоящую не вдалекѣ отъ входа въ церковь во время вечернихъ службъ, но сейчасъ же удаляющуюся, какъ только передъ окончаніемъ службы гасятъ крестъ.

— Однажды позабыли вовремя потушить крестъ, — разсказывалъ отецъ Сергій. — Выйдя изъ подъѣзда и замѣтивъ женщину, я быстро подошелъ къ ней и спросилъ по русски и по итальянски — кто она. Она молча сложила руки, прося благословенія. Когда я ее благословлялъ, она слегка откинула вуаль, прильнула губами къ моей рукѣ, ставшей влажной отъ ея слезъ. Низко мнѣ поклонившись и не проронивъ ни единаго слова, она спѣшнымъ шагомъ ушла.

— Кто же она? — мѣстная жительница, итальянка, или русская? — спросилъ Мурзаевъ.

— Никто не знаетъ. Это загадка для всей русской колоніи. Опросили мы чуть не всѣхъ русскихъ, живущихъ въ Римѣ, но рѣшительно ничего не удалось выяснить. Думаю, что она итальянка, но имѣвшая какія то связи въ прошломъ съ Россіей.

Однажды Мурзаевъ, выйдя изъ грандіознаго храма S. Maria Maggiore, остановился въ средней аркѣ портала, глядя съ высоты лѣстницы вдоль улицы Четырехъ Фонтановъ. Онъ переживалъ впечатлѣніе отъ только что осмотрѣннаго храма съ его величественной колоннадой

изъ нѣсколькихъ десятковъ колоннъ, когда то украшавшихъ языческій храмъ Юноны. Мозаики на перекрытіяхъ колоннады напомнили ему, что неподалеку отсюда находится церковь V вѣка во имя Святой Праседы съ древнѣйшими мозаиками Рима. Спустившись внизъ, онъ завернулъ въ узкую уличку, на которую выходятъ двери этой церкви. Тамъ около обычно запертой часовни Святого Зенона Мурзаевъ замѣтилъ таинственную незнакомку. По его просьбѣ сторожъ отперъ часовню. Видя, что женщина стѣсняется войти въ часовню вслѣдъ за нимъ, онъ пригласилъ ее жестомъ. Въ полумракѣ часовни подъ лучами зажженной свѣчи переливались мягкими отсвѣтами синія и красныя краски мозаикъ на фонѣ древняго золота, слегка поблекшаго, что придавало особую нѣжность колорита. Этотъ переливчатый свѣтъ вмѣстѣ съ запахомъ кипариса и ладона навѣвалъ на душу особый покой и ощущеніе святости мѣста. Оглянувшись, онъ не увидалъ женщины, вошедшей вмѣстѣ съ нимъ въ часовню. Она не любовалась ни общимъ видомъ часовни, ни геніальными произведеніями византійскаго мозаичнаго искусства, а лежала на полу передъ обломкомъ столба, къ которому былъ привязанъ Христосъ, когда его бичевали.

Когда Мурзаевъ выходилъ изъ церкви, онъ почувствовалъ, какъ кто то прикоснулся къ его рукѣ. Около него стояла та женщина. Онъ сунулъ руку въ карманъ за кошелькомъ, но женщина спѣшно сказала по итальянски:

— Не то, не то. . . .

— Что же вамъ угодно, синьора?

— Милости и милосердія.

— Что я могу сдѣлать для васъ?

— Выслушать исповѣдь моей преступной души.

— Психически больная, — подумалъ Мурзаевъ и сказалъ, — но я вѣдь не патеръ, и даже не католикъ.

— Знаю, но излить мою скорбь, хоть немного облегчить невыносимое бремя моей души, я могу лишь передъ вами. Не откажите несчастной въ этой милости.

— Кто вы? — спросилъ Мурзаевъ, смущенный настойчивостью странной просьбы.

— Кто я? — вы хорошо владѣете итальянскимъ языкомъ? — спросила женщина, не отвѣчая на вопросъ.

— Не знаю право, но кажется порядочно, во всякомъ случаѣ все понимаю.

— Тогда я вамъ отвѣчу словами Данте. Вы помните его описаніе послѣдняго отдѣленія послѣдняго девятаго круга «Ада», названнаго Джіудеку, по имени Іуды, гдѣ томятся предатели.

— Я слушаю, — отвѣтилъ Мурзаевъ, убѣждаясь болѣе и болѣе, что имѣетъ дѣло съ ненормальнымъ человѣкомъ, но заинтересовавшись этой странной нищей, знающей наизусть «Божественную Комедію». Она начала:

— „Къ послѣднему приблизились мы краю.
(О, съ ужасомъ я этотъ стихъ слагаю).
Затертые неумолимо льдомъ,
Напоминали грѣшники собою
Зародышей въ спирту и подъ стекломъ.
Одинъ лежалъ, другой внизъ головою
Стоялъ во льду, а третій словно лукъ
Сведенный весь, окоченѣлъ отъ мукъ.
И наконецъ, — о, этотъ мигъ ужасенъ! —
Учитель мой мнѣ указалъ того,
Кто прежде былъ божественно прекрасенъ
Сказавъ: „ты Люцифера видишь самаго“.
Я у него увидѣлъ три лица.
Всѣ шестеро очей его роняли
Потоки слезъ, которыя тройной
Текли струей на грудь его тройную
И, смѣшаны съ кровавою слюной
Струились внизъ въ пучину ледяную.
По грѣшнику держа въ зубахъ своихъ,
Онъ ихъ тѣла тремя своими ртами
Трепалъ, какъ ленъ, заразъ козня троихъ.
И вождь сказалъ: „виситъ ногами внизъ
И головою въ пасти Люцифера
Караемый всѣхъ строже для примѣра, —
Искаріотъ. Еще ты видишь тутъ:
Внизъ головой виситъ предатель Брутъ,
Въ безмолвіи онъ корчится отъ гнѣва,
И Кассій съ нимъ, висящій тамъ налѣво“.)*

*) Переводъ О. Н. Чуминой.

Она замолчала, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Но кто же вы? — повторилъ свой вопросъ Мурзаевъ.

— Я — исчадье изъ этого самаго страшнаго мѣста ада. Я — выходецъ изъ этой ледяной пучины, замерзающей отъ дыханья Сатаны. Окажите милость, выслушайте величайшую преступницу, претерпѣвающую заслуженную кару.

— Вы итальянка? — не отвѣчая на просьбу, спросилъ Мурзаевъ.

— Пусть буду итальянка. Вы — русскій. Среди вашихъ, какъ говорятъ, много сострадательныхъ людей.

— Почему съ вашей просьбой вы обратились ко мнѣ? Гдѣ вы меня видѣли?

— Въ первый разъ я увидала васъ у воротъ монастыря, гдѣ раздавали пищу голоднымъ. Своимъ сочувственнымъ взглядомъ, брошеннымъ на меня, вы вызвали во мнѣ довѣріе къ себѣ и непреодолимое желаніе высказаться именно передъ вами.

— Но здѣсь неудобно, — сказалъ Мурзаевъ, начиная склоняться къ исполненію ея просьбы — Вечеряетъ, скоро здѣсь начнется служба.

— О да, тѣмъ болѣе, что исповѣдь моя будетъ длинна. Я прошу у васъ встрѣчи.

— Гдѣ?

— Я со своимъ мракомъ въ душѣ и со своими лохмотьями на тѣлѣ сторонюсь и боюсь людей. Поэтому прошу васъ притти туда, гдѣ ихъ мало. Вы не боитесь нашего южнаго солнца?

— Нисколько.

— Приходите на Палатинъ. Онъ обычно мало посѣщаемъ, а въ полуденные часы вовсе безлюденъ. Тѣмъ болѣе это мѣсто какъ разъ для меня.

— Почему?

— Тамъ рыскала волчица. Тамъ былъ вскормленъ братоубійца Ромулъ. Тамъ происходили во дворцахъ оргіи никѣмъ не превозойденныя. Тамъ почва насыщена кровью. Тамъ блуждаютъ тѣни Нерона, Калигулы...

— Палатинъ вѣдь обширенъ. На какомъ мѣстѣ я васъ тамъ найду?

— Если можете, приходите завтра въ полдень къ гроту волчицы Луперкалію, около остатковъ древнѣйшихъ стѣнъ Рима.

— Хорошо. Завтра я занятъ, но приду послѣ завтра, — согласился Мурзаевъ.

— Не нахожу словъ для благодарности, — сказала женщина, и низко поклонившись, исчезла въ сумеркахъ наступившаго вечера за угломъ улицы Мартинииnъ-Монтаріо, спускающейся книзу.

26.

Мурзаевъ отложилъ свиданье съ незнакомкой на день потому, что на другой день послѣ перваго съ ней разговора ожидалъ пріѣзда въ Римъ Олега Кириловича. Отъ улицы Грачифори, гдѣ жилъ Мурзаевъ, было рукой подать до Венеціанской площади, замыкаемой грандіознымъ памятникомъ-мавзолеемъ Виктору Эмануилу, высящимся отъ подножья до вершины Капитолійской горы, и всетаки уступающимъ въ величіи остаткамъ античной старины. Обойдя его съ правой стороны, Костровъ и Мурзаевъ поднялись мимо живыхъ орловъ и волчицы на вершину Капитолійскаго холма къ конной статуѣ Марка Аврелія.

— Въ Консерваторскій музей направо мы сегодня не пойдемъ, — сказалъ Олегъ Кириловичъ, — а завернемъ лишь налѣво въ Капитолійскій музей. Тамъ я хочу показать тебѣ нѣчто, мимо чего ты одинъ прошелъ бы безъ вниманія.

Миновавъ нѣсколько залъ, остановившись лишь передъ Венерой Капитолійской и Умирающимъ Гладіаторомъ, они прошли въ залу, гдѣ была обширная коллекція античныхъ бюстовъ римскихъ императоровъ и императрицъ.

— Вотъ! — остановился Олегъ Кириловичъ. — Работая надъ своей картиной я долго простаивалъ передъ этими двумя бюстами, желая проникнуть въ душу этихъ женщинъ, лица которыхъ художникъ увѣковѣчилъ въ мраморѣ.

— Кто онѣ? — спросилъ Мурзаевъ.

— Обѣ онѣ, какъ видишь, красивы, но память о нихъ сохранились какъ о женщинахъ съ наиболѣе пре-

ступной душой изъ всѣхъ, которыхъ знала исторія. Это — Мессалина и Агрипина младшая, мать Нерона.

— Теперь я веду тебя въ церковь Св. Августина, — сказалъ Олегъ Кириловичъ, когда они, покинувъ Капитолій, шли по лабиринту узкихъ улицъ въ окрестностяхъ Пантеона. — Тамъ покажу тебѣ чудотворную статую Мадонны, увѣшанную массой ex voto, т. е. благодарственныхъ приношеній лицъ, получившихъ отъ нея исцѣленіе и помощь.

— Почему ты меня привелъ къ этому изваянію? — спросилъ Мурзаевъ, когда они стояли въ церкви передъ статуей Мадонны.

— Для того же, для чего водилъ тебя въ музей Это лицо я изучалъ даже больше, чѣмъ тѣ два, мною тебѣ тамъ показанныя. Многіе въ томъ числѣ, понятно, всѣ ортодоксальные католики, увѣрены, что это — изображеніе Мадонны. Однако есть мнѣніе и не вовсе необоснованное, что статуя относится къ языческимъ временамъ и изображаетъ никого другого, какъ ту же Агрипину младшую съ ребенкомъ Нерономъ на рукахъ. Если это такъ, то каково же было лукавство этой женщины, если она сумѣла надѣть на себя личину не только благородства, но даже непорочности и святости. Конечно художникъ могъ польстить. Попробуй не польсти супругѣ Клавдія и мамашѣ Нерона. Однако онъ вополотилъ то, что хотѣла воплотить въ своемъ изображеніи натура.

— Куда же ты меня теперь поведешь? — спросилъ Мурзаевъ, когда они вышли на обширную, овальную съ тремя фонтанами Навонскую площадь, гдѣ во времена древняго Рима происходили конскія ристалищи.

— Намъ предстоитъ длинный путь на другой конецъ Рима въ Термы Діоклетіана. Я положилъ себѣ за правило передвигаться по этому городу не иначе какъ на собственныхъ ногахъ. Такъ ближе соприкасаешься съ его духомъ и многое увидишь цѣннаго, о чемъ ни въ какихъ путеводителяхъ не найдешь указаній. Поэтому прежде всего завернемъ въ эту простенькую тратторію, что около церкви Св. Агнесы. гдѣ

насъ угостятъ вкуснымъ ультро-итальянскимъ блюдомъ и дадутъ прекрасное вино изъ Фраскати.

— Чѣмъ же ты меня собираешься удивить въ Національномъ музеѣ, что находится въ Термахъ Діоклетіана? — спросилъ Мурзаевъ, когда они распивали ароматное, мягкое какъ масло вино.

— Подымай выше — не удивить, а изумить, — отвѣтилъ Костровъ. — Три показанные мною тебѣ мрамора меня интересовали лишь какъ образцы того, какъ за красивой внѣшностью можетъ скрываться лицемѣрная, извращенная душа. Тамъ я покажу тебѣ то, что помогло мнѣ написать черты лица, бывшаго дорогимъ для насъ обоихъ.

Въ Термахъ Діоклетіана они пересѣкли обширный квадратный внутренній дворъ, обнесенный по проэкту Микель Анджело колоннадой и превращенный въ цвѣтущій садъ, среди зелени котораго были размѣщены античныя древности. Войдя въ галлерею Людовизи, Олегъ Кириловичъ сказалъ одно лишь слово:

— Смотри!

— Она! — воскликнулъ пораженный Мурзаевъ.

Передъ ними на высокомъ постаментѣ лежалъ профильный горельефъ женской головы античной красоты съ закрытыми глазами. Строгость чертъ лица, складка губъ, прямизна бровей говорили о несокрушимой волѣ. Распущенные волосы ниспадали свободными прядями, одна изъ которыхъ, спускаясь на лобъ, придавала лицу что то не то гнѣвное, не то страдальческое. Чувствовалось, что открой она глаза, — она можетъ своимъ взоромъ либо заворожить, либо испепелить.

— Кто это? — спросилъ беззвучнымъ отъ волненія голосомъ Мурзаевъ.

— Это — спящая Эринія или что тоже — фурія.

— Но, Боже мой, какое сходство, — продолжалъ волноваться Мурзаевъ. — Если не знать, что этому изваянію болѣе 2000 лѣтъ, то можно было бы быть увѣреннымъ, что натурой для художника послужило лицо Аріадны Георгіевны. Да, онъ былъ правъ.

— Кто?

— Это воспоминаніе въ связи со смертью твоего брата. Былъ у насъ товарищъ прокурора Раковскій. Онъ мнѣ тогда оказалъ о сходствѣ Аріадны Георгіевны съ этой головой.

— Какая же связь была со смертью Всеволода?

— При его словахъ о смерти покойнаго князя она упала въ обморокъ, какъ потомъ оказалось въ притворный. Ея профиль съ закрытыми глазами на блѣдномъ лицѣ врѣзался въ мою память. Теперь передо мной лежитъ этотъ самый профиль, воспроизведенный въ мраморѣ художникомъ давно прошедшихъ временъ.

— Теперь тебѣ ясно, что послужило мнѣ матеріаломъ для созданія образа моей «Царицы Тамары». Съ одной стороны этотъ выдающійся по своей красотѣ образецъ искусства, съ другой стороны живое лицо человѣка, ни одна черта котораго за долгіе годы не могла изгладить изъ моей памяти.

— Сегодня мнѣ не хотѣлось бы ничего больше видѣть, чтобы не нарушать впечатлѣніе отъ этого изваянія, — сказалъ Мурзаевъ. — Я полонъ воспоминаніями о самыхъ свѣтлыхъ и о самыхъ мрачныхъ моментахъ моей жизни.

— Я самъ перестаю быть на сегодняшній день твоимъ гидомъ, — отвѣтилъ Олегъ Кириловичъ, — тѣмъ болѣе, что, хотя до вокзала намъ нужно перейти только площадь, но до моего поѣзда остается только полчаса.

Когда они были уже на перонѣ желѣзной дороги, Мурзаевъ вспомнилъ о предстоящемъ ему на другой день свиданіи.

— Удивительный казусъ со мной произошелъ. Я попалъ въ положеніе исповѣдника какой то кающейся Магдалины въ лохмотьяхъ.

— Смотри не особенно надѣйся на свои сѣдины, пока у тебя есть сердце и ребра, куда можетъ залѣзть бѣсъ. Бѣдный ея костюмъ можетъ говорить о томъ, что она изъ зарѣчнаго квартала Траствере, гдѣ среди женщинъ простонародья еще можно встрѣтить типы античнаго времени. Твоя Магдалина красива?

— Не знаю. Едва ли, иначе она не закрывала бы такъ плотно свое лицо.

— Съ чего же ты вздумалъ отбивать хлѣбъ у католическихъ аббатовъ?

— Вздумалъ не я, а она, хотя и узнала во мнѣ русскаго.

— Странно. Но кто же она?

— Не говоритъ. Судя по черному цвѣту волосъ итальянка, по просѣди — женщина не первой молодости. Думаю, что изъ «бывшихъ людей», такъ какъ при своей нищетѣ скандуетъ наизусть Данте.

— При первой же встрѣчѣ разскажи мнѣ этотъ твой запоздалый романъ изъ серіи «Оскорбленныхъ и Униженныхъ», — сказалъ Олегъ Кириловичъ, вскакивая на площадку начавшаго двигаться вагона.

27.

Надъ священнѣйшимъ мѣстомъ для древнихъ римлянъ, надъ мѣстомъ не менѣе священнымъ для историковъ и археологовъ любой націи, — надъ Римскимъ Форумомъ высится отвѣсная гора, съ вершины которой смотрятъ на Форумъ сады Палатина. Нельзя шагу ступить на Палатинѣ, чтобы не прикоснуться ногой къ камнямъ и плитамъ, по которымъ ступали императоры, римская знать и ихъ свиты. Остатки дворцовъ, соперничавшихъ своимъ величіемъ, тѣснятся другъ къ другу. Обрушившіеся своды, уцѣлѣвшія колонны и ихъ обломки, выступающіе на поверхность земли мозаичные полы, циклопическая кладка стѣнъ, зіяющія пропасти подваловъ громко возглашаютъ о мощѣ императорскаго Рима и о быломъ его владычествѣ надъ всѣмъ міромъ. Среди этихъ каменныхъ грудъ, повѣствующихъ, какъ скрижали, о величіи прошлаго, возросла полная жизни и соковъ растительность. То ли тутъ императоры, украшая свои дворцы, такъ взрыхлили и удобрили почву, что въ ней за тысячелѣтія не изсякла плодотворная сила, то ли они же ее такъ обильно напоили кровью и потомъ рабовъ и подвластныхъ. Не даромъ всего пышнѣе разрослись сады въ сторонѣ развалинъ дворца Калигулы. Весь Палатинъ насыщенъ воспоминаніями объ эпохѣ римской имперіи, кромѣ одного уголка, дышащаго еще болѣе глубокой древностью того времени, когда Римъ только еще зарождался. Тамъ цѣлы остатки первобытныхъ стѣнъ

„Roma quadrata“, тамъ бѣлѣетъ небольшой алтарь неизвѣстному богу „Ara“, тамъ же Луперкалій — гротъ волчицы, вскормившей своимъ молокомъ Ромула и Рема. Не всякій посѣтитель Палатина сюда забредетъ, спѣша пройти отъ дворца Калигулы и садовъ виллы Фарнезе къ домику Ливіи съ сохранившимися въ немъ фресками. Многіе минуютъ этотъ уголокъ, благо что въ немъ нѣтъ предметовъ искусства, а найдутся лишь примитивныя реликвіи сѣдой старины.

Тамъ есть холмъ, поросшій высокими деревьями, подходя къ которому, Мурзаевъ увидалъ знакомую фигуру, сидящую на грубо высѣченныхъ изъ дикаго камня ступеняхъ лѣстницы, ведущей на холмъ.

— Отъ всего своего изстрадавшагося сердца благодарю васъ за то, что исполнили просьбу отверженной паріи, — были первыя слова женщины, обращенныя къ Мурзаеву.

— Теперь и вы исполните мою просьбу, — сказалъ Мурзаевъ, садясь рядомъ съ ней, — назовите себя или по крайней мѣрѣ откройте ваше лицо.

— Боюсь это сдѣлать. Боюсь, что взглянувъ на клеймо, вы содрагнетесь и, не найдя силъ смотрѣть на страшную маску, вы оставите меня, не выслушавъ то, что хочу вамъ сказать.

— Не бойтесь. Кто видѣлъ картины прошедшей войны, того не испугаешь видомъ обезображеннаго лица.

Женщина откинула вуаль. Мурзаевъ, взглянувъ на ея лицо, невольно отшатнулся. Передъ нимъ было истощенное лицо, перерѣзанное наискось сверху до низу глубокимъ шрамомъ. Рубецъ на лбу былъ не очень глубокъ, но пройдя почти около самаго глаза, онъ обезобразилъ носъ, разворотилъ на щекѣ зіяющую рану, и прорѣзалъ ротъ чуть не до уха, придавъ всему лицу видъ гуимплена, смѣющагося сатанинской улыбкой.

— Кто вы? — прошепталъ Мурзаевъ.

— Отвѣчу вновь словами Данте:

„Въ ямѣ грязной
Ты видишь ликъ блудницы безобразной.
Ты видишь тѣнь безсовѣстной гетеры,
Въ предательствѣ и лжи не знавшей мѣры“.

— Не удивляйтесь, что я часто говорю словами великаго поэта. Его «Адъ» я знаю наизусть. Который годъ ищу я въ немъ картину такого мученія, которое превозошло бы то, что переживаю я. Но... не нашла.

— Что съ вами сдѣлали, несчастная? — спросилъ Мурзаевъ голосомъ, полнымъ состраданія.

— Sfregio. Такъ называется клеймо, отмѣчающее предателей и измѣнниковъ.

Гдѣ то въ глубинѣ души Мурзаева заныло щемящей болью при словѣ „sfregio". Оно ему напомнило что то тяжкое, что то гнетущее. Смутно ему грезилось, какъ онъ сидѣлъ около спущенной портьеры и напряженно прислушивался къ разговору, происходящему въ сосѣдней комнатѣ, переживая въ душѣ своей мучительную борьбу.

— Вглядитесь, — сказала женщина.

Что то близкое, дорогое, чуть не родное показалось ему въ абрисѣ подбородка и въ рисункѣ неповрежденной стороны рта. Донельзя знакомая ласковость взгляда струилась изъ ея глазъ. Внезапно онъ вздрогнулъ отъ звука русской рѣчи. Сердце у него сжалось отъ ужасной догадки.

— Онъ мнѣ предсказалъ, что когда нибудь я буду сожалѣть о каторгѣ, какъ о величайшемъ счастьѣ, — сказала она по русски.

Завѣса съ глазъ Мурзаева спала.

— Аріадна Георгіевна?! Вы?!! — скорѣе прошевелилъ онъ губами, нежели сказалъ, схвативъ ея изсохшія руки.

— Я!!!

Оба молчали, глядя другъ другу въ глаза. Яркое, радостное, римское солнце обливало лучами округу. Вокругъ нихъ празднично рдѣла буйная зелень. Далекій шумъ растилавшагося внизу города заглушался звонкимъ, веселымъ неумолочнымъ хоромъ цикадъ. Но каждый изъ нихъ слышалъ лишь удары своего сердца и видѣлъ лишь устремленные на него глаза, и даже не глаза, а страданье въ нихъ отражавшееся.

— Простите, если мой русскій языкъ будетъ плохъ, — прервала она молчаніе. — Я строго выполнила приказъ, данный мнѣ княземъ Олегомъ Кириловичемъ.

Со дня выѣзда изъ Россіи я не говорила ни съ однимъ русскимъ. Вы — первый. Съ того же времени я не давала о себѣ и не получала ни одной вѣсти съ родины. Скажите — что мать?

— Она скончалась.

— Когда?

— Приблизительно черезъ годъ послѣ вашего отъѣзда.

— Отчего?

— Отъ повторнаго удара.

— Когда былъ первый?

Мурзаевъ замялся.

— Говорите правду. Малѣйшая ложь лишитъ смысла нашу бесѣду.

— Первый ударъ ее постигъ въ тотъ день когда мы пришли васъ арестовать

— Я сама угадывала, что ея кровь тоже на мнѣ. Что сталось съ Варламомъ Никифоровичемъ Рожновымъ?

— Его тоже нѣтъ въ живыхъ

— Гдѣ онъ умеръ? На каторгѣ?

— Нѣтъ, онъ палъ смертью славныхъ. Судъ отнесся къ нему снисходительно. Каторга его миновала. На второй годъ войны былъ изданъ манифестъ, предоставляющій право вступить въ ряды арміи тѣмъ осужденнымъ, которые пожелали бы на передовыхъ позиціяхъ искупить свою вину. Когда я лежалъ въ лазаретѣ, его доставили туда же тяжело раненнаго. Въ тотъ же вечеръ онъ умеръ съ вашимъ именемъ на устахъ.

— Вы видите, какъ я сплошь облита человѣческой кровью. Онъ ушелъ въ ряды арміи не ради скорѣйшаго освобожденія отъ наказанія, а искалъ смерти. Никто какъ я втянула его въ преступленіе и тѣмъ натолкнула на эту смерть. А гдѣ?.., — спросила было Аріадна Георгіевна, но остановилась и замолчала.

— Скажите, что значитъ обезображеніе вашего лица? — спросилъ Мурзаевъ.

— Оно означаетъ второе заслуженное, позорное клеймо на тѣлѣ убійцы. Первое наложено на ногѣ въ день преступленія зубами собаки, вѣрнаго друга уби-

таго. Наложеніе второго означаетъ день начала возмездія.

— На мою долю выпалъ тяжкій долгъ выяснить вашу виновность, — сказалъ Мурзаевъ. — Но одно осталось для меня, какъ и для другихъ непонятнымъ. Что могло побудить васъ поднять руку на такого прекраснаго человѣка, какимъ былъ вашъ женихъ.

— Любовь. Если не кощунственно назвать этимъ словомъ чувство, руководившее мной.

— Любовь? Къ кому же?

— Къ Рожнову. Но то не было чувство, возвышающее человѣка, его облагораживающее, какимъ является истинная любовь. То было...

„Любовь — не жаръ души, а только жаръ въ крови,
Любовь — больной кошмаръ, тяжелый чадъ похмѣлья“.

— Встрѣтились двѣ родственныя натуры, въ душахъ которыхъ ничтожны были семена добра, а для зла благопріятна почва. Сердце человѣческое не терпитъ пустоты. Оно всегда полно либо злобой, либо любовью. Наростаетъ въ немъ добро, умаляется зло. Слабѣетъ свѣтъ, водворяется тьма, стремящаяся поглотить послѣдніе отблески свѣта. Мы оба затаптывали ростки добра въ нашихъ сердцахъ. Темна была любовь, насъ связавшая. Лишь вожделѣніе влекло насъ другъ къ другу. Онъ былъ лучше меня. Въ немъ всетаки жилъ художникъ, хотя и мечтавшій не столько о художественныхъ достиженіяхъ, сколько о славѣ людской. Моя же душа вакханки помимо страсти знала лишь жажду золота. Его учительское жалованье золотыхъ горъ не сулило. Ночами я бредила о богатствѣ для себя и для того, чтобы открыть ему пути къ славѣ. Моя натура не могла удовлетвориться мечтами, почему нашъ бракъ съ нимъ откладывался. Тѣсная связь между нами не прервалась, когда я съ родителями переѣхала въ другой городъ, гдѣ на аренѣ моей жизни появился князь Всеволодъ Кириловичъ, вскорѣ меня полюбившій. Его богатство превосходило во много разъ то, о чемъ я мечтала. Но я не могла поступиться Рожновымъ. Пусть то была не любовь, а лишь страсть, но она всецѣло владѣла мной. Только ему я могла принадлежать. Титулъ и знатность меня мало

интересовали. Но отъ золота, отъ богатства, которое само шло ко мнѣ въ руки, я не могла отказаться. Мечты о богатой жизни были неразрывно связаны съ мечтами о совмѣстной жизни съ Рожновымъ. Выбора для меня не существовало. Я должна была обладать и Рожновымъ и капиталами князя.

— Тогда то я начала задумываться надъ тѣмъ, какъ бы воспользоваться хотя бы частью богатства князя, устранивъ его самого.Додумалась до убійства, отогнала мечты и начала хладнокровно, систематически вырабатывать планъ. Надѣла на себя личину любви, чѣмъ окончательно заворожила свою жертву. Насколько я была скрытна, настолько князь широко раскрывалъ передо мной свою душу. Я вызнала отъ него все, что мнѣ было нужно. Изъ его словъ, а отчасти изъ писемъ его брата къ нему я узнала душу Олега — этого безкорыстнѣйшаго не отъ міра сего человѣка, живущаго только интересами своего искусства. На эту то душу художника я поставила ставку въ своей гнусной игрѣ. Такъ появилось прощальное письмо отъ одного брата къ другому. Для версіи самоубійства необходимо было создать видимый мотивъ. Я его долго не могла изобрѣсти, пока изъ недомолвокъ князя и изъ записей черновой, расходной книжки не узнала, что онъ систематически высылаетъ деньги какой то женщинѣ съ уменьшительнымъ именемъ «Тата». Я сочинила исторію о его первомъ бракѣ, оформила ее въ письмо, брошенное мною въ комнатѣ убійства. Всѣ документы изготовлялись Рожновымъ, котораго я увлекла мечтами о приближающемся обладаніи мной, о жизни въ Италіи и о возвратѣ къ искусству. Онъ оказался не такъ твердъ, какъ я, а къ тому же меньше порочень. Пока убійство подготовлялось, онъ исполнялъ всѣ мои порученія, но когда оно совершилось, онъ испугался не столько суда и наказанія, сколько меня самое. Пока его руки были только въ чернилахъ, онъ былъ моимъ покорнымъ рабомъ, но какъ только онъ увидалъ кровь на моихъ рукахъ, онъ отступилъ. Говорила ли въ немъ совѣсть, пробуждался ли страхъ, но съ нѣкотораго времени онъ началъ пить и опустился такъ, что былъ уволенъ со службы. Получивъ мою условную телеграмму о томъ, что все кончено, онъ отвѣтилъ пись-

момъ, въ которомъ отказывался и отъ славы, и отъ богатства и отъ меня. Я бросилась къ нему, сказавъ вамъ, что ѣду къ Берлогину. Вечеромъ въ день пріѣзда я была у него на квартирѣ. Онъ говорилъ безсвязно, чуть не трясся отъ страха, боясь прикоснуться ко мнѣ. Кто то позвонилъ, онъ бросился было отпирать. Я силой его остановила, сама прошла въ переднюю и закрыла дверь въ комнату, гдѣ мы сидѣли.

— Это я звонилъ, — прервалъ Мурзаевъ.

— Вы? — неужто уже тогда вы слѣдили за мной?

— О нѣтъ, я лишь Рожнова подозрѣвалъ въ убійствѣ изъ за ревности, а васъ я считалъ уѣхавшей къ Берлогину.

— На слѣдующій день у насъ было свиданье въ глухомъ углу городскаго сада, — продолжала Аріадна Георгіевна. — Рожновъ по прежнему волновался, но былъ твердъ въ своемъ отказѣ ото всего. Я уѣхала, пославъ изъ ближайшаго города письмо съ угрозой о явкѣ съ повиной въ случаѣ его упорства. Онъ не отвѣчалъ. Моя карта была бита по крайней мѣрѣ въ вопросѣ о совмѣстной съ нимъ жизни. Нужно было спасать себя и, если возможно, завладѣть деньгами. Версія о самоубійствѣ не удалась, нужно было спѣшить. Я натолкнула васъ на Берлогинскій слѣдъ, какъ требовавшій большаго времени для своего выясненія. Пока вы ѣздили на Волгу, я сумѣла повернуть дѣло съ Олегомъ Кириловичемъ такъ, что прошла бы недѣля другая и я оказалась бы за границей съ капиталами убитаго князя. Но вы или ваши агенты тоже не дремали. Все раскрылось, собранъ былъ уличающій меня матеріалъ. Узнала я объ этомъ совершенно неожиданно отъ Олега Кириловича при послѣднемъ съ нимъ разговорѣ, когда я впервые услыхала это страшное слово „sfregio“, — сказала Аіадна Георгіевна, указывая на свое лицо. — Если бы вы знали, какъ постыдно, низко я себя держала во время этого разговора.

— Весь этотъ разговоръ я слышалъ отъ слова до слова изъ сосѣдней комнаты, — сказалъ Мурзаевъ.

— Неужто?! — воскликнула Аріадна Георгіевна. — Мнѣ князь сказалъ, что вы находитесь въ домѣ, но разъ

вы были свидѣтелемъ разговора, то я не могу понять одного обстоятельства.

— Какого?

— Причина благосклоннаго, всепрощающаго отношенія ко мнѣ князя, мнѣ понятна. То не была боязнь того, что будетъ трепаться имя князей Костровыхъ во время сенсаціоннаго процесса, какъ говорилъ онъ. Конечно много объясняется его золотымъ сердцемъ, но главное, что побудило его поступить со мной такъ, какъ онъ поступилъ, была его любовь ко мнѣ. Я своей лицемѣрной игрой успѣла въ короткое время покорить его сердце также всецѣло, какъ и сердце его брата.

— Вы правы, — подтвердилъ Мурзаевъ.

— Да, его дѣйствіями руководила любовь, но вы то почему меня тогда же не арестовали? Вами то что руководило?

— Мной? — тоже, что руководило и княземъ, — тихо промолвилъ Мурзаевъ.

— О, мой дорогой, мой несчастный другъ моихъ юныхъ лѣтъ, тогда еще свѣтлыхъ, — воскликнула Аріадна Георгіевна, соскользнувъ на землю къ ногамъ Мурзаева и прильнувъ губами къ его рукѣ, которую онъ не успѣлъ отдернуть.

— Успокойтесь, моя дорогая, моя несчастная Рида, свѣточъ моихъ молодыхъ лѣтъ. Своими страданіями вы сторицей искупили свой тяжкій грѣхъ, — успокаивалъ Мурзаевъ, поднявъ ее съ земли и гладя по сѣдымъ волосамъ. — Сядьте вновь на эти мшистыя ступени, видавшія за тысячи лѣтъ преступленія страшнѣе вашего, но были ли онѣ свидѣтелями такого раскаянія, какъ ваше, того я не знаю. Сядьте, приклонитесь довѣрчиво къ плечу вашего стараго друга.

Вновь были слышны лишь переливы звона цикадъ, вновь въ молчаніи неподвижно среди пышнаго праздника природы сидѣли два раньше времени постарѣвшіе человѣка, погруженные въ думу. Громкіе голоса туристовъ англичанъ заставили ихъ очнуться. Нѣсколько человѣкъ прошли мимо, бросивъ на сидящихъ удивленно-любопытные взгляды. Дойдя до алтаря Ara всѣ они, какъ по командѣ, зашелестѣли страницами Бедекера, и

успокоившись, что онъ и тутъ не ошибся, прошли дальше.

28.

— Тяжело мнѣ вспоминать, какъ совершено было убійство, — продолжала свою покаянную повѣсть Аріадна Георгіевна. — Остановлюсь лишь на томъ, что не могло стать вамъ извѣстнымъ. Мы сговорились съ княземъ Всеволодомъ появиться у Цѣлинскихъ вмѣстѣ одновременно. Я подала мысль провести передъ тѣмъ часа два tête à tête въ дачномъ домѣ, куда обѣщала пріѣхать одѣтой въ вечернее платье. Предложеніе его заѣхать за мной на машинѣ я отклонила подъ какимъ то предлогомъ. Окрестности дачнаго дома я знала прекрасно, такъ какъ исходила ихъ раньше на прогулкахъ съ княземъ. Чтобы не было слѣдовъ того, что князь былъ въ дачномъ домѣ не одинъ, я рѣшила ѣхать по дорогѣ, не ведущей къ дому, оставить около опушки лѣса нанятый такси, углубиться въ лѣсъ подъ видомъ прогулки и, совершивъ убійство, вернуться къ машинѣ. Мнѣ повезло — я натолкнулась на пустой автомобиль, работавшій на холостомъ ходу. Вскочивъ въ него, я уѣхала, а потомъ бросила его на окраинѣ города. Князь меня встрѣтилъ съ букетомъ орхидей, расцвѣтшихъ въ тотъ день въ его оранжереѣ. Я, заткнувъ ихъ за поясъ, среди веселаго разговора начала сбивать гоголь-моголь для князя, схватившаго тогда кашель. Когда онъ вышелъ въ сосѣднюю комнату за штопоромъ, чтобы откупорить бутылку рома, я влила въ гоголь-моголь ядъ. Вливъ туда же побольше рома, чтобы заглушить вкусъ яда, я подсѣла на ручку кресла, на которомъ сидѣлъ князь, обняла его и поцѣловала. Это былъ первый поцѣлуй мною ему данный и . . . . послѣдній, потомучто даже у такой низкой твари какъ я, не хватило силы поцѣловать мертваго въ гробѣ, когда его отпѣвали. Какъ онъ былъ счастливъ! Онъ потянулся ко мнѣ за вторымъ поцѣлуемъ, я же прижавъ его голову къ своей груди, сказала ему: «сперва заслужите, скушайте ложку лекарства». Я своими руками вложила ему въ ротъ ложку съ гоголь-моголемъ, и сейчасъ же другую. Онъ вскочилъ, расширивъ глаза, посмотрѣлъ на меня и упалъ на полъ.

О, какой былъ его взглядъ! Вотъ уже нѣсколько лѣтъ и денно и нощно я его вижу. Ужасъ былъ въ томъ, что во взорѣ не было гнѣва, было даже мало страха, но въ немъ были только любовь и упрекъ. Но какой упрекъ! Эти глаза прожигаютъ меня, какъ каленнымъ желѣзомъ, лишь вспомню о нихъ. . . — оборвала Аріадна Георгіевна свой разсказъ и замолчала, долгое время задыхаясь.

— Когда замолкло хрипѣнье, — продолжала она, низко склонившись, — я выстрѣлила мертвому въ високъ. Холодъ пробѣжалъ у меня по спинѣ, когда я услыхала рычанье и почувствовала, что кто то рветъ на мнѣ платье. Обернувшись, я увидала почти у самой своей шеи чьи то бѣшенные, налитые кровью глаза и оскаленные страшные зубы. То былъ догъ Рабо. Я успѣла выстрѣлить въ разинутую пасть. Онъ отскочилъ къ двери и тамъ свалился мертвымъ. Опасаясь, чтобы звуки выстрѣловъ не привлекли бы чьего нибудь вниманія, я, торопясь, вложила въ руку убитаго свой револьверъ, вынула изъ его кармана расписку Берлогина и крупную сумму денегъ. Я знала про эти деньги, взяла же на случай, если бы пришлось спѣшно бѣжать. Въ другомъ карманѣ князя лежалъ какой то твердый предметъ. Это оказался револьверъ князя съ его инициалами. Въ немъ были два израсходованныхъ патрона, какъ разъ что было нужно. Смѣнивъ въ рукѣ мертваго револьверъ, я положила на столъ подложныя письмо отъ имени «Таты» и предсмертную записку, бросивъ на нее омоченное въ чернилахъ перо, и поспѣшила къ выходу. На порогѣ въ переднюю лежалъ мертвый догъ. Лишь только я переступила его трупъ, какъ почувствовала неимовѣрную боль въ ногѣ. На меня снизу смотрѣли еще болѣе злобные, чѣмъ раньше, глаза. Къ моему ужасу раненная собака вскочила на всѣ четыре лапы и вновь бросилась на меня съ разинутой пастью. Я вновь въ нее выстрѣлила, выбѣжала на дворъ, захлопнула за собой дверь, заперла ее снаружи, ключъ забросила внутрь комнаты черезъ окно. На возвратномъ пути я развила максимально возможную для машины скорость. Я не хотѣла значительнымъ опозданіемъ на вечеръ Цѣлинскихъ обратить на себя вниманіе, а мнѣ предстояло еще

заѣхать домой, смѣнить разорванное платье и забинтовать ногу. Къ моему счастью въ оба пути не было встрѣчныхъ, только на обратномъ пути вывернувшись съ луговъ на дорогу, я чуть не наѣхала на человѣка, несшаго какую то ношу, но успѣла затормозить машину.

— Это былъ я, — сказалъ Мурзаевъ.

— Вы?! О, Боже! Что же васъ туда привело?

— Возвращался изъ лѣса съ грибами. Тогда же нашелъ брошенный вами автомобиль, а въ немъ одну орхидею. Съ этого закралось у меня сомнѣніе, не случилось ли чего нибудь въ дачномъ домѣ князя.

— Это рокъ, это перстъ Божій, направившій единственнаго въ городѣ мнѣ близкаго человѣка на мой слѣдъ, — воскликнула Аріадна Георгіевна и продолжала: — дома я наскоро переодѣлась, обмыла рану и забинтовалась. Пришлось самой привести комнату въ порядокъ, чтобы не возбудить любопытство горничной. Платье заперла въ шкапъ, но куда дѣть цвѣты изъ оранжереи князя, а также воду и вату со слѣдами крови, Я вспомнила, что садъ подъ моими окнами запертъ наглухо до весны. Туда я выплеснула воду, выбросила цвѣты, а также перчатку, пару отъ которой забыла въ дачномъ домѣ. Тамъ ихъ нашли.

— Я же, совершенно случайно, — замѣтилъ Мурзаевъ.

— Вами положительно руководила карающая десница Бога. Какъ вы достали платье изъ шкапа, не знаю. По всей вѣроятности сообщила горничная, уволенная дня черезъ два послѣ убійства.

— Она не при чемъ. Тутъ тоже рокъ. Не уволь вы ее, этой важнѣйшей улики не попало бы въ наши руки. Изъяла изъ шкапа платье новая прислуга, бывшая нашей агентшей. Она была поставлена къ вамъ въ услуженіе по инициативѣ моего помощника. Честь раскрытія преступленія всецѣло принадлежитъ ему. У меня открылись глаза всего однимъ днемъ раньше, чѣмъ у Олега Кириловича.

— Съ вечера у Цѣлинскихъ началось разыгрываніе мною лицемѣрной роли несчастной невѣсты, трагически потерявшей жениха. Былъ разсчитанъ каждый шагъ, каждое движеніе, каждое слово. Когда васъ вы-

звали изъ за нашего чайнаго стола, я сразу поняла причину, и тотчасъ же обдумала до мельчайшихъ деталей, какъ я упаду въ обморокъ при извѣстіи о смерти князя. Единственный разъ я не выдержала было роли — это при прощальномъ цѣлованіи въ церкви.

— Гдѣ вы жили послѣ отъѣзда? — спросилъ Мурзаевъ.

— Если время до выѣзда моего за границу, я вспоминаю съ ужасомъ, то послѣдующій періодъ моей жизни вспоминать противно и стыдно. Я бросилась въ омутъ парижскаго полусвѣта. Мой капиталъ могъ бы быстро растаять, еслибы не началась война. Иностранцы разбѣжались по своимъ мѣстамъ, веселящіеся французы въ порывѣ патріотизма, какъ по мановенію волшебнаго жезла, остепенились. Сразу донельзя стало скучно, докучливыя мысли о прошломъ полѣзли въ голову. Одинъ изъ послѣднихъ моихъ „ami“ оказался офицеромъ генеральнаго штаба, служащимъ въ секретномъ отдѣлѣ. Онъ предложилъ мнѣ работать по шпіонажу. Я схватилась за это предложеніе, отвѣчавшее моимъ вкусамъ притворной лицедѣйки и характеру спортсменки, любящей опасность. Страшно вспомнить, сколько я проявила лжи, лукавства и обмана. Гдѣ я только ни была — и въ центрахъ международнаго шпіонажа, въ родѣ Копенгагена, и въ самой Германіи, какъ въ Берлинѣ, такъ и въ ближайшемъ тылу фронта. Много разъ была на краю разоблаченія. Я не имѣю права хвалиться, но могу сказать, что удача нѣсколькихъ операцій союзническихъ армій обязана свѣдѣніямъ, доставленнымъ мною. Но лицо мое пылаетъ отъ стыда при воспоминаніи о томъ, до какой степени безстыдства я доходила и какой позорной для женщины цѣной я покупала то, что хотѣла знать, бррррр. . . . .

— Что дѣлать, — успокаивалъ ее Мурзаевъ. — Безъ шпіонажа на войнѣ не обойтись. Шпіонъ по своему работаетъ на пользу отечества, ради чего ежечасно рискуетъ головой, а потому, можетъ быть достоинъ уваженія.

— Не говорите такъ, — возразила она. — Не будемъ говорить о другихъ. Да, среди шпіоновъ много героевъ, но ко мнѣ это относиться не можетъ. Я просила вашей бесѣды для того, чтобы говорить только

правду, а потому скажу, что ни малѣйшей крупицы патріотизма или иныхъ благородныхъ побужденій у меня не было. Случайно война застала меня въ Парижѣ и я стала работать на Францію, окажись я въ Берлинѣ или догадайся нѣмцы предложить мнѣ большее вознагражденіе, я стала бы работать на нихъ. Вѣдь это было то время, когда душа моя была во власти темныхъ силъ.

— Что же было послѣ войны? — спросилъ Мурзаевъ.

— Былъ позоръ. Сплошной позоръ! Кто бывалъ въ тѣ годы въ Парижѣ, тотъ не могъ не слышать про звѣзду первой величины на горизонтѣ веселящагося Парижа, про гречанку, красавицу Ульфилу. Не одно состояніе было ею раззорено, не одинъ выстрѣлъ раззореннаго или влюбленнаго прозвучалъ въ тиши изъ за нея. То была я. Оплачивать мои ласки приходилось дорого, потомучто помимо общихъ у всѣхъ проститутокъ высшаго полета пріемовъ у меня былъ свой особый пріемчикъ, кружившій головы. Каждый мой очередной номеръ былъ убѣжденъ, что моя любовь не только имъ куплена, но что я его дѣйствительно полюбила отъ всей души и отъ всего сердца. Я умѣла придавать своимъ словамъ и объятіямъ привкусъ непорочности и внушить, что истиной любовью я полюбила впервые его. Глаза у него открывались только тогда, когда онъ оглоданный и обсосанный до послѣдняго франка, выбрасывался мною за бортъ, какъ шелуха отъ съѣденнаго фрукта. Этотъ пріемъ меня привелъ къ тому, чѣмъ стала я теперь. . .

— Послѣдней моей жертвой былъ итальянецъ, въ молодые годы уѣхавшій за Океанъ и тамъ сумѣвшій не то въ Бразиліи, не то въ Аргентинѣ составить себѣ крупное состояніе. Родомъ онъ былъ изъ окрестностей Джезано и Альбано. Нравъ свой унаслѣдовалъ отъ своихъ дѣдовъ. Эти мѣста имѣютъ прочную славу. Еще живы легенды о разбойникахъ тѣхъ мѣстъ. Джезанцы же послужили темой для авторовъ разбойничьихъ романовъ. Достаточно заглянуть въ старинную Джезанскую церковь. Тамъ вы увидите особаго рода благочестивыя приношенія святымъ ex voto: кинжалы, пищали и прочія орудія разбойнаго промысла, принесенныя тѣми, кто на старости лѣтъ уходилъ на покой. Лѣса вокругъ

озеръ Альбано и Неми вырублены, современные разбойники орудують не въ лѣсахъ, а въ большихъ городахъ, не кистенемъ, а аферами, но нравъ джезанцевъ не измѣнился. По прежнему тамъ въ почетѣ кровавая расправа, еще не исчезли традиціонные способы мести, и далеко еще не всѣ кинжалы снесены въ джезанскую церковь. Таковъ былъ и мой Джузепе Вендуто, человѣкъ съ изысканнѣйшими манерами, но по нраву дикій горецъ, вырвавшійся со страницъ разбойничьяго романа. Послѣ встрѣчи со мной отъ его богатства скоро ничего не осталось. Ради того, чтобы удержать меня около себя, онъ пошелъ на преступленіе. Я ускользнула отъ него съ его преемникомъ сюда. Онъ меня разыскалъ. Чтобы отдѣлаться отъ него, я его предала. Онъ узналъ, кто былъ предатель. Наканунѣ его ареста было наше съ нимъ послѣднее свиданье. Оно было очень кратко. Подойдя комнѣ, онъ сказалъ одну лишь фразу: «такъ клеймять въ моихъ горахъ предателя». Что то блеснуло передъ моими глазами и я со страшной болью въ лицѣ упала, обливаясь кровью. Очнулась я лишь въ больницѣ. Взглянувъ въ зеркало, я ужаснулась маски, смотрѣвшей на меня со стекла. Медленно тянулись дни размѣренной больничной жизни, еще нуднѣе проходили безсонныя ночи. Въ мысляхъ протекала вся моя жизнь, сердце ныло какой то непривычной болью. То начинали прозябать зачахшія, затоптанныя, заплеванныя семена добра, какимъ то чудомъ уцѣлѣвшія въ такой преступной душѣ, какова была моя. Вскорѣ я почувствовала боль въ груди, какъ отъ ожога каленнымъ желѣзомъ. То были первые проблески раскаянія, вызвавшіе на мои глаза первыя не лживыя слезы. По мѣрѣ того, какъ добромъ вытѣснялось изъ сердца зло, наросталъ ужасъ передъ тѣмъ, что совершила я въ жизни. Когда я вышла изъ больницы, денегъ у меня оказалось немного, но обстановки и тряпокъ хватило, чтобы прожить нѣкоторое время. Затѣмъ наступила нищета. Дѣлать я ничего не умѣла, а своимъ лицомъ всѣхъ отталкивала отъ себя. Нерѣдко голодала, въ зимніе мѣсяцы и холодала, но этимъ матеріальнымъ лишеніямъ я иногда была рада. Они не давали переживать такъ остро страданья души. Чѣмъ тяжелѣе становилась жизнь, тѣмъ болѣе очища-

лась душа моя отъ скверны. Сбылись надо мной слова Екклесіаста: «при печали лица сердце дѣлается лучше». Добро во мнѣ наростало. Я полюбила дѣтей, но тутъ нашла новую муку. Какъ мнѣ было больно, когда при моемъ приближеньи они разбѣгались въ испугѣ, какъ разлетаются птички, увидавшія кошку. Вскорѣ я познала чистую, непорочную любовь. . .

— Къ кому?

— Къ тѣни! Къ братьямъ Костровымъ, слившимся для меня въ единый свѣтлый, чарующій образъ. Эту тѣнь я полюбила такъ, какъ можетъ любить невинная дѣвушка первой любовью. Здѣсь то началась самая страшная пытка. Лишь наступаетъ ночь, на меня глядятъ дорогіе мнѣ глаза, но взоръ ихъ меня истязаетъ. Это либо взглядъ Всеволода, полный любви и упрека, либо Олега, полный тоже любви и презрѣнья. Нѣтъ силъ переносить этотъ взоръ, но когда потухалъ этотъ дорогой мучительный взоръ упрека и презрѣнья, тогда обступали меня отвратительныя мерзкія видѣнья, порожденныя періодомъ моей жизни въ Парижѣ. Толпились вокругъ меня люди, натолкнутые мной на преступленія или покончившіе съ собой изъ за меня. Ихъ оттѣсняли другіе съ развратными лицами и похотливыми глазами. Они тянулись ко мнѣ, пытаясь непристойно схватить меня, пачкали меня своей липкой, похотливой слюной. Я призывала дорогую, свѣтлую тѣнь братьевъ Всеволода и Олега спасти меня. При ея появленіи пропадали гнусныя видѣнія, но взоръ любимыхъ глазъ вновь меня жегъ. Такъ то я живу въ непрерывномъ мученьи.

„Какъ каторжникъ влачитъ оковы за собой,
Такъ всюду я влачу среди моихъ скитаній,
Весь адъ моей души, весь мракъ переживаній,
И страхъ грядущаго и боль воспоминаній“.

— Вы знаете, чьи это стихи?

— Кажется, Надсона, но какъ вы могли ихъ удержать въ памяти?

— Я вѣдь ваша ученица въ области поэзіи. Это связано съ моей жизнью въ больницѣ, когда мнѣ удалось совершить хоть одно маленькое доброе дѣло.

— Я увѣренъ, что вы успѣли совершить не одно.

— Я бы и хотѣла, но не могу. Я отверженная, отъ который никто не приметъ услуги.

— Что это за доброе дѣло, связанное съ именемъ Надсона?

— Все чѣмъ я обладаю на мнѣ: эти лохмотья и два сокровища, двѣ книжки. Одна — Евангеліе, другая — «Адъ» Данте. Съ ними я не разстанусь. Вотъ онѣ въ мѣшкѣ. Когда онѣ окажутся въ чьихъ бы то ни было рукахъ, это будетъ знакомъ, что меня больше нѣтъ, что я умерла. Была у меня третья книжка, стихотворенія Надсона, но она такъ растрепалась, что пришлось съ ней разстаться. Данте у меня остался отъ времени, когда я жила въ достаткѣ, а Евангеліе и Надсона я получила въ больницѣ. Я ошиблась, сказавъ, что говорю съ вами съ первымъ русскимъ. Вы — второй. Умиралъ въ больницѣ какой-то русскій. Кто онъ былъ, не знаю. То ли застрявшій здѣсь горе-художникъ, то ли бѣженецъ, отбившійся отъ своихъ. Въ бреду онъ тосковалъ по Россіи. Его мало понимали съ его плохимъ языкомъ. Я не отходила отъ его постели, разсказывала про его родину, пѣла русскія пѣсни. Я дала ему маленькій лучъ счастья. Онъ умеръ спокойно на моихъ рукахъ. При немъ были двѣ книжки — Евангеліе и Надсонъ. Ихъ отдали мнѣ.

— Гдѣ вы живете? — спросилъ Мурзаевъ.

— Къ чему вамъ это знать? Къ тому же мнѣ было бы трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Когда дуетъ зимой трамонтано, найдутся добрые люди, которые позволятъ переночевать въ углу какого нибудь хлѣва. Въ прочее время мой ночлегъ тамъ, гдѣ застанетъ меня ночь: то ли на паперти церкви за колоннами, то ли въ какомъ нибудь закоулкѣ, какихъ на улицахъ Рима такъ много, то ли за городомъ на Апіевой дорогѣ у подножья развалинъ одного изъ мавзолеевъ.

— Гдѣ же васъ можно найти?

— Это просто. Идите въ церковь Святая Святыхъ въ тотъ часъ, когда я васъ тамъ какъ то видѣла. Уже третій годъ по обѣту я ежедевно три раза подрядъ поднимаюсь по Святой Лѣстницѣ.

— Три раза! — воскликнулъ Мурзаевъ, — но это такъ трудно и больно.

— Больно? — горько усмѣхнулась она. — Что значитъ эта боль въ ногахъ по сравненію съ болью души. Да, у меня образовались костныя мозоли на колѣняхъ. Но это единственный часъ во днѣ, когда я отдыхаю душой. . . Гдѣ вы живете, я знаю. Вамъ будетъ дана вѣсть о моей смерти.

— Откуда вы знаете мой адресъ?

— Напротивъ фонтана Треви есть церковь съ тройными колоннами во имя Святыхъ Винценцо е Анастасіо. Въ ней есть темные уголки, гдѣ я могу скрываться отъ челвѣческихъ взоровъ. По пути въ эту церковь я видѣла, какъ вы выходили изъ дома, въ которомъ живете.

— Чѣмъ вы питаетесь? — волнуясь, спрашивалъ Мурзаевъ.

— Въ Римѣ найдется питанія на столько, чтобы не умереть съ голода. Сегодня монахи дадутъ чашку овощей или макаронъ, завтра добрый человѣкъ подастъ ломоть хлѣба, а кромѣ того, когда убираютъ площади послѣ базаровъ, тамъ можно найти много выброшенныхъ фруктовъ и овощей, лишь слегка тронутыхъ гнилью.

— Такъ жить нельзя, — горячась, воскликнулъ Мурзаевъ. — Сдѣлайте мнѣ большое одолженіе — примите отъ меня маленькую денежную помощь.

— Не надо, — твердо отвѣтила она. — Мнѣ нужно отъ васъ не денегъ, а то, что вы мнѣ уже дали — доброе слово стараго друга. Къ чему мнѣ деньги — вѣдь я вамъ говорила, что голодъ и холодъ помогаютъ мнѣ переносить душевныя муки.

— Быть можетъ вы не хотите взять деньги отъ отдѣльнаго человѣка, хотя бы и друга. Обратимся въ русскій комитетъ.

— Я?!! Въ русскій комитетъ?! Никогда! — въ испугѣ воскликнула Аріадна Георгіевна. — Этимъ нарушу я то, что сказано мнѣ Олегомъ Кириловичемъ. Я честно исполнила его приказъ. Въ періодъ моей бурной, постыдной парижской жизни потому, что русскихъ мнѣ не было нужно. Они для меня были слишкомъ бѣдны. Теперь же каждое слово его для меня свято, потомучто я люблю его, люблю его тѣнь. Если нарушу то, что я ему обѣщала, я сдѣлаю такое же вѣроломство какъ тогда, когда

поцѣловала его брата Всеволода съ ядомъ въ рукахъ. Вы говорите про Комитетъ — онъ мнѣ не нуженъ. Другого жаждетъ моя душа, но я не смѣю, не имѣю права переступить порогъ.

— Порогъ чего?

— Порогъ русской прволавной церкви.

— Онъ вамъ разрѣшилъ бы.

— Быть можетъ. Кому какъ не мнѣ знать его доброе сердце. На себѣ испытала. Но скажите, что будетъ, если русскіе люди узнаютъ, что среди нихъ убійца князя Кострова?

— Но жить, какъ живете вы, все равно, что совершать медленное самоубійство, — съ тоскою промолвилъ Мурзаевъ.

— Нѣтъ. Я сплю, когда хочу спать. Я ѣмъ, когда есть, что ѣсть. Я поддерживаю свое бренное тѣло до того часа, когда Господь пожелаетъ вынуть изъ него мою преступную, гнусную душу. Это не самоубійство. Съ нимъ я знакома.

— Неужто была даже попытка — наложить на себя руки?

— Была. Въ самую страшную ночь, изъ всѣхъ ночей, мной пережитыхъ. Подъ вечеръ я проскользнула въ одну изъ нишъ Колизея и тамъ притаилась. Наступила ночь. Заснуть не могла. Мрачныя стѣны гигантскаго зданія давили. Жуткія тѣни ложились отъ луннаго свѣта. Въ головѣ вставали картины ликующаго Рима, упивающагося кровью погибающихъ на аренѣ людей на потѣху толпы. Внезапно изъ этой почвы, до глубинъ пропитанной кровью, возстали тѣни здѣсь умершихъ людей. Ихъ были сонмы, и вдругъ они увидали меня. Вѣтеръ ли то пробѣжалъ по галлереямъ и сводамъ зданія, но я услыхала ихъ общій крикъ: «убійца, Іуда, предавшій любовь». Я побѣжала, но они летѣли за мной. Гдѣ я была, того я не знаю. Оказалась въ поляхъ. Тучи нашли. Ночь стала беззвѣздной. Вылъ вѣтеръ, а можетъ быть это были они. Въ бѣгѣ своемъ перебѣжала я мостъ. То, думаю, была рѣчка Альмоне. Камыши, подъ вѣтромъ качаясь, точно руки тянули ко мнѣ. Въ ихъ шелестѣ слышала зовъ — заснуть на всегда на днѣ тинистой рѣчки. Я отъ нея была ужъ далеко,

когда у меня возникло непреодолимое желанье скорѣй умереть. Гнилой грязью была моя жизнь, въ болотистой тинѣ мнѣ мѣсто лежать. Я повернула назадъ къ тростникамъ, но вдругъ оказалась около какой то церковки. Гдѣ я была, что это за церковь я не могла дать отчета. Послышались чьи то шаги, какъ будто вблизи отъ меня промелькнула какая то тѣнь. Я прошептала: «какая тутъ церковь?» — „Quo vadis“, — послышался голосъ. Былъ ли тутъ человѣкъ, прозвучалъ ли лишь голосъ, но я ужаснулась предъ тѣмъ, что собралася сдѣлать. — „Quo vadis“, — «куда ты идешь» — остановилъ меня таинственный голосъ. Успокоившись, я поняла, куда забѣжала. То была церковь „Quo vadis“ на мѣстѣ, гдѣ встрѣчилъ Христа уходившій изъ Рима Апостолъ. На ступеняхъ этой церкви заснула и видѣла радостный сонъ. Я видѣла братьевъ Костровыхъ. Убитый мнѣ грѣхъ отпустилъ, Олегъ же меня обласкалъ. Съ слезами въ глазахъ я проснулась подъ солнечнымъ, яркимъ лучомъ, обогрѣвшимъ меня. Была та ночь самой страшной, но день былъ спокойный, счастливый. Я такъ всѣхъ любила, и люди въ тотъ день меня не чуждались. Съ тѣхъ поръ я рѣшила, что рукъ на себя наложить я не смѣю. Однако это можетъ случиться. Есть нѣчто, что пережить я не въ силахъ. Я знаю, что страхъ передъ этимъ можетъ толкнуть меня на смерть.

— Что же такое?

— Не спрашивайте. Сказать не могу, до того это страшно.

— Чѣмъ могъ бы помочь я?

— Больше уже оказанной мнѣ вами помощи сдѣлать нельзя. Теперь когда старому другу повѣдала все, что хотѣла, бремя души полегчало. Мнѣ нужно было принести покаянье во всей своей сквернѣ. Вы единственный человѣкъ въ мірѣ, передъ кѣмъ я могла это сдѣлать. Я вижу милость Господню ко мнѣ недостойной въ томъ, что Онъ направилъ васъ въ Римъ. Объ одномъ я хотѣла бы васъ спросить. . . .

— О чемъ?

Она долго молчала, не рѣшаясь предложить вопроса. Сдѣлавъ надъ собой усиліе, сказала:

— Онъ живъ?

— Кто?

— Князь Олегъ Кириловичъ.

— Не только живъ, но живетъ тутъ подъ Римомъ.

Какъ раненная на смерть она внезапно вскочила, прижавъ обѣ руки къ сердцу, и, рыдая, упала на выжженную солнцемъ траву.

— Боже мой, Боже мой. Неужто и это я должна претерпѣть. Пошли мнѣ страданья сторицей, но избавь отъ этого испытанія. Куда мнѣ бѣжать? Въ какой клоакѣ мнѣ скрыться?

Мурзаевъ ее поднялъ, приласкалъ, стараясь хоть немного ее успокоить, но она металась, ломая руки.

— Что съ вами, дорогая? Чего вы такъ испугались?

— Иванъ Григорьевичъ, дорогой мой другъ, поймите. Это же то самое, чего я страшусь больше всего. Это то, что я не смогу перенести. Это то единственное нѣчто, которое можетъ привести меня къ самоубійству.

— Да что же? что же такое? — недоумѣвалъ Мурзаевъ.

— Что?!! — Страхъ встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу. Одинъ его взглядъ, брошенный на меня, превратитъ меня въ пепелъ. Меня на мѣстѣ убьютъ стыдъ, совѣсть и... любовь!

Мурзаевъ пытался ее уговаривать, убѣждая, что она давно прощена, что Олегъ Кириловичъ будетъ радъ ее встрѣтить, что встрѣча эта кромѣ успокоенія ея страданій ничего другого ей не дастъ.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, — она отвѣчала. — Я вѣрю, я знаю этотъ свѣтлый образъ, я знаю это благородное сердце. Но это то и ужасно. Если бы онъ меня укорялъ, ругалъ, унижалъ, еслибы онъ меня билъ, это было бы легче. Но его доброта будетъ тѣмъ лучомъ, который достойныхъ живитъ, а недостойныхъ сжигаетъ. Я не могу взглянуть въ лицо человѣка, котораго такъ гнусно обманывала, а теперь такъ полюбила. Я не могу взглянуть на лицо, черты котораго такъ схожи съ чертами того, кого я предательски убила. Прощайте, Иванъ Григорьевичъ. Благодарю за величайшую милость, оказанную мнѣ, за то, что не погнушались выслушать мою исповѣдь. Прощайте... Не идите за мной...

Она низко поклонилась и быстро пошла, но вдругъ остановилась.

— Скажите — какъ его адресъ? — спросила она окрѣпшимъ голосомъ, въ которомъ Мурзаеву почуялось что то недоброе. Онъ отвѣтилъ.

— Еще одна просьба. Вы мнѣ предлагали денегъ. Дайте. Но отнюдь не болѣе двухъ лиръ. Больше не надо. Спасибо. Прощайте, дорогой. Помните, что я сказала о книгахъ.

— Какихъ книгахъ? — крикнулъ ей въ слѣдъ Мурзаевъ, но она, не отвѣчая, убѣжала въ сторону развалинъ дворца Калигулы и скрылась.

29.

Душевное настроеніе Аріадны Георгіевны въ концѣ бесѣды, такъ внезапно оборвавшейся, очень безпокоило Мурзаева. На слѣдующее утро онъ отправился въ церковь Святая Святыхъ въ тотъ часъ, когда она по обѣту совершала свое троекратное восхожденіе на Святую Лѣстницу. Ея тамъ не было, что показалось Мурзаеву грознымъ предзнаменованіемъ какой-то бѣды. Изъ церкви онъ поспѣшилъ на вокзалъ къ поѣзду, отходящему въ Тиволи.

— Ну, кайся въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ,— встрѣтилъ весело Мурзаева Олегъ Кириловичъ. — Разсказывай свой романъ съ таинственной Сандрильоной.

— Никакого тутъ романа нѣтъ, — отвѣтилъ съ мрачнымъ лицомъ Мурзаевъ, — а глубочайшая трагедія, первымъ дѣйствующимъ лицомъ въ которой являешься ты, а не я.

— Что такое? Не понимаю, — сказалъ Олегъ Кириловичъ, становясь въ свою очередь серьезнымъ.

— Нищая съ закрытымъ лицомъ — Аріадна Георгіевна. Лицо она закрываетъ потому, что оно страшно обезображено. Уже нѣсколько лѣтъ она влачитъ нищенское существованіе, претерпѣвая къ тому жестокія, покаянныя муки.

— Надо ее немедленно вытянуть изъ этой нищеты и устроить сносную жизнь, — воскликнулъ Олегъ Кириловичъ.

— Ради этого я къ тебѣ и пріѣхалъ, но боюсь не опоздали ли мы.

— Что же могло случиться?

— Все вплоть до самоубійства.

Мурзаевъ подробно сообщилъ содержаніе исповѣди Аріадны Георгіевны. Онъ былъ близокъ къ окончанію своего разсказа, когда принесли почту. Олегъ Кириловичъ, слушая, вскрылъ заинтересовавшую его бандероль. Мурзаевъ внезапно оборвалъ на полусловѣ разсказъ и взволновано крикнулъ:

— Ѣдемъ немедленно въ Римъ! Когда идетъ поѣздъ? Отыщи автомобиль!

— Что съ тобой? — удивленно спросилъ Олегъ Кириловичъ, перелистывая присланную ему трепанную и грязную книжку.

— Это — Евангеліе?

— Да. Но кто и зачѣмъ мнѣ его прислалъ, рѣшительно не могу понять.

— Она умерла, — убѣжденно отвѣтилъ Мурзаевъ.— Она мнѣ сказала вчера, что если эта книжка выйдетъ изъ ея рукъ, то это будетъ вѣстью, что ея нѣтъ въ живыхъ. Теперь мнѣ понятно, зачѣмъ она вернулась спросить твой адресъ и почему попросила у меня двѣ лиры, хотя только что передъ тѣмъ отказалась отъ какихъ либо денегъ. Они ей понадобились для покупки почтовыхъ марокъ.

— Но ты мнѣ только что говорилъ, что она разъ на всегда отказалась отъ попытокъ къ самоубійству.

— Я не кончилъ разсказъ, когда принесли почту.

Мурзаевъ разсказалъ объ испугѣ Аріадны Георгіевны при вѣсти, что Олегъ Кириловичъ живетъ въ Римѣ, и объ ея ужасѣ передъ возможностью встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу.

— Спѣшимъ, — вскочилъ Олегъ Кириловичъ, взглянувъ на часы, — поѣздъ отходитъ черезъ 25 минутъ. Успѣемъ его захватить.

Когда они подъѣзжали къ Риму, онъ спросилъ:

— Куда мы прежде всего направимся?

— Ко мнѣ, — отвѣтилъ Мурзаевъ, — она мнѣ обѣщала дать вѣсть о своей смерти.

У себя Мурзаевъ тоже нашелъ бандероль. То была книжка «Ада» Данте. Увидавъ ее, онъ со слезами сказалъ:

— Въ живыхъ ея нѣтъ. Послѣднія ея слова были: «помните, что я сказала о книгахъ».

— Но, Боже мой, что же намъ теперь дѣлать?

— Искать ея тѣло.

— Но гдѣ?

— Прежде всего ѣдемъ на островъ Тиберина.

— Зачѣмъ?

— Въ то учрежденіе назвать которое не поварачивается языкъ.

— Въ какое?

— Въ моргъ. Только не знаю, отпертъ ли онъ въ эти часы.

— Для меня отопрутъ. Я тамъ свой человѣкъ, — отвѣтилъ Олегъ Кириловичъ.

— Ты?! — удивился Мурзаевъ. — По прежней профессіи я могъ бы интересоваться моргомъ, но что у тебя можетъ быть общаго съ этимъ мрачнымъ мѣстомъ?

— Компоную картину на мрачную тему. Символическая съ примѣсью мистики. Будетъ много мертвыхъ тѣлъ. Такъ вотъ — изучаю.

— Въ такомъ случаѣ скорѣе ѣдемъ туда.

Мрачноватый сторожъ морга встрѣтилъ князя Кострова, какъ стараго знакомаго.

— Кое что новенькое есть для васъ, principe.

— Что?

— Женщина пожилыхъ лѣтъ.

— Откуда?

— Бросилась въ Тибръ съ моста Систа, выловили ее здѣсь около острова Тиберина, чуть не подъ стѣнами морга.

— Никто не опозналъ?

— Нѣтъ. Заходила старуха изъ Трастевере — искала пропавшаго сына подростка. Узнала въ утопленницѣ нищую, бродившую не одинъ годъ по всему Риму. Но кто она и гдѣ жила, того старуха объяснить не умѣла. Очень хвалила покойницу за доброе сердце.

— Какое лицо у умершей?

— Ужасно. Шрамъ sfregio черезъ все лицо.

Они вошли въ помѣщеніе для труповъ. Нѣсколько ихъ, покрытыхъ холстиной лежало на столахъ. У даль-

няго отъ порога трупа одна нога высунулась изъ подъ покрывала.

— Она! — съ ужасомъ воскликнулъ Мурзаевъ. — Видишь на ногѣ овальное клеймо? То шрамъ отъ укуса собаки.

Они подошли къ трупу. Олегъ Кириловичъ, откинувъ уголъ покрывала, открылъ лицо покойницы. Оно было очень блѣдно. Около носа и рта были видны слѣды подсохшей мелкопузырчатой пѣны. Зрачки были сильно расширены.

Однако во взорѣ не было видно ни страха, ни боли. Казалось, что она широко раскрыла глаза, увидавъ передъ собой что то свѣтлое, радостное, зовущее къ себѣ. Хотя глаза слегка потускнѣли, но взглядъ ихъ такъ лучился любовью и обрѣтеннымъ покоемъ, что забывалось клеймо, обезобразившее это когда то прекрасное лицо.

— Посмотри на шрамъ, — прошепталъ Олегъ Кириловичъ, крѣпко сжимая руку Мурзаева. — Припомни какъ на уничтоженномъ мною портретѣ прошелъ по лицу разрѣзъ отъ ножа. Кинжалъ мстителя прошелъ по живому лицу точно также, какъ мой ножъ по портрету.

Когда то давно молча сидѣли двое мущинъ передъ портретомъ женщины, которую оба любили. Теперь они же вновь въ глубокомъ молчанiи стояли около ея праха и думали общую тяжкую думу.

— Тяготѣлъ надъ ней рокъ, — промолвилъ одинъ изъ нихъ. — Во всю ея жизнь не могли сочетаться между собой ея внѣшность съ душою. Когда красота ея была въ полномъ расцвѣтѣ, она была

Какъ демонъ коварна и зла.

— Когда же клеймо отверженной обезобразило это прекрасное лицо, — продолжилъ мысль другой, — она душою стала

Прекрасна, какъ ангелъ небесный.

30.

Кромѣ князя Кострова и Мурзаева, одинъ только отецъ Сергій зналъ, кто была новопреставленная раба божія Аріадна, которую отпѣвали въ той русской православной церкви на улицѣ Палестро, въ Римѣ, порогъ которой она не смѣла переступить при жизни.

Юрьевъ (Tartu), Эстонія.
1933.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть первая.
Преступленіе . . . . 5.

Часть вторая.
Изобличеніе . . . . 128.

Часть третья.
Кара 189

Того-же автора:

УБІЙСТВО ВРАЧА ГОРЯНСКАГО.

Уголовная повѣсть-быль.

Складъ изданія: М. Дидковскій — Латвія.
Рига. Крѣпостная ул. № 43—45.
Riga. Valnu jelā № 43—45.

КЛЕЙМО (SFREGIO).

Уголовный романъ-быль.

Складъ изданія: «Русская Книга» — Эстонія.
„Wene Raamat".
Tallinn (Ревель) Harju 39.

Обѣ книги также у автора — Эстонія. Tartu, Aleksandri t. 74-4.

ОПЕЧАТКИ.

Страница	Строка	напечатано	читать
22	2	приглашившимъ	приглашавшимъ
64	13	красивой	кривой
98	34	лишь	бишь
113	19	дюжъ	не дюжъ
119	12	маузоръ	маузеръ
119	22	положишъ	положишь
119	29	разошлишь	разошлись
120	19	но	не
133	8	нетразвомъ	нетрезвомъ
136	9	самаго	самого
192	1	творчества	творческаго
208	39	сохранились	сохранилась

Того-же автора:

УБІЙСТВО ВРАЧА ГОРЯНСКАГО.

Уголовная повѣсть-быль.

Складъ изданія: М. Дидковскій — Латвія.
Рига. Крѣпостная ул. № 43—45.
Riga. Valnu jelä № 43—45.

КЛЕЙМО (SFREGIO).

Уголовный романъ-быль.

Складъ изданія: «Русская Книга» — Эстонія.
„Wene Raamat".
Tallinn (Ревель) Harju 39.

Обѣ книги также у автора — Эстонія. Tartu. Aleksandri t. 74-4.

M. N. Minis'e trükk, Narvas